

ЛІЛЯ КЕЙН

САРИЭЛЬ

ЗАМОК В ИПОТЕКУ

Annotation

Маша — это просто Маша. Два высших образования, работа в солидной фирме, хорошая зарплата, собственная квартира в ипотеку. Она все успевала и ни на что не жаловалась. Но эта чертова лазанья — будь она не ладна! — сначала едва не отправила Машу на тот свет, а потом и вовсе закинула в параллельный мир, жители которого приняли ее за некую Мариэль — хранительницу памяти расы палал, уничтоженной тридцать лет назад.

У Маши только два пути: стать Мариэль и выжить или отказаться и отправиться в ссылку. На ипотеку иномирцам плевать, так что плакали ее денежки вместе с квартирой. Придется оформлять еще одну. И почему бы сразу не купить замок?

В тексте есть: мжм, авторские расы, сильная героиня
18+

-
- [Мариэль. Замок в ипотеку](#)
    - [Пролог](#)
    - [Глава 1. Император Луисцар](#)
    - [Глава 2. Орден](#)
    - [Глава 3. Память](#)
    - [Глава 4. Совет](#)
    - [Глава 5. Ужин](#)
    - [Глава 6. Нэим](#)
    - [Глава 7. Урок](#)
    - [Глава 8. Праздник роскоши и яда](#)
    - [Глава 9. Подслушанный разговор](#)
    - [Глава 10. Ночь огня и страсти](#)
    - [Глава 11. Тайна](#)
    - [Глава 12. Решение Совета](#)
    - [Глава 13. Полукровка](#)
    - [Глава 14. Шеймас](#)
    - [Глава 15. Первая ночь в Трейсе](#)

- [Глава 16. «У Тамани»](#)
  - [Глава 17. Гилья, Стражи и другие секреты западной башни](#)
  - [Глава 18. Первая деловая встреча Мари](#)
  - [Глава 19. Секрет Нэима](#)
  - [Глава 20. Сделка](#)
  - [Глава 21. Кавры](#)
  - [Глава 22. Резервация флиомов](#)
  - [Глава 23. Наедине](#)
  - [Глава 24. Свидание на троих](#)
  - [Глава 25. Вейц](#)
  - [Глава 26. Задержка](#)
  - [Глава 27. Голос разума и зов сердца](#)
  - [Глава 28. Без претензий и ревности](#)
  - [Глава 29. Предупреждение Нэима](#)
  - [Глава 30. Последняя капля](#)
  - [Глава 31. Выходи за меня!](#)
  - [Глава 32. Стон и Блин](#)
  - [Глава 33. Свадьба](#)
  - [Глава 34. Свадебное путешествие](#)
  - [Глава 35. Медовый месяц](#)
  - [Глава 36. Незванный гость](#)
  - [Глава 37. Личный выбор каждого](#)
  - [Глава 38. Расплата](#)
  - [Глава 39. Вселенная](#)
  - [Эпилог](#)
-

Мариэль. Замок в ипотеку
Лея Кейн

Пролог

Вид лазаньи оставлял желать лучшего. Маша вообще не любила готовить. Тем более было бы для кого! Она жила одна и могла позволить себе обед в кафе и пиццу на ужин. А лазанью попросил шеф, черт его подери! Старый сердечник слег в больницу, и теперь Маше приходилось обслуживать его там. По сути, ничего сложного — навестить его раз-два в неделю, потому что родственники вспомнят о нем, только когда придет время оглашения завещания, а в остальное время кайфуй в свое удовольствие. В офисе стихло: все встречи отменены или перенесены, менеджеры срочно взяли отгулы или стайками собирались в служебных комнатах и весь день там пили чай. И хотя Маша была ближе всех к шефу (все-таки его секретарь!) и чаще других получала выговоры, ей не особо нравилось, как коллеги тайком желали ему склеить лапы. Если Георгий Валентинович отдаст Богу душу, фирма по наследству перейдет его сыночку-наркоману, и тогда все полетят с работы, ведь тот быстро обанкротится! Вообще здесь грех было жаловаться на работу: комфортные условия, стабильная немаленькая зарплата, премиальные, оплачиваемые отпуска и больничные. Именно шеф помог Маше — девчонке из ниоткуда — оформить ипотеку и взять трехкомнатную квартиру в центре города. Поначалу ей было страшно, потом привыкла, а сейчас — семь лет спустя — она превратилась в уверенную в себе женщину. Выплаты по ипотеке ничуть не отражались на ее жизни. Маша не одевалась на распродажах, не красила волосы китайской краской, не брила ноги дешевым станком и не делала маникюр «на дому» у соседки. Бренддовая одежда, золото, обслуживание в лучшем салоне красоты, личный фитнес-тренер — все это было нормой ее жизни. Так что Маша не золушка.

Чего ей не хватало, так это свободы и человека, близкого по духу. Работа отнимала все время, ни о какой личной жизни и речи не могло идти. Секс с женатым коллегой на корпоративе или с едва знакомым командированным иностранцем после пары коктейлей в клубе «Гранд» Маша рассматривала как единственную возможность выпустить пар и не превратиться в злую, неудовлетворенную ханжу. К счастью, у шефа

были проблемы с его дружкой, и ей не приходилось зарабатывать премию раздвиганием ног на рабочем столе. Его бы она точно не вынесла. Грузный, краснолицый пузан с одышкой и лысиной. А вот сделать ему лазанью... Почему бы и да! Правда, Маша пожалела, что не заказала ее в ресторане. Ей оставалось лишь надеяться, что шефу она не понравится и больше он не попросит ее приготовить ему что-нибудь вкусненькое.

Завернув судок в махровое полотенце, чтобы лазанья не остыла, Маша вызвала такси и выбежала из квартиры. Вечером она пообещала прийти на девичник какой-то приятельницы ее подруги по институту, а перед этим ей надо заскочить к парикмахеру. Маша была крашеной блондинкой, но тщательно это скрывала. И у нее были причины чаще обычного подкрашивать корни.

Парковка у частной клиники, где прохлаждался ее шеф, была платной, и таксист высадил Машу на другой стороне улицы. Что ж, не ругаться же из-за этого! Все равно ничего не изменится. Расплатившись, она вышла из машины и подошла к краю тротуара у светофора. Пока она ждала заветного «зеленого человечка», зазвонил мобильник. В одной руке сумка, в другой — пакет с лазаньей... Кое-как вытащив телефон, Маша приняла вызов. Загорелся разрешающий сигнал.

— Ну что, не передумала? — без приветствия спросила подруга. — Будет весело!

Плечом прижав телефон к голове, Маша ступила на пешеходный переход. Других пешеходов не было, и это радовало, а то она шла, размахивая сумкой и пакетом, чтобы поудобнее взять их в одну руку, и запросто могла кого-нибудь хлестануть.

— Нет-нет, все в силе, — беззаботно улыбнулась Маша. Она была не против мужского стриптиза, танцев и моря шампанского.

— Тогда до вечера!

Похоже, подруга обзванивала всех приглашенных и времени у нее было в обрез. Смутившись, Маша наконец взяла сумку и пакет в одну руку и отняла телефон от уха. Уставившись на экран, она провела по нему пальцем, чтобы заблокировать, но не успела убрать его в карман пиджачка, как неведомой силой ее откинуло в сторону.словно порывом ветра, сносящим все на своем пути. Машу буквально подняло в воздух, а спустя долю секунды приземлило в нескольких метрах, прямо у колес автомобиля, стоявшего в ожидании сигнала.

Удар затылком об асфальт. Хруст в шее и жгучая боль в спине. Перед глазами резко помутнело, тело словно парализовало, и оно больше не подчинялось Маше. Сквозь возникший непрекращающийся звон в ушах она расслышала неясные голоса, а потом над ней склонилось два размытых силуэта.

— Куда ты только смотрел?! — разобрала она.

— Я, что ли, виноват?! Свейх в режиме безопасности! Сам посмотри!

— Трейсовские аглы! Придется этим недоумкам память стирать! Займись!

— А с ней что делать?

Маша быстро теряла сознание. Веки отяжелели, голоса стали отдаляться.

— С собой возьмем!

Она почувствовала, как какие-то крепкие руки — настоящие железные клешни, не иначе, — поднимают ее с земли, и отключилась.

Глава 1. Император Луисцар

Маша очнулась от запаха лазаньи. Не от того, что сбившие ее идиоты прикладывают к ее голове лед или ругаются, вызывая «скорую». Эти козлы жрали ее лазанью! Им было откровенно плевать на ее состояние. Закинув Машу на заднее сиденье машины, они где-то припарковались и, громко смеясь и шутя, спокойно обедали.

Глазами обведя металлически-серую обшивку потолка, Маша попыталась встать, но ощутила дискомфорт в запястьях. Подняв руки, она увидела широкие браслеты, инкрустированные разноцветными сияющими камешками. Спасибо, конечно, красивые вещицы, но ей бы больничку, а не безделушки!

— Эй, вы! — хрипло произнесла Маша, усаживаясь.

Два передних кресла тут же повернулись на сто восемьдесят градусов, и только теперь Маша поняла, что находится в очень странной машине. Салон полукруглый, в форме купола. Крыша и пол металлические, а стены полностью прозрачные — из какого-то мерцающего переливами стекла. Маше показалось бы, что у нее рябит перед глазами, поэтому за окном она видит не город, а какую-то однообразную перламутровую массу, но чавкающие лазаньей некто, сидящие перед ней на расстоянии вытянутой руки, вытаращились на нее во все восемь глаз. Именно восемь! Какого-то серо-зеленого болотистого цвета, с широкими приплюснутыми лицами, тонкими трехпальными руками и длинной шеей, которую можно обхватить двумя пальцами. Они переглянулись и, в голос заржав, продолжили есть. Начинка лазаньи кусочками выпадала из их кривых рук и пачкала их бежевые комбинезоны.

— Слава Богу! — облегченно выдохнула Маша. — Я просто в психушке. А там видеть пришельцев не стыдно.

— Пришельцы! — захихикали гуманоиды.

«Свейх заряжен!»

Этот сигнал компьютерного голоса заставил их вернуть кресла в исходное положение и тронуть машину с места. Облако рассеялось, и этот самый свейх стал парить над розовым полем, летя куда-то на сравнительно невысокой скорости.

— А ты из какого мира? — беспечно спросил один из гуманоидов, не оборачиваясь.

Маша сглотнула и, закрыв глаза, шепотом забормотала:

— Мне это мерещится. Мерещится. Мерещится. Я ударилась головой и лежу в больнице. В коме.

— По делу была у землян? — спросил второй. — Ты не подумай ничего дурного, мы просто не хотим проблем. Аглы совсем озверели. Напали на нас среди бела дня. Да и ты без заслонки разгуливала. Неужто бесстрашная такая?

— Ты извини нас. Если что, мы замолвим за тебя словечко перед руководством. Кто у вас во главе?

«О, кажется, я слышу голос доктора. Увидеть бы еще его! — подумала Маша, озираясь по сторонам. — Браслеты, наверное, наручники, которыми меня к кровати приковали. Так я же вроде не буйная. Хотя это надо проверить».

Не раздумывая, она кинулась вперед и захватом приковала одного гуманоида к спинке кресла. Тот, выронив недоеденный кусок, забрыкался и закашлялся. Второй ткнул в локоть Маши пальцем, и ее рука безвольно повисла. Рухнув на сиденье, она уставилась на голые зеленые затылки.

— Да ну нафиг... Вы не можете быть настоящими!

— Здоровски ты головой стукнулась, — проворчал гуманоид, подбирая с пола кусок и запихивая его в рот.

— Трейсовские аглы! Мы же мирные! Значки не видишь? — Второй отвлекся от пульта компьютерного управления свейхом и снова повернулся к Маше. Длинным пальцем-сосиской указав на какой-то мелкий значок, приколотый к нагрудному кармашку его комбинезона, он гордо заявил: — Разведывательное подразделение Опретауна! Высший допуск. А у тебя-то что? Даже камуфляжа нет! Вот приведем тебя к императору, уши-то он нам надерет...

— Кхм... — дожевав, его приятель осторожно наклонился к нему и вполголоса уточнил: — У нас нет ушей.

Переглянувшись, они опять заржали.

«Это какой-то сон. Кошмарный сон!»

Вновь голос из скрытых динамиков:

«Резиденция императора Луисцара прямо по курсу!»

— Вот сейчас и разберемся, кто ты такая!

Внутри Маши заклокотала ярость. Игра ее воображения была настолько яркой, что все казалось вполне реальным. Она чувствовала мягкую обивку сиденья, тяжесть браслетов, запах лазаньи; слышала голоса и смех гуманоидов, размеренный шум свейха; видела бирюзовое небо над полем и планетные спутники, напоминающие луну. Какие-то из них были крупнее, другие мельче. Одни светились, а те, что подальше были почти прозрачными. Еще небо украшала радуга. И не одна, а с десятков. Справа горизонт очерчивали высокие горы с вонзившимися в перистые облака вершинами, слева — густой разноцветный лес, а впереди возвышался огромный дворец. На глаз было сложно сосчитать, сколько в нем башен, но не меньше дюжины. Низкие и высокие, но абсолютно все мерцали так, будто стены запылены перламутровым блеском.

Описав круг над замком, свейх приземлился посреди внутреннего двора. Наглые похитители доели лазанью и, поведив по сенсорной панели пальцами, заглушили двигатель. Верх приподнялся, будто отмагнитился от машины, а стекло по кругу сползло куда-то вниз.

— Так и будешь сидеть? — спросил у Маши один из гуманоидов, спрыгнув на вымощенную камнем площадку. — Вряд ли император Луиссар выйдет к тебе с распростертыми объятиями.

— Может, если я посижу подольше, мне полегчает и вы исчезнете, — проворчала Маша, насупившись.

Время шло, зеленые чудики не исчезали, а Маша все отчетливее чувствовала запахи разнотравья и эфирных масел, дуновение теплого ветерка, колышущего ее волосы, слышала пыхтение терпеливо ждущих новых приятелей.

«Так! Если это сон, от того, что я с ними пойду, со мной ничего не случится. А если это не сон, то я просто обязана с ними пойти и во всем разобраться!»

Набрав в легкие побольше свежего воздуха, Маша вылезла из свейха и, протянув вперед руки, спросила:

— Браслетики не снимите?

— Они тебя лечат, — ответили гуманоиды и поплелись в сторону открытого широкого коридора.

Они были почти вдвое ниже Маши, шли вразвалочку и, причмокивая, облизывали пальцы.

Во дворце оказалось, на удивление, тепло. Высокие потолки

переливались тем же перламутром, а стены украшали узоры и орнаменты. Ни разу не свернув, все трое вошли в просторный зал с купольным сводом на такой высоте, что Маше пришлось задрать голову, чтобы увидеть потолок. Посреди зала располагался круглый бассейн. Вокруг него стояли люди в белых одеждах. У всех пепельного цвета длинные волосы, собранные золотыми ободками и заколками у висков, смуглая кожа без изъянов, большие светло-голубые глаза, плавные, изящные движения.

— Император! — залезли гуманоиды, подкравшись к краю бассейна и поклонившись.

Маша осталась стоять в сторонке. Ей и тут было все прекрасно видно, вплоть до капелек воды, стекающей по обнаженному мужскому телу, грациозно поднимающемуся из бассейна. Такие же пепельные волосы, прилипшие к спине и широким плечам, мускулистые руки, мощная грудь, плоский живот с выделяющимися мышцами, узкие бедра и...

— А... — Маша раскрыла рот и потеряла дар речи. Она пыталась заставить себя поднять глаза и посмотреть в лицо обладателя того самого причинного места, приковавшего к себе ее взгляд, но ничего не получалось.

Сексуальное голодание дало о себе знать. А тут такой мужчина, ничуть не стесняющийся своей наготы. Хотя было бы чего стесняться! С таким причиндалом все женщины его! Размышляя, какого же он размера в боевом состоянии, Маша судорожно сглотнула и опомнилась, когда император прикрылся врученным ему полотенцем.

— Император Луиссар, просим прощения за доставленные неудобства.

Легким жестом руки владыка дворца заставил их замолчать и размеренно произнес:

— Мне доложили о произошедшей с вами неприятности.

Маша наконец задышала и взглянула в его лицо. Идеально очерченные скулы, высокий лоб, большие миндалевидные глаза, прямой нос. Черт! Его словно сами боги зачали и породили! У Маши подкосились ноги.

Обернув бедра полотенцем, Луиссар вальяжно приблизился к Маше и, обходя ее по кругу, внимательно оглядел, как на смотринах.

— У нее было сотрясение головы, смещение шейных позвонков и

перелом руки, — оповестили его гуманоиды.

— Чего? — пришла в себя Маша. — И сколько я уже в коме?

Луиссар переглянулся со слугами, а потом его внимание привлекли ее волосы.

— Не может быть, — проговорил он с очень натянутым удивлением. Казалось, что людям его расы проявление эмоций не свойственно.

— Что? — Маша подняла руки, обхватила ими голову и увидела, как засветилась упавшая на ее лицо прядь. — Блин! Как же они отросли-то?! — Оттягивая прядь за прядью, она обреченно наблюдала за переливами.

— Ты что, была крашенная? — поинтересовался один из гуманоидов.

— Почему вы мне сразу не сказали?! — Маша начала злиться.

— Мы не знали, — те растерянно пожали плечами. — Мы надели браслеты, чтобы излечить твои раны, а они вылечили еще и волосы, вернув им родной цвет. Цвета.

Не выдержав, Маша сжала кулаки и быком взревела:

— Что здесь происходит?! Куда я попала?! И кто вы такие?!

— Сейчас нас больше интересует, кто ты? — спокойно прошелестел император, не сводя с нее пристального взора. — Неужели... — он ненадолго умолк, задумавшись, — Мариэль?

Глава 2. Орден

Маша расслабленно опустила плечи. Пофиг на деловую осанку, когда с ней происходит какая-то необъяснимая ерунда. Она стояла посреди сказочного дворца в окружении божеств, двух страшненьких, глазастеньких гуманоидов, любящих поржать и пожрать, и мужчины, от одного только взгляда и голоса которого у нее подгибались колени. Постепенно она начала подозревать, что окончательно впасть в истерику ей не давали именно браслеты. Раз они обладали такой целительной силой, что вернули ее волосам родные цвета, то очень даже возможно влияли на эмоциональный фон.

— Так! — выдохнула она после недолгого молчания. Император не шевельнулся. — Вы почти угадали. Меня зовут Мария. Не Мариэль. Не Марисоль. Не Мэри. А Мария. Ма-ри-я. А вас? Луциар?

— Луисцар, — с опаской поправил ее гуманоид. — А мы Стон и Блин.

— Блин?

— Это я! — гордо выпятил грудь второй гуманоид.

Не удержавшись, Маша хихикнула и прикрыла рот рукой. Император продолжал молча ее разглядывать.

— Со Стоном я еще смирюсь. Похоже, родители были очень довольны процессом зачатия. Но почему Блин? Нормальные имена закончились? Или мама родила тебя на Масленицу?

— Вообще-то ты нас обижаешь. Мы флиомы — одна высших рас во Вселенной.

— И мы не живородящие. Это же омерзительно! — после этого заявления флиомы умолкли под пронзившим их взглядом вошедшей в зал женщины.

— Мне доложили, что у нас гостя! — величественно сказала она, встав рядом с императором и оценивающе посмотрев на Машу.

— Да, мама, как видишь, — все с тем же холодным спокойствием произнес Луисцар.

Это была та еще мама! Напомнила Маше бывшую жену ее шефа, возомнившую себя королевой мира. На всех глядела свысока, но имела слабость к красивым мужчинам. Требовала от бывшего мужа алименты,

чтобы разъезжать по курортам и снимать там молоденьких мальчиков. Ее инстаграм пестрел селфи на фоне моря и пальм: полуразвалившаяся дама не первой свежести и шикарный тарзан. Вспомнив о ней, Маша кое-как подавила очередное «хи-хи». Все-таки эта женщина хотя бы выглядела как настоящая королева. Высокая, статная, с громоздкой прической и в длинном сверкающем платье.

— Что? — на мгновение она замерла. — Мариэль?

— Опять, — Маша закатила глаза в потолок.

— Похоже, она ничего не помнит, — заметил Луиссар.

— Или не знает, — подытожила его мать. — То есть вы ее сбили свейхом? — Она посмотрела на флиомов.

— Ну да! Гнали себе спокойно, от аглов удирая, и тут бац, прямо в нее. Отлетела метров на восемь.

— Или десять.

— Или двенадцать.

— Или шесть.

— Короче, отлетела далеко. Косточки хрясь! А нам что делать? — Флиомы развели своими длинными, тонкими ручищами. — Мы на нее браслеты из аптечки и в свейх ее, зевакам двуглазым — простите — память ластиком чик-чик и в добрый путь прямо в Опретаун. Подзарядились на энергетической станции и сюда. Тут-то ее голова и засияла. А вы что, думаете, она из расы палал?

Женщина опять посмотрела на Машу:

— Мы не думаем. Это же очевидно.

— Что очевидно?! — нахмурившись, Маша сложила руки на груди.

— Ты Мариэль — хранительница памяти своей погибшей расы.

— Все! С меня хватит! Поиграли — довольно! Где у вас тут выход? Везите меня домой!

Мать Луиссара словно подменили. Смягчившись, она шагнула к Маше и нежной рукой погладила ее по щеке.

— Мариэль, ты дома.

— Женщина, вам лечиться надо, — глухим шепотом, но внятно посоветовала ей Маша. — Стоп! Мы с вами в одной палате, да? Понимаете, тут такое дело, я не сумасшедшая...

— А ведешь себя как сумасшедшая, — с усмешкой заметил Стон, а Блин хрюкнул.

Император Луиссар, с которого будто сняли кандалы, тронулся с

места и обратился к матери:

— Я пойду оденусь. Кажется, мы отправляемся в Орден.

Не сводя глаз с Маши, он медленно пошел к выходу. С его уходом ей стало как-то неуютно. Как же все-таки роскошные мужчины скрашивают обстановку и накаляют воздух! В обществе родительницы императора Опретауна заметно похолодало. Ледяная женщина! Смотрит в душу и режет без ножа.

— Как вас зовут? — спросила Маша.

— Тальина, — улыбнулась женщина. Ох, как же неестественно, по-змеиному.

— А что такое Орден?

— Сама увидишь.

— Вы меня извините, но я уже насмотрелась. Давайте вы мне расскажете про Мариэль, я послушаю и вернусь к себе, в свою жалкую «трешку», взятую под ипотеку. И я клянусь, что никогда и никому не расскажу, как побывала... эммм... — Маша огляделась, — где-то в параллельном мире и видела вас. И их, — она пальцем указала на флиомов.

— Мариэль, у тебя шок. Ты выросла в мире людей и не имела возможности общаться с представителями других рас. Все эти тридцать лет Орден искал тебя не покладая рук.

— П-простите, — Блин подергал Тальину за подол платья, — а нам заплатят за нее премиальные?

В зал вернулся Луиссар в одеянии из материала, по виду напоминающего что-то между кожей и плотным латексом. Куртка на косой молнии, со стоячим воротом, брюки, заправленные в сапоги на высокой подошве, — все до блеска черного цвета. Его пепельные волосы, прибранные с височных зон к затылку, казались еще светлее, глаза ярче, лицо воинственной. Щелкнув затвором бластера, Луиссар сунул его в кобуру на бедре и сказал:

— Я готов!

— Пойдите! — запротестовала Маша. — Никуда я с вами не пойду!

— А мы и не пойдем, — пояснила Тальина. — Мы телепортируемся. В другой мир.

— О, Боже! — Маша всплеснула руками. — Еще один другой мир? И сколько их?

— Много, — ответил Луисцар. — Но сейчас тебя должен заинтересовать твой.

— Он меня очень интересуется. Прямо очень-очень! Я согласна отправиться туда сиюминутно. А вас, император, даже приглашаю в гости.

Луисцар снова пристальным взглядом проник под ее кожу и произнес:

— Для тебя я не просто император.

— Ну да, вы настоящий бог, — у Маши загорелось лицо.

— Вообще-то, — Тальина заботливо взяла ее за руку, — Луисцар твой жених.

— Ни хрена себе! Ой, пардон. Я это вслух сказала?

Флиомы покивали своими зелеными головами.

— В смысле, я имела в виду, что ж вы сразу не сказали? — Маша была готова провалиться сквозь землю, но идея побыть невестой императора пришлась ей по душе. — Куда идти?

Никуда идти не понадобилось. У флиомов при себе имелись телепортационные капсулы. В спящем режиме по форме они напоминали монету размером с ладонь. После нажатия в центр, флиомы положили их на пол, и те в мгновение ока увеличились в размере и засияли полупрозрачной сферой по краю, словно вытянутый мыльный пузырь. Шагнув в одну из капсул, Луисцар приглашающе протянул Маше свою ладонь:

— Мариэль.

Во вторую уже ступили флиомы и Тальина. Осмелев, Маша приняла приглашение императора. Положив свои тонкие пальчики в его горячую руку, она вошла в капсулу. Не зная, как себя вести, она растерянно посмотрела на Луисцара. Хоть бы улыбнулся! Но он разделял ее неуверенность, это читалось в глазах. Обняв Машу за талию, он притянул ее к себе, и она невольно ахнула. Положив руки на его твердые плечи, она перебрала по ним ярко-красными ноготками и улыбнулась: они неплохо сочетались с его курткой.

Прошла секунда. Щелчок. Фон изменился. Теперь все стояли посреди другого зала, стены которого искрились бесчисленными ячейками от пола до потолка. Пол представлял собой каменные дорожки вдоль и поперек, разделенные углублениями с горящими свечами. Именно они и мерцающие в ячейках разноцветные камни

освещали зал.

Сферы исчезли, и Луисцар отпустил Машу. Флиомы подобрали капсулы и рассовали их по карманам своих комбинезонов.

— Добро пожаловать в Верховный Орден Разумных Цивилизаций! — Тальина рукой обвела зал. — Мы находимся в Хранилище памяти рас.

Здрав голову, Маша покрутилась вокруг своей оси и чуть было не присвистнула. Стены вздымались в никуда и были усыпаны ячейками с камнями.

Тальина взяла ее за руку и повела вперед, за Луисцаром, а флиомы потянулись позади.

— Земляне — лишь одна из тысяч рас во Вселенной, — начала издаലെка Тальина. — Позволь заметить, не самая развитая. Представители человечества примкнут к Ордену, только когда раскроют свой разум.

Анализируя все, что произошло с ней после неудачного перехода улицы, Маша начинала верить Тальине.

— Вы хотите сказать, что мы на другой планете?

— Земляне так бы и сказали. Фактически это больше, чем другая планета. Это другой мир. На космическом корабле до него не добраться. Я же говорю, человеческий ум еще не расширился до нужных масштабов. Люди даже не способны понимать нашего языка. Он покажется им пустым звуком.

— Поймите! Я же понимаю!

До Маши наконец дошло, что все это время она разговаривала с ними на другом языке и даже не заметила этого.

— Ты не землянка. Ты... пришелец, — подобрала Тальина более подходящее слово, — для землян. — Она свернула влево и дошла до стены. — Каждая цивилизация имеет свою историю и возраст. Какие-то древнее других, а какие-то совсем молодые. Иногда случается так, что энергия определенного мира исчерпывает себя. Миру нужен отдых, чтобы расцвести вновь. Вовремя вмешиваясь, Орден спасает расы. Но везет не всем. Иногда выживают единицы. Флиомы потеряли свой мир несколько столетий назад. Раса нашла приют в других мирах, в том числе в нашем, в Опретауне.

Маша через плечо покосилась на Стона и Блина, впервые не смеющихся, а немигающе глядящих на стену.

— У каждой расы есть хранители памяти. Их всегда восемь, — Тальина указала на ячейки, объединенные по цвету. Они действительно располагались группами по восемь штук.

— Почему восемь? — поинтересовалась Маша.

— Знак бесконечности, — вмешался Луисцар, встав по другую сторону от нее. — Как символ бессмертия памяти рас.

— Это звено расы палал, — Тальина посмотрела на группу с семью погасшими камнями и одним ярко горящим изумрудным цветом. — Камни гаснут, если хранители умирают. Но один до сих пор сияет. Тот, под которым значится твое имя. — Она пальцем ткнула на иероглиф под ячейкой. — Мариэль — принцесса своего погибшего мира. Родители уберегли тебя, успев перенести в мир землян, до того, как все разрушилось.

— Извините, но с чего вы взяли, что Мариэль — это я? — Маша боялась услышать ответ, но от него не убежишь.

— Твои волосы. У представителей расы палал они сверкали и меняли цвет в зависимости от настроения, — ностальгически улыбнулась Тальина.

— А еще свейх не проскочил сквозь тебя, — вставили свои пять копеек флиомы.

— Верно, — подтвердила Тальина. — Разведывательные корабли имеют усовершенствованную программу с режимом безопасности для менее развитого мира. При включенном режиме свейх невидим и способен проникать сквозь препятствия, не причиняя им вреда. Но он не может просочиться через другой корабль с выключенным режимом безопасности или представителя иной расы без активированного энергетического щита.

— Мы называем его заслонкой, — уточнили флиомы, будто сделали открытие.

— Ты была без щита, — пояснил Луисцар. — Поэтому свейх не смог проскочить сквозь тебя.

— Святые небеса, — прошептала Маша. У нее в голове все это не укладывалось. — А зачем иномирцы посещают недоразвитые расы?

— Всему причиной являются аглы — изменники рас, сосланные в качестве наказания в Трейс.

— Что такое Трейс?

— Мир-тюрьма, — с пренебрежением сказала Тальина. — Раньше

там огонь добывали трением, а сейчас аглы имеют свою систему власти и корабли. Земляне назвали бы их космическими пиратами. Они воруют ресурсы.

— Чтобы выжить? — спросила Маша.

— Чтобы стать сильнее и завладеть Орденом. — Тальина развернулась и направилась к массивным арочным дверям, ведущим в неизвестность. — Орден находится в Междумирье. Здесь проходят слушания и суды, когда дело касается межрасовой безопасности. Здесь же живут члены Совета.

Двери автоматически раздвинулись, а за ними показалась кабина лифта.

— Прямо как в нашем офисе, — буркнула под нос Маша, входя внутрь. — И куда мы теперь? — спросила она, когда флиомы протиснулись вслед за Луиссаром и двери закрылись.

Тальина улыбнулась:

— К Совету. Там ты найдешь ответы на все вопросы.

Глава 3. Память

На лифте они перемещались дольше, чем телепортировались.

— В Междумирье может попасть каждый желающий? — спросила Маша после недолгого, но утомившего ее молчания.

— Нет. Только хранители памяти рас и агенты с высшим допуском, — пояснила Тальина.

— Как эти? — Маша кивнула на зеленые затылки.

— Именно.

— А вы — хранители памяти?

— Да, мы оба, — улыбнулась Тальина, переглянувшись с Луиссаром.

— А как передается эта самая память? — не унималась Маша. Смятение от попадания в параллельный мир исчезло. На смену ему пришло нездоровое любопытство.

— Представители развитых рас связаны друг с другом на ментальном уровне. Когда умирает хранитель памяти, она переходит к другому. Чаще к ребенку. Особенно распространена передача памяти младенцам или новорожденным.

Двери открылись. Маша попала в широкий коридор с красной ковровой дорожкой и настенными канделябрами между многочисленными закрытыми дверями. Справа от лифта было что-то вроде ресепшена, за которым стояла высокая девушка с фиолетовой кожей и огромными глазами в пол-лица.

— Добро пожаловать в Орден! — поприветствовала она гостей. — Представьтесь, пожалуйста.

Тальина и Луиссар подняли вверх правые ладони, где сверкали иероглифы, а Стон и Блин указали на свои значки. Девушка что-то внесла в таблицу на полупрозрачной пластине и взглянула на Машу.

— Покажи правую ладонь, — попросила ее Тальина.

Поведя бровями, она приподняла руку и увидела на своей ладони такой же светящийся иероглиф. Девушка ей любезно улыбнулась и дополнила таблицу. Из автомата слева от стойки на специальную подставку выпало пять жетонов с номерами.

— Что это такое? — Маша глядела на свою руку так, будто та была

чужой. — Раньше этого не было.

Луиссар положил в нее один жетон и сказал:

— Сила расы палал — их волосы. Твои излечились, и твое тело и разум начали возвращать тебе то, что ты утратила и забыла. Например, этот генный знак. — Он перевел взгляд на фиолетовую девушку: — Назначьте нам слушание по вопросу находки Мариэль, хранительницы расы палал.

— Хорошо, — улыбнулась та.

Отойдя от ресепшена, все направились вглубь коридора. Флиомы, приложив свои жетоны к сенсорам на стенах, скрылись за дверями выделенных им комнат, а Луиссар и Тальина остановились перед номером Маши.

— Я буду в соседних апартаментах, — оповестил ее император. — Если понадобится, только позови, — и снова не улыбнувшись, ушел.

Тальина глазами указала на сенсор, и Маша приложила к нему свой жетон. Дверь задвинулась в стену, и они вошли в просторную комнату с широкой кроватью под балдахином, мягкими коврами, зеркалами, диванами и семисвечниками.

— Тут не так просторно и удобно, как в нашем дворце, но поверь, это ненадолго. Слушание назначат на ближайшие часы. Потом мы вернемся домой. Если, конечно, ты согласишься отправиться к нам. — Тальина приблизилась к смежной двери. — Здесь ты можешь помыться, а здесь, — она пальцем провела по зеркальной дверце шкафа-купе, и на поверхности появились электронные строчки, — выбрать одежду по своему вкусу и размеру. К сожалению, пока Совет не решит, что делать с тобой, нам всем — и нашедшим тебя агентам, и правителям Опретауна, — нужно быть в Ордене.

— Вы императрица Опретауна? — поинтересовалась Маша, отведя взгляд от своей ладони.

— Пока мой сын не женится. Надеюсь, скоро это изменится, — Тальина улыбнулась. И от этой улыбки у Маши снова пробежал холодок по спине.

— Вы такие важные персоны, а администраторша отеля вас не узнала? Не обратилась на «ваше величество», или как у вас там принято?

— Для Ордена мы — подчиненные. Нас тысячи, невозможно запомнить всех. Так что здесь нам приходится снимать корону и

следовать условиям руководства.

Маша задумчиво поджала губы, пытаясь поймать следующий вопрос из тех, что вертелись в ее голове.

— А зачем Луисцар взял с собой оружие?

— Междумирье — самое надежное и безопасное место во Вселенной. Но Луисцар всегда начеку. Аглы, — добавила Тальина, очередной раз сказав это то ли с отвращением, то ли с лютой ненавистью. — Пока достаточно. Отдохни. До встречи, Мариэль.

— До встречи, — Маша натянуто улыбнулась в ответ, проводила Тальину почти дружелюбным взглядом и, подойдя к зеркалу, вздрогнула.

В отражении она увидела взлохмаченные волосы, грязную и помятую одежду, размазанную под глазами тушь.

«Твою мать!» — в ужасе подумала она, теперь поняв, почему Луисцар так тарацился на нее. Если они — жених и невеста, как он сказал, то Маша побоялась представить себе, что творилось в его голове. Тридцать лет Орден искал принцессу, а нашел чучело!

Сдергивая с себя пиджак, юбку, блузку, разодранные чулки и липкое от пота белье, Маша мысленно ругала себя, вспоминая обнаженного Луисцара: «Предстали друг перед другом во всей красе! Хорошо, что в номере нет окон, а то пролетающие мимо птицы, увидев меня, поумирали бы от сердечного приступа!»

Открыв дверь в ванную комнату, Маша обвела ее изучающим взглядом. В самом центре в углублении располагалась круглая ванна с золотым ободом, а на стенах — зеркала с электронными таблицами. Под зеркалами — узорчатая плитка. Маша дошла до одного из зеркал, поводила по нему пальцем, выбрала «Рукомойник», и тот выдвинулся из стены. Хмыкнув, она по достоинству оценила местный сервис и повернулась к ванне. Возле той тоже имелась встроенная панель, где Маша выбрала джакузи, настроила температуру желаемой воды и запах пены для купания. Меньше, чем через минуту, емкость наполнилась, вода забурлила. Маша опустилась в нее и от нахлынувшего расслабления издала протяжный стон. Для полного счастья не хватало только снять надоевшие браслеты и Луисцара, желательно в том виде, в котором он встретил ее в своем замке. Закрыв глаза, она улыбнулась и растворилась в мечтах. Нелегкая судьба научила ее не паниковать и вести себя достойно в любой ситуации. Пусть в грязном костюме, с

растекшимся мейкапом и взъерошенными волосами она смотрелась комично, зато не растеряла достоинство. Истерика лишь усугубила бы ее незавидное положение. Хотя почему незавидное? Стать невестой настоящего императора круче, чем потискать кубики на животе стриптизера с девичника.

Вспомнив намеченный девичник, подругу, работу, шефа, ипотеку, Маша будто окунулась в ледяную прорубь. Открыв глаза, она помотала головой и спросила себя, какого черта она тут делает? Сказки для девочек. А Маше уже тридцать! Находясь где-то между сном и явью, она вымылась и вышла из ванны. Ни полотенца, ни халата не обнаружилось, зато у самого порога ее обдуло невидимым теплым потоком, и тело и волосы моментально обсохли.

Маша вышла из ванной. Ее грязные вещи исчезли. Похоже, персонал постарался. Подумав, что она все равно больше это бы не надела, Маша подошла к зеркальной дверце шкафа. Теперь отражение ее радовало. Даже очень! Чистое лицо, изящные, пусть и разноцветные локоны, вьющиеся за спиной. У Маши были большие темно-зеленые глаза в окружении длинных пушистых ресниц, аккуратный носик, высокие скулы, пухлые губки, часто называемые бантиком. Да и фигурой Вселенная ее не обделила. Длинная шея, прямая осанка, ровные ноги, тонкая талия при сочных бедрах и идеального для ее комплекции второго размера груди. Иногда Маша в шутку говорила, что если на ней никто не женится, то она женится на себе сама. Хихикнув от этих мыслей, она потянулась к панели, чтобы выбрать одежду, но в этот момент в ее глазах потемнело от мощного хлопка, похожего на выстрел у самого уха. Острая боль пронзила ее голову, и, зажмурившись, Маша согнулась пополам. Заскулив от боли, она перестала чувствовать опору под ногами и начала падать. Миг. Минута. Час. День. Год. Бесконечность. Время словно остановилось. Остановился даже воздух. Но в какой-то момент Маша оказалась в крепких объятиях.

— Тише-тише, — зашептал ласковый голос Луисцара откуда-то издалека. — Я здесь. С тобой.

Маша открыла глаза, сфокусировала зрение на нависшем над ней лице Луисцара и, хрипло кашлянув, огляделась. Он сидел на полу посреди ее комнаты и, прижимая ее к своей груди, гладил по голове. Естественно, Маша была в чем мать родила. Сглотнув, она пошарила ослабшей рукой возле себя, ища, чем бы прикрыться, потом плюнула на

беспольные поиски и хлопнула ресницами:

— Что случилось?

— Это все браслеты.

Луисцар с беспокойством заглянул Маше в глаза, а потом дотянулся до одного ее запястья, нажал на черный камень, и браслет со щелчком раскрылся. Луисцар проделал тоже самое со вторым, и когда оба браслета оказались на полу, а Маша свободна, он подхватил ее на руки и переложил на кровать. Маша заметила, как он всеми силами старается не смотреть на ее обнаженное тело, но у него плохо получалось. Глаза то и дело блуждали по ее груди, животу и самому интимному месту.

Заботливо накрыв Машу тонким одеялом, Луисцар сел на край кровати и свесил голову. Он не был похож на неуверенного мальчишку. Маша чувствовала его внутреннюю силу и решимость. Однако что-то в ней обезоруживало его.

— Это память расы, — заговорил Луисцар, вновь посмотрев на Машу. — Сейчас, когда ты излечилась, твои чувства обострились. Браслеты стимулировали восстановление памяти, поэтому первая вспышка воспоминаний оказалась для тебя болезненной. Что ты вспомнила?

Маша напряглась, подтянула одеяло к самой шее и произнесла:

— Ничего. Меня как будто по голове чем-то огрели.

— Нахлынуло много и сразу, поэтому ты не разобралась. Если хочешь, мы можем снова надеть браслеты. С ними твоя память восстановится быстрее.

— Но болезненнее. Ты сам сказал, — напомнила Маша. — Нет. Не надо. Мне кажется, в мою память врезалось что-то страшное, что-то, что я не хочу вспоминать.

— Возможно, гибель вашего мира. Ты, как единственная хранительница памяти расы, пропустишь через себя всю их боль.

Маша приподнялась и, прижав подушку к изголовью кровати, села. Ей стало легче, и она уже могла трезво соображать.

— Мои родители погибли при пожаре. Отец сразу, а мама несколько суток мучилась в больнице, медленно умирая от ожогов. Мне об этом воспитательница детского дома рассказывала. — Маша потупила взгляд на розовые следы от браслетов на своих запястьях. — При ней не было документов. Никто не знал, кто она и откуда. В бреду

она повторяла одно имя. Мари. Вот меня и называли Мари. Мария. Маша. В детстве меня мучили странные сны. Иногда красивые, иногда кошмары. Сейчас я их даже не помню. Осталось лишь послевкусие. Горькое и сладкое.

— Живя в окружении слабой расы, ты тоже ослабла. Поэтому утратила свою индивидуальность, за исключением волос.

— Меня коротко стригли. Как мальчишек. Заставляли ходить в платке. Удочерять меня не хотели. Люди боятся необъяснимого. После выпуска из детского дома я пошла работать и поступила учиться заочно. Я толком ничему не научилась. Работа отнимала все время. Надо было платить за жилье, учебу, кушать и одеваться. Но диплом я все же получила. А потом сумела устроиться в хорошую фирму. Шеф помог оформить мне ипотеку и не обижал зарплатой. Я даже получила второе высшее, — Маша грустно улыбнулась, подумав о том, как еще полдня назад успех, признание и деньги были для нее превыше всего. — Я не глупая. Знаю, что сказки для дурочек. Но иногда на меня накатывала такая ожесточенная тоска, что мне казалось, будто рядом со мной все не настоящее, не мое, чужое. Будто я живу не своей жизнью, а где-то вдали меня что-то или кто-то ждет.

— Импринтинг, — вдруг произнес Луиссар.

— Что?

— Это запечатление. Оно крайне редко и является символом особенной пары. Последняя запечатленная пара стала родителями первого изменника.

— Первого агла?

— Да. Но запечатление не всегда несет вред. Например, основатели Междумирья тоже были запечатленными. — Луиссар взглянул на Машу с безмолвной мольбой приготовиться к новому откровению. — Ты хоть раз задавалась вопросом, почему до сих пор не нашла себе пару? Мы с тобой запечатлены. Твоя боль — моя боль. Почувствовав ее, я оказался здесь. Чем дальше мы друг от друга, тем слабее связь, но не чувства. Мы никогда не полюбим кого-то другого.

Для кого-то нечто подобное прозвучало бы как приговор. Маша же восприняла это как вызов. Она признала, что она та самая Мариэль. Слишком много совпадений. Признала, что ее участь неизбежна. Но ни за что не признает ущемления своих сердечных прав! Луиссар ей не просто нравился. Ее действительно неистово тянуло к нему. Он стал

чуть ли не ее кислородом. Но ей хотелось узнать его получше. Да и потенциальная свекровь не особо симпатизировала.

— Вероятно, — прервал Луисцар нависшее молчание, — твоя мама спаслась с тобой, используя телепортационную капсулу. Ваш мир был выжжен дотла. Там она и получила ожоги. Странно, почему она не отправилась в Опретаун, а задала курс на Землю? Палал и опреты всегда дружили.

Позвонившая в дверь девушка с ресепшена вошла с позволения Луисцара и оповестила, что Совет готов встретить их через полчаса. Когда она снова ушла, Маша рассеянно спросила:

— Что будет на Совете?

Луисцар встал с кровати и, подойдя к зеркальной дверце шкафа, стал подбирать для Маши наряд.

— Члены Совета рассмотрят твое дело и предложат тебе приют в мирах, готовых принять тебя. Хотя, кажется, этот вопрос решен. Ты моя невеста. Твое место в Опретауне.

Дверца шкафа отъехала в сторону, и Луисцар достал из его недр искрящееся платье изумрудного цвета на бретелях и с прозрачным шлейфом.

— Мило, — улыбнулась Маша.

Он положил платье на кровать и скрестил руки на широкой груди.

— Я знаю, ты хочешь домой. Вот только Земля — не твой дом. Она была временным убежищем. Ты Мариэль. Совет это подтвердит, но задаст тебе один прямой вопрос: признаешь ли ты себя хранительницей памяти расы палал? Если ты ответишь «нет», тебя признают изменницей и отправят в Трейс. К аглам. Мари, я... не хочу снова тебя потерять.

Это признание прозвучало из уст Луисцара с такой нежностью, что у Маши защемило сердце. Он был искренен. От него исходила невероятная забота, теплом окутывающая Машу.

Луисцар переступил с ноги на ногу, борясь с желанием кинуться к кровати. Но все же сдержал порыв и, кивнув, сказал:

— Одевайся. Я подожду у лифта.

Он незамедлительно вышел, и Маша судорожно выдохнула. У нее мурашки бежали по телу от того, какой эффект оказывал на нее Луисцар. От него исходила не энергия, а необъяснимая маниакальность, бросающая Машу в жар.

Пару раз глубоко вздохнув, она четко для себя решила, что ни к каким аглам она не хочет и вряд ли захочет когда-либо. А раз так, значит, у нее остается только один выход: отказаться от прошлой жизни и провозгласить себя единственной выжившей из расы палал.

Глава 4. Совет

Платье, выбранное Луиссаром, идеально обвilo фигуру Маши, подчеркнув ее стройность. Легкое, почти воздушное, но вовсе не кокетливое и игривое, а нежно-загадочное, превратившее ее в королеву-хищницу. Императору виднее, чем поразить членов Совета. Наверняка он руководствовался не только своим вкусом, но и познаниями темперамента Ордена. В Маше должны увидеть уверенную в себе наследницу целой расы, а не растерянного мышонка, попавшего в ловушку из-за кусочка лазаньи.

Маша подобрала к платью подходящие туфли на каблуке-шпильке, а волосы собрала в небрежную «ракушку» на затылке и заколола золотой шпилькой. Убедившись в отсутствии огрехов в своем внешнем виде, она вышла из комнаты. У лифта ее ждали все сопровождающие. Стон и Блин над чем-то смеялись, Тальина очередной раз одарила Машу показной улыбкой, а Луиссар, вертевший в руке бластер, на миг замер. Маша медленно плыла по коридору, оставляя за собой развевающийся от грациозной походки шелковый шлейф.

— Надеюсь, мы не опоздали, — улыбнулась она, подойдя ко всем.

— Я тоже надеюсь, — не преминула возможностью добавить ложку дегтя Тальина. Не зря Маша чувствовала в ней фальшь. Корыстную фальшь.

Флиомы первыми запрыгнули в лифт, за ними вошла Тальина, а Луиссар, все такой же молчаливый, проследил за тем, как входит Маша. Она заметила, что без матери он более сговорчив, и планировала позже вывести у кого-нибудь, что представляет собой Тальина.

Когда лифт доставил их в нужное место, они встретились с двумя крокодилообразными громилами в костюмах из жесткой ткани. Разевая зубастые пасти, они велели сдать оружие и указали на бластер Луиссара. Тот не желал расставаться с оружием и ответил:

— Я намерен использовать его исключительно во здравие.

Маша заулыбалась и прикусила губу, чтобы не засмеяться. У Луиссара было чувство юмора. Своеобразное, но было. Может, он и сам об этом не догадывался. Спорить с охраной было бесполезно. Бластер пришлось сдать, иначе Луиссара не пустили бы на слушание.

Зал заседаний за массивной дверью имел круглую форму. В центре на полу, похожем на лоскутное одеяло, пестрое, как ткань-шотландка, ромбами были обозначены места для виновников слушаний и разбирательств, а вдоль стен на высоте в человеческий рост круговая трибуна, заполненная двумя десятками представителей разных рас. Маша сочла невежественным разглядывать их, поэтому старалась вести себя непринужденно. Она, подобно остальным, встала в один из ромбов и дождалась, пока пчелиный рой Совета перестанет шушукаться и объявит начало рассмотрения дела о нашедшейся хранительнице памяти погибшей расы палал.

Члены Совета оказались пренеприятнейшими личностями, возомнившими себя вершителями судеб. И у них были причины надменно себя вести. Все-таки в их руках власть над всей Вселенной. Они допросили флиомов, и когда те подробно рассказали, как нашли Мариэль, члены Совета начали задавать провокационные вопросы, почему агенты разведывательной службы своевольничали, привезя ее в Опретаун? Почему не отправили ее в больницу землян? Почему не допустили мысли, что она может оказаться аглом? В общем, Стон и Блин пострадали за то, что нашли ту, которую Орден искал тридцать лет. Маше даже стало их жаль. Она периодически переглядывалась с Луиссаром, а он одним только взглядом давал ей понять, что все нормально. Маша вдруг поняла, что привычная ей бюрократия не столь плоха, как кажется на первый взгляд.

Как только флиомы получили выговор за злоупотребление должностными полномочиями и услышали, что в отношении этого инцидента будет назначен суд, где рассмотрят вопрос о снятии с них высшего допуска, Совет перешел к допросу Тальины.

— Вы — императрица Опретауна, стоявшая у власти во времена гибели расы палал. Согласно отчетам, палал и опреты состояли в тесных дружеских отношениях на протяжении семи столетий. Признаете ли вы, что это Мариэль?

Тальина взглянула на Машу с некой снисходительностью, больше похожей на жалость, и улыбнулась:

— У нее типичные для палал волосы и глаза. Восстановился генный знак на ладони. Я не исключаю вероятность его подделки. Но, да будет вам известно, принцесса Мариэль и единственный наследник престола Опретауна, мой сын Луиссар, — почему-то Тальина сделала

акцент на «единственном наследнике», — запечатленная пара. Думаю, он почувствовал бы, если бы перед ним предстала самозванка.

Она не заикалась и не выбирала слова покрасивше, чтобы угодить Совету, как это делали флиомы. И больше ей не задали ни единого вопроса.

— Вы — нынешний император Опретауна, — обратились к Луисцару, — и да будет вам известно, — говоривший уколот Гальину взглядом, — единственный наследник трона не от рождения, а по стечению обстоятельств, признаете ли, что эта женщина — Мариэль, принцесса расы палал, ваша запечатленная Вселенной невеста?

Луисцар гордо поднял подбородок и отрезал:

— Признаю!

— У вас имеются сомнения?

— Нет!

— Обоснуйте свою уверенность, — потребовали от него.

Маша едва не хлопнула себя по лбу. Она была уверена, что от злости на Совет у нее покраснели волосы.

— Я считаю членов Совета самыми мудрыми и справедливыми судьями во всей Вселенной и не вижу причин подробно рассказывать, что значит быть с кем-то запечатленным. Многоуважаемый Орден знает это лучше меня. Можно обмануть зрение, слух, обоняние, но не сердце. Эта женщина прописана мне Вселенной, и наша связь — нить, объединившая души. Запечатленный никогда не признает самозванку своей парой.

«Вау!» — пронеслось в голове Маши, и она приковала к Луисцару обалделый взгляд. Ей по-разному признавались в любви. Конечно, все это было игрой. Особенно в постели. Мужчины нашептывали признания, чтобы приободрить ее, раскрыть и получить максимум удовольствия. С Луисцаром все было иначе. Он будто действительно ждал ее, искал, изнывал от тоски, а теперь не мог поверить в свое счастье, боялся оказаться обманутым и вновь потерять ее.

Члены Совета опять зажужжали роем. Посоветавшись, они обратились к Маше:

— Признаете ли вы себя Мариэль — спасенной принцессой Палалии, хранительницей памяти расы палал?

Она уставилась на выжидающие лица и сглотнула. Понесла шефу лазанью и попала на суд Междумирья, призывающий ее признать себя

чуть ли не ответственной за целую вымершую расу. Вспомнив наказ Луисцара, она поглубже вдохнула и хрипло ответила:

— Ну да.

Ее ответ не удовлетворил Совет, поэтому откашлявшись, она заявила как можно четче:

— Да! Я Мариэль, принцесса Палалии, хранительница памяти расы палал.

— Как ваше тридцатилетнее пребывание среди недоразвитой расы отразилось на памяти расы? — спросили у нее.

— Я ничего не помню, — призналась Маша, — если вы об этом.

— Орден назначит вам уполномоченного сотрудника, который поможет восстановить память расы. На данный момент вам готовы дать приют шесть ближайших миров. У вас есть особые пожелания к выбору нового дома?

Маша взглянула на Луисцара.

— Я хотела бы отправиться в Опретаун.

Совет снова зашушукался. Прошло несколько долгих минут, прежде чем ей ответили:

— Мы согласны удовлетворить вашу просьбу. Вопрос о вашем брачном союзе с Луиссаром будет решен в ближайшее время. Вы получите письменное уведомление о принятом Советом решении. Надеемся, вы потрудитесь восстановить память как можно скорее и поставить точку в деле о расе палал.

Это было довольно жестоко. Создалось впечатление, что Ордену наплевать, сколько рас погибает во Вселенной и почему. Маше стало обидно за палал, и она не сдержалась:

— Извините меня, многоуважаемые вы! Речь идет о вымирании целого мира, а вам важно поскорее поставить штамп на последней странице книжки по истории?

— Мариэль, — услышала она шепот Луисцара.

— И почему вы должны принимать решение о нашей свадьбе? — не унималась она. — Может, я не хочу за него замуж! А может, выйду прямо сегодня!

Один из членов Совета встал и, рыкнув, громогласно заговорил:

— Мы не в силах воскресить палал! Но мы должны точно знать, что уничтожило Палалию, чтобы в дальнейшем предотвращать подобные трагедии в других мирах. Прошло тридцать лет. Палал давно

оплаканы. Что касается вашего второго вопроса, то вам следовало задуматься о том, что запечатленные пары оказывают влияние на всю Вселенную, и мы не хотим допустить ошибку. Тем более рождением полукровок, склонных к измене! Уж об этом императрица Тальина и император Луиссар должны были вас осведомить! Будьте любезны, отрекитесь от навыков, привитых вам недоразвитой расой, если не желаете быть сосланной в Трейс! Заседание объявляется закрытым!

Не единственный наследник Опретауна...

Полукровки, склонные к измене...

Маша могла с уверенностью сказать, что все это связано со странным поведением Тальины и Луиссара. Они чего-то боялись, в чем-то сомневались. Но они единственные, кого Маша знала в этой неизведанной ею части Вселенной. Она понятия не имела, чем обернется завтрашний день, но этот хотела провести среди более-менее знакомых лиц. В любом случае, есть еще пять миров, готовых принять ее — хранительницу памяти целой расы, которая еще утром была секретаршей, окованной кандалами ипотеки.

Выйдя из зала, Маша возмущенно зашипела:

— Нет, вы слышали этих уродов!

Стон толкнул ее локтем в бедро и приложил палец к своим лягушачьи губам. Другого намека заткнуться ей не понадобилось.

— О чем они говорили? — спросила она, посмотрев на Луиссара, забирающего бластер у охраны. — Что такого важного вы скрыли от меня?

— Давай поговорим позже, — сказал он. — К тебе это не имеет никакого отношения.

— Если забыть, что она палал, — вмешалась Тальина.

— Мама! Она не предательница! Она моя невеста! Будь добра, смирись!

Дружелюбность Тальины будто рукой сняло. Теперь она жалила Машу взглядом и негласным посылом необъяснимой враждебности.

Флиомы активировали телепортационные капсулы, и Маша вновь вошла в одну с Луиссаром.

— Я не нравлюсь твоей матери, — произнесла она, посмотрев в лицо императора.

— Она тебе тоже, — Луиссар улыбнулся. Впервые!

Засмеявшись, Маша покивала.

— У тебя красивая улыбка.

— Ты вернулась. Есть повод, — ответил он. — Как ты смотришь на небольшой пир? Праздник, в честь твоего возвращения? Музыка, вино, развлечения?

— Хм... Как много гадских людишек ты пригласишь поглазеть на меня? — с игривой задумчивостью спросила Маша.

— Больше, чем хотелось бы. Но они не должны тебя волновать. Главное, что мы вместе.

— Я надеюсь, ты понимаешь, что я пока не разделяю твоих чувств, — напомнила она как можно мягче, чтобы не обидеть Луисцара. — Мне нужно время, Луис. Можно я буду звать тебя Луис?

— Можно, — он снова улыбнулся. — Тебе все можно, Мари. Конечно, я дам тебе время. Нам придется познакомиться поближе.

«Мари, — с волшебным пленительным чувством мысленно повторила она. — Не Маша. Отныне — Мари. Мариэль! Хранительница памяти расы палал!»

Глава 5. Ужин

Луисцар распорядился, чтобы прислуга провела для Мари экскурсию по его дворцу, а сам, извинившись перед ней, сказал, что ему нужно отлучиться. Тихо попросив Тальину уделить ему внимание, император покинул Мари. Она догадалась, что его разговор с матерью коснется новшеств в их семейной жизни, и очень надеялась, что не внесет разлад в их отношения. Мари понимала, как тяжело жить без родителей, и совсем не хотела стать камнем преткновения между Луисцаром и Тальиной.

Резиденция императора Опретауна была настолько огромной, что Мари выдохлась на прогулке по второй башне. Ей показали тренажерный зал, компьютерный кабинет, две библиотеки, напичканные свитками и чем-то вроде покетбуков, просторные террасы — крытые и открытые, оранжерею, картинную галерею и малую каминную. Мари узнала, что в этой части Опретауна вечное лето, но в сезон дождей бывает прохладно, и камины приходятся кстати, особенно по ночам.

— А что, во всем мире только один правитель? — удивилась Мари, идя по широкому, светлому коридору в сопровождении нескольких слуг. — Император Луисцар?

— Конечно, — ответили ей. — Гарантия мира.

Мари задумалась над логичностью такой политики. Одна система власти, одна денежная единица, одно законодательство — залог мирной жизни. В чем-то ее новые знакомые правы — земляне в этом плане отсталая раса.

— Вы не могли бы проводить меня в мою комнату? — устало попросила Мари. — Я утомилась. Хочу отдохнуть.

— Покои в какой части дворца вы хотели бы занять? — поинтересовались у нее. — С выходом окон на спутники Опретауна? На кукурузные поля? На горы? На энергетическую станцию?

— Ух ты, — растерялась Мари. — А вы что посоветуете?

— Спутники Опретауна очень дивны для глаза, но в тех покоях мало света. Вид гор умиротворяет, но те покои рядом с внутренним двором, и отдыху могут мешать посторонние звуки. Кукурузные поля

благоухают, но днем в тех покоях бывает душно. А энергетическая станция постоянно вибрирует подзаряжающимися кораблями, и это быстро надоедает.

— Понятно. Что ж, я выберу кукурузные поля. Думаю, днем я смогу найти место посвежее, — улыбнулась Мари.

Ее проводили в башню со стороны полей и ввели в просторную комнату с широким балконом-террасой. Одна только эта комната была площадью, как вся ее квартира! При этом без излишеств и нагромождений. Кровать, куда поместится пять человек, каждый в позе звезды, полупрозрачный балдахин красного цвета под тон покрывала, мягкие коврики на полу, пуфики, кресло-качалка, камин, картины, напольные вазы, кофейный столик. Дверь-окно перед балконом от пола до потолка прикрывалась колыхающимся на ветру тюлем.

Ванная комната, как и гардеробная, были оснащены теми же функциями, что в отеле Ордена, поэтому Мари сказала слугам не утруждаться с объяснениями. Они принесли ей угощения, воду и сок и с позволения удалились, пообещав, что об ужине Мариэль обязательно известят.

Оставшись одна, она вышла на балкон, подошла к краю и, положив ладони на каменный парапет, посмотрела вдаль. Кукуруза Опретауна имела гигантские стебли непривычного для Мари розового цвета и пахла пионами с тонкими нотками роз. Поля идеально ровными рядками и полосами уходили к небосклону и соединялись со сверкающим перламутровой пылью небом.

Подышав, Мари выбросила из головы напыщенных членов Совета и, вернувшись в комнату, залезла на кровать. Мягкая, с приятной телу тканью и очень удобными подушками, принимающими форму головы и поддерживающими шею. Сняв туфли, Мари сбросила их на пол и, застонав от удовольствия, быстро уснула.

Глаза... Голубые-голубые, как чистый океан в солнечный день... Загадочные, сексуальные, обладающие какими-то магическими флюидами, обаянием и неповторимостью... Мари тонет в них и слышит многоголосый шепот, шелестящий кукурузными полями: «Запечатлена... Запечатлена... Запечатлена...»

Ее разбудил стук в дверь. Мари кое-как разлепила глаза и приподняла голову. Комната погрузилась в сумрак. Вошедшая служанка оповестила, что император Луисцар приглашает Мари на ужин, а

урчание в животе напомнило, что с утра у нее во рту и маковой росинки не было.

Мари вылезла из постели, умылась и вошла в гардеробную. Сплошные зеркальные дверцы, за которыми ее ждали платья, блузки, юбки, костюмы, туфли, сапоги, шляпки, сумки, аксессуары на любой вкус и цвет. Решив не нагнеть, Мари выбрала скромный приталенный сарафан чуть ниже колена, с широкими лямками. К нему она подобрала босоножки и кокетливую заколку, которую прицепила к правому виску. Локоны ее волос изящно струились по ее плечам, и Мари впервые в жизни признала, что они потрясающие.

Служанка проводила ее на террасу на крыше самой высокой башни, где был накрыт стол на двоих. На Опретаун опустилась ночь, и стоявший спиной Луисцар освещался холодным сиянием небесных спутников и горящих на террасе свечей. Медленно обернувшись, он зачарованно взглянул на Мари и произнес:

— Здравствуй.

Она улыбнулась и ощутила, как загорелись ее щеки. Еще ни один мужчина не вызывал у Мари исступленный трепет. На Луисцаре была широкая белая рубашка, застегнутая на две пуговицы, и такие же белые брюки, соблазнительно подчеркивающие его смуглую кожу.

Луисцар жестом руки отпустил прислугу и, подойдя к столику, выдвинул для Мари стул с высокой спинкой. Она улыбнулась еще шире.

— Спасибо, — ответила она, сев.

Луисцар сел напротив и спросил:

— Как ты себя чувствуешь?

— Превосходно.

— Что-нибудь вспомнила?

— Кажется, да, — Мари внимательно посмотрела в глаза Луисцара. — В этот раз воспоминание было приятное. Я видела твои глаза и слышала чей-то голос. Вернее, голоса. Мне говорили: «Запечатлена».

Луисцар сыто улыбнулся:

— Ты вспомнила момент нашего запечатления. К сожалению, это была наша единственная встреча. Вскоре Палалия сгорела, а ты исчезла.

— Давай не будем о грустном, — подбодрила его Мари, заметив, как улыбка снова исчезает с его прекрасного лица. — Ты говорил о празднике.

— Ах, да! Я созвал гостей на завтра. Ты не против?

— И все успеют приехать?

— Приехать? Мари, у жителей Опретауна телепортационные капсулы. Они придут в любое время.

— Пожалуй, мне к этому придется привыкнуть.

Они заулыбались, и Луисцар спросил:

— Что тебе положить? Салат или закуску? Что будешь пить?

— Мне без разницы, — пожала она плечами и позволила императору поухаживать за ней. — А Тальина не присоединится к нам?

— Нет.

Больше Мари о ней не спрашивала. Во время ужина она старалась говорить с Луисцаром на добрые, позитивные темы и наслаждаться его улыбкой. Он делился с ней рецептами местных блюд, от которых Мари пришла в восторг, обещал показать ей, как изготавливают опретское вино, познакомить ее с культурой и бытом своего народа.

После ужина слуги принесли на террасу и осторожно установили телескоп. Но не обычный, а с двумя объективами, чтобы можно было смотреть на небо обоими глазами. Мари долго рассматривала небесные спутники Опретауна и слушала Луисцара, рассказывающего какие-то легенды и поверья. Зрелище было впечатляющим. Рядом с большими небесными телами Мари видела маленькие, а еще целые хвосты и кольца.

— А я увижу отсюда Землю?

— Нет. Она слишком далеко, — ответил Луисцар, погрузнев. Он чувствовал печаль Мари и, естественно, разделял ее.

— Сегодня я должна была пойти на девичник, — вспомнила Мари, отвлекшись от телескопа. — Столько всего случилось.

— Я сделаю все возможное, чтобы не позволить тебе скучать. — Луисцар взял ее за руку и большим пальцем погладил тыльную сторону ее ладони. — Никогда не сомневайся во мне, Мари.

Общение из дружеского быстро перерастало в романтическое, и от волнения у Мари затрепыхалось сердце.

— Луис, ты обещал дать мне время.

Он напрягся, сделал шаг назад и сменил тему:

— Как ты смотришь на уроки по стрельбе из бластера?

— Что?

— Было бы не лишним уметь им пользоваться.

— Из-за аглов? — переспросила Мари. — А ты хороший учитель?

— Я метко стреляю, — без кичливости ответил Луисцар. — Завтра днем, пока будет идти подготовка к пиру, мы могли бы потренироваться.

— Хорошо. Я согласна.

— Надеюсь, тебе понравится, — улыбнулся он. — Разрешешь мне проводить тебя до покоев?

— Почему бы нет? — Мари взяла его под локоть, и они ушли с террасы.

Возле двери ее комнаты они приостановились.

— Не принимай слова мамы близко к сердцу, — вдруг сказал Луисцар. — Я чувствую, ты думаешь об этом. Она много страдала.

Мари поджала губы, сиюсь промолчать, но не смогла и все же спросила:

— Совет сказал, что ты не единственный наследник престола. У тебя был брат? Или сестра? Поэтому Тальина так ведет себя?

— Да.

— О, Луис. Мне очень жаль, — Мари взяла его за обе руки.

— Нет, ты не поняла. Он не умер. Все гораздо хуже.

— Хуже? Что ты имеешь в виду?

— Ты же заметила, с каким презрением нас принял Орден? У них есть причины. Шеймас, мой брат... Он изменник, Мари. Десять лет назад Шеймаса сослали в Трейс.

— Вот как, — Мари побродила взглядом по груди Луисцара. — Вы были близки?

— Иногда я вспоминаю счастливые дни из детства, — признался он. — Но из-за него едва не пострадала мама, и я не простил его.

— Из-за него ты всегда вооружен?

— Из-за него тоже. Хотя он стреляет лучше. Но тебе нечего бояться. Сюда аглы не суются.

— Да я и не боюсь, — Мари улыбнулась, чтобы успокоить Луисцара. — Я тридцать лет жила без всякой охраны. Еще тридцать проживу. Все нормально, Луис. Поступки твоего брата — это поступки твоего брата, а не твои. Мое отношение к тебе из-за него не изменится. — Она подтянулась на носках и, поцеловав его в щеку, крепко обняла. — Ты тоже не должен сомневаться во мне.

Он заключил ее в свои объятия и лицом зарылся в ее волосах.

— Спасибо, Мари, — прошептал он.

Они расстались, одарив друг друга улыбками. Мари вернулась в комнату и некоторое время слушала удаляющиеся шаги Луисцара. Теперь она понимала тревоги Тальины. Ее предал родной сын. Логично, что она не доверяла какой-то невестке, воспитанной в обществе слабой расы. Мари сжалась над Луиссаром и не стала выпытывать у него, что такого страшного натворил Шеймас. Но она намеревалась это выяснить, прежде чем полноправно вольтется в чету опретов.

Не успела она раздеться, как в дверь постучались. Подумав, что вернулся Луиссар, чтобы уточнить нюансы завтрашней тренировки, она открыла дверь, но на пороге увидела флиомов в плюшевых пижамах и смешных шапочках с помпонами.

— Ты можешь ответить нам на один вопрос? — улыбаясь во весь рот, спросил Блин.

— Ночью? — удивилась Мари, сверху вниз глядя на гостей.

— Мы просто поспорили и до утра не вытерпим.

— Чего вам?

— А... у тебя... во всех местах разноцветные волосы?

Мари захлестнула злость. Хотелось стянуть с ноги босоножку и отшлепать обоих флиомов по их зеленым задницам.

— Пошли вон, дебилоиды! — рявкнула она.

Те вздрогнули и попятились.

— А что такого мы спросили? — недоумевал Блин. — Стон, ты должен мне два кредита. Я же говорил, она развоняется.

Печально свесив головы, они развернулись и, бурча под нос, поплелись в темноту коридора.

Сердито стиснув зубы, Мари хлопнула дверью и решила забыть этот идиотский разговор.

Глава 6. Нэим

Пробуждающийся Опретаун светлел, вздрагивая волнуемыми ветром кукурузными стеблями в предутреннем тумане. Вместе с яркими лучами из-за горизонта вырывался озорной ветер, взбивающий легкую занавесь на балконной двери и балдахин над кроватью.

Мари проснулась полной жизненных сил и бодрости. Принимая ванну, она даже спела. Ей больше не нужно вставать до рассвета, чтобы успеть на тренировку, а потом на работу, где весь день надо улыбаться всем и каждому, в особенности тем, кого Мари терпеть не могла. Теперь она в мире, в котором никому ничего не должна, за исключением Луисцара. Но Мари была уверена, с ним все сложится самым наилучшим образом. Он нравился ей, а главное — был по уши в нее влюблен. Впервые Мари рассматривала мужчину, как своего потенциального мужа и отца своих будущих детей. И не потому что их запечатлела Вселенная, а потому что он действительно казался ей надежным. Финансово обеспеченный, серьезный, уважаемый и, несомненно, завидный любовник. Вспомнив обнаженного Луисцара, Мари решила поскорее выбраться из ванны, пока у нее не возникло желания ублажать саму себя, тешась страстными мечтами. В один прекрасный день, а еще лучше в одну прекрасную ночь она собиралась отдаться самому Луисцару, а не мыслям о нем.

Мари была в гардеробной, когда в комнату пришла служанка и сообщила, что император Луисцар ждет ее к завтраку и просит сразу надеть что-нибудь удобное для стрельбы. Мари выбрала брюки и куртку в тон тем, в которых Луисцар вчера посещал Орден. Ей хотелось гармонично смотреться со своим женихом.

— Жених, — хихикнула Мари, одеваясь.

В гардеробной она обнаружила портативную парикмахерскую, представляющую собой удобное кресло с оборудованием на штативе, напоминающим обычный сушиар. Покопавшись в программах, Мари выбрала плетение и села в кресло. Было страшновато, но она надеялась, что если останется без волос, чудо-браслеты из аптечки свейхов все исправят.

Спустя минуту Мари уже смотрела на себя в зеркало и не могла

нарадоваться. Волосок к волоску были собраны в идеальную тугую косу-колосок. С бластером в руках, да в компании Луисцара Мари, бесспорно, будет выглядеть эффектно.

Надев ботильоны, она проследовала за служанкой. В этот раз стол был накрыт в обеденном зале. Тальина с убитым видом сидела во главе стола и с укором глядела на стоявшего у распахнутого окна Луисцара. Мари догадалась, что они повздорили, но не стала лезть в их отношения. Поприветствовав их пожеланием доброго утра, она улыбнулась обернувшемуся Луисцару. Он на мгновение замер, будто пытаясь привыкнуть к еще одному ее образу, потом по-джентельменски выдвинул для нее стул с высокой спинкой по правую руку от своего и, когда Мари села, тоже занял свое место. Прислуга принялась обслуживать императорскую семью.

— Все в порядке? — все же шепотом спросила Мари, стараясь на смотреть в сторону Тальины, сидящей на другом краю стола.

— Сегодня придут наши родственники со всего Опретауна, — ответил Луиссар, глотнув сока. — Мама всегда волнуется перед приемами. А ты?

— Я больше волнуюсь перед уроком. Не хочется в первый же день отбить у тебя желание заниматься со мной, — улыбнулась Мари.

— Ты совсем не знаешь мои необузданные желания, — интригуяще произнес Луиссар, коварно улыбувшись. — Не налегай на сладкое. Оно тебя дезориентирует. Рекомендую фрукты, ягоды и сок.

— Ты еще и диетолог?

— Для тебя я готов быть кем угодно.

Громкий звон металла о керамику заставил их замолчать и взглянуть на Тальину. Та уронила вилку. И Мари могла поклясться, что она сделала это нарочно, разозлившись из-за их воркований. Решив больше не провоцировать Тальину, Мари набила рот фруктовым салатом и весь завтрак ела молча.

Как только все встали из-за стола, в зал вбежал Стон и сообщил, что прибыл представитель Ордена. Луиссар сменился в лице. Веселье будто рукой сняло. Зато Тальина не скрыла довольной ухмылки, услышав имя раннего гостя. Визитером из Ордена оказался ее давний друг Нэим из расы зроу. Он уже допросил Стона и занимался Блином, следующей на очереди была Мари.

Луиссар, ведя ее в гостиную, занятую Нэимом, держал ее за руку и

поучительно наставлял:

— Веди себя непринужденно. Он будет задавать странные вопросы. Отвечай немедленно. Чем раньше ты убедишь его в своей безграничной любви к миру во Вселенной и уважении к Ордену, тем быстрее он от тебя отстанет. Я надеюсь, перво-наперво его интересует память твоей расы, но... — Луисцар остановился и встал перед Мари. — За последние десять лет многое изменилось. Каждый день под подозрение в измене попадают тысячи представителей разных рас.

Мари открыла было рот, чтобы возразить, но Луисцар перебил ее:

— Запомни, здесь у всего есть уши.

— Поняла, — пискнула она, а в следующее мгновение распахнулась ближайшая дверь, и из гостиной вывалился Блин.

— У меня забрали значок, — грустно сообщил он. — До выяснения всех обстоятельств дела нам со Стоном запрещено покидать Опретаун.

— Все наладится, — сухо сказал ему Луисцар. Возможно, он хотел приободрить флиома, но вышло неудачно. Тот свесил голову и поплелся вон.

В коридоре показалась Тальина, плывя и шелестя подолом длинного платья. Ее лицо светилось счастливой улыбкой. Не дожидаясь, пока она приблизится, Мари юркнула за дверь и тихонько прикрыла ее.

Нэим, представитель расы зроу, плотный коренастый мужчина с темно-коричневой кожей, густыми колечками волос, напоминающих шапочку, острыми ушами, выглядывающими из этой шапочки, но контрастно светло-серыми глазами, сидел в кресле и задумчиво смотрел на открытое окно. На миг Мари показалось, что она уже где-то его видела, но она тут же отогнала от себя эту несуразную мысль.

— Здравствуйте, — сказала она, медленно идя к креслу напротив Нэима.

— Присаживайся, Мариэль, — он кивнул и перевел на нее внимательный взгляд.

На стеклянном столике между ними лежали непонятные приборы со светящимися лампочками. Мари предположила, что это записывающие устройства.

— Я Нэим — сотрудник Ордена. Меня назначили провести расследование твоего чудесного возвращения. Что скажешь, мы подружимся?

— Я довольно миролюбивая, — ответила она, положив одну ногу на другую и уверенно откинувшись на спинку кресла.

— Тогда не будем терять время. Я не стану спрашивать, как ты попала в Опретаун. Вряд ли ты расскажешь что-то новое. Я ознакомился с материалами вчерашнего слушания, допросил агентов Стона и Блина и не хочу слушать одно и то же. Скучно. Лучше скажи, почему ты уверена, что ты Мариэль?

— Я появилась из ниоткуда. Моя мама умерла от ожогов. У меня типичные для палал волосы.

— Погоди-погоди. Я спрашиваю, почему ты уверена, что ты Мариэль, хранительница памяти палал? Почему ты не предполагаешь, что ты просто палал?

— Я запечатлена с Луисцаром. Я вспомнила момент запечатления.

— Хорошо. Что еще ты вспомнила?

— Пока ничего, — честно ответила Мари.

— А судя по отчетам из Междумирья, у тебя был приступ возрождения памяти расы, — Нэим хитро сощурился.

— Я не знаю, что это было. Мне стало плохо. Луис сказал, я просто не разобралась в нахлынувшем потоке видений.

— Я согласен с ним. Но ты понимаешь, что дальше будет больше?

— О чем вы?

Нэим подался вперед и, положив локти на колени, скрестил пальцы.

— Твой мир был сожжен дотла. Полгода спустя была обнаружена пропажа сильнейшего взрывного устройства из научной лаборатории Междумирья. Результаты экспертизы показали, что Палалия была уничтожена взрывом этой бомбы. По мощности она превосходит любое ядерное оружие Земли. Все сотрудники Ордена попали под подозрение. Но нам повезло. Злоумышленник вскоре совершил суицид, оставив записку, что выкрал бомбу для аглов. Те убедили его, что никому не навредят, а оружие нужно для запугивания. Он не смог смириться с уничтожением Палалии. Теперь представь, какие жуткие воспоминания ждут тебя. Ты пропустишь через тебя боль каждого погибшего жителя Палалии.

— Да, Луис меня предупреждал, — вымолвила Мари. Настроение у нее мгновенно испортилось. — Что вы предлагаете?

— У тебя есть право отказаться от восстановления памяти расы, так как передавать ее будет некому. Ты последняя чистокровная представительница своей расы. А это значит, что память угаснет, когда

ты умрешь. Орден согласится удовлетворить твое прошение и заблокирует память палал. Тебе не придется снова пережить весь тот ужас. Подумай. Предложение заманчивое. Есть шанс не сойти с ума, а спокойно выйти за Луисцара, нарожать ему кучу сыновей и жить долго и счастливо.

Мари была обескуражена. Нэим казался вполне нормальным и приятным для общения, в отличие от Совета. Однако Мари настораживала дружба Нэима с Тальиной.

— Извините, а можно задать вам пару вопросов? — спросила она.

— Вообще-то вопросы здесь задаю я. Но ради тебя сделаю исключение. Спрашивай.

— Зачем Ордену научная лаборатория, создающая бомбы такого масштаба?

— Ты знаешь историю Трейса? Этот мир уничтожила война. И она идет там по сей день. Только теперь ее населяют опасные преступники и изменники рас. Трейс раздроблен, но если однажды аглы сплотятся в намерении уничтожить Орден, мы будем бессильны.

— И вы сожжете Трейс? — поразилась Мари, вспомнив, что у Луисцара там родной брат. А сколько еще таких же несчастных, чьи любимые находятся в ссылке?!

— Чью кровь ты пролила бы? Беспощадных аглов или невинных?

— Ничью! — отрезала Мари.

— Что ж, это доказывает твою миролюбивость. Будь с ней поосторожней, — с некой подоплекой посоветовал Нэим. — Кажется, у тебя был еще один вопрос?

— Вы нашли суицидника, оставившего записку, и сразу поверили? Не допустили мысли, что его могли подставить?

— Мариэль, конечно же нет! Было проведено тщательное расследование.

— Кем?

— Следственным комитетом. Его вина была полностью доказанной. Вот только мы так и не нашли группировку аглов, которым было передано оружие.

— Тогда я вынуждена отказаться от блокировки памяти расы! — заявила Мари. — Если мои болезненные воспоминания помогут найти настоящего виновника, то я готова вытерпеть. Луис мне поможет.

Нэим нервно улыбнулся:

— Я не тороплю тебя с ответом. Мы еще встретимся. Так что ты подумай. Прошло тридцать лет. Нет гарантии, что та группировка до сих пор существует.

— Как и нет гарантии, что она не существует, — заметила Мари. — Я благодарна Ордену за его великодушие, но мой ответ окончательный. Я восстановлю память расы, память моей крови, память моих предков. И обязательно изучу природу полукровок. Вселенная способна запечатлевать пары, почему же вы не допускаете, что в особенных случаях она может делать полукровок хранителями памяти рас?

Нэим снова откинулся на спинку кресла и окинул Мари оценивающим взглядом:

— Ты знакома с Лейсандрой?

— Нет, — напряглась она. — Кто это?

Нэим осклабился:

— Поверь, Мариэль, у тебя есть проблемы посерьезней. Ты убедишься в этом, когда познакомишься с Лейсандрой. Лучше оставь прошлое и займись личной жизнью. Потому что если ты проиграешь Лейсандре, никаких полукровок у тебя не будет. А теперь ступай. Тебя ждут. — Он отвел взгляд в окно.

Ничего не ответив, Мари встала и вышла из гостиной. Разговаривающие Луиссар и Тальина притихли. Императрица, увидев подавленность в лице Мари, широко улыбнулась и, пройдя мимо нее, вошла в комнату.

— Нэим! — воскликнула она перед тем, как закрыть дверь.

— Все нормально? — обеспокоенно спросил Луиссар, подойдя к Мари и взяв ее за руки.

— Не знаю, — растерянно ответила она, посмотрев ему в глаза. — Он предлагает заблокировать память. Говорит, что мне надо... Кто такая Лейсандра?

В глазах Луиссара вспыхнул огонь гнева. Мгновенье он молчал, а потом произнес:

— Не ожидал, что Нэим заговорит о ней. Ты его задела.

— Не спорю, я не промолчала, когда следовало. Так кто она?

— Никто. Тебе не надо думать о ней.

— Луис! Я все равно узнаю.

Он глубоко вздохнул и, вплотную шагнув к Мари, почти шепотом произнес:

— Мне тридцать три года, Мари. Я мужчина. Вопреки запечатлению, у меня была личная жизнь. Ничего серьезного. Интрижки.

— Лейсандра — одна из твоих интрижек? — Мари услышала возмущение в своем тоне и осеклась, ведь у нее тоже была личная жизнь. «Ни-ни до свадьбы» не про нее!

— Все хуже.

— Опять? Она тоже в Трейсе?

— Лучше бы была там, — засмеялся Луисцар. — Лейсандра — троюродная племянница мамы.

— Оу, ну все ясно! Тальина ее обожает. Сосватала вас, ждала свадьбы, а тут появилась я!

Он остолбенел. Мари попала в точку.

— Класс, — фыркнула она. — Как долго длился ваш роман?

— Я бы не назвал это романом. Она очень приставучая. Но я всегда говорил ей, что у нас ничего не выйдет. Я ждал тебя. Она знала это.

— Как долго? — повторила Мари.

— Четыре года, — едва слышно ответил Луисцар и прикусил губу.

— Шик и блеск! Вы расстались? Или сегодня она явится на праздник на правах твоей девушки?

— Вчера я отправил ей сообщение.

— Из отеля в Ордене? Вот почему настроение Тальины там резко сменилось? Она надеялась, что ты отвергнешь меня, а ты отверг ее любимую Лейсандру? Луис, я не ревную. У меня тоже были мужчины. Но я не позволю играть со мной. Ни тебе, ни Лейсандре, ни Тальине.

— Я и не собирался! — Он положил одну ладонь на ее щеку и погладил большим пальцем. — Мари, я же просил не сомневаться во мне. Ты — все, что мне нужно. Если хочешь, я распоряжусь, чтобы отозвали приглашение для Лейсандры.

— Ну уж нет! — насупилась Мари. — Тогда у твоей мамы появится повод посчитать меня трусихой. Я встречу с Лейсандрой лицом к лицу!

Луисцар улыбнулся уголком губ, и в его глазах загорелось восхищение. Положив обе руки на талию Мари, он медленно притянул ее к себе. Сердце Мари сделало кувырок. Не успела она опомниться, как губы Луисцара коснулись ее губ. Нежный, воздушный и до головокружения сладкий поцелуй отозвался дрожью в ее коленях.

Закрыв глаза и обвив руками шею Луисцара, Мари ответила на поцелуй, разделяя с ним одно дыхание, одну душу. Будь ее воля, она прямо из коридора потащила бы Луисцара в свою комнату. Тем более, что его язык яростнее переплетался с ее языком, а дыхание сбилось от возбуждения. Он сам этого хотел и не мог остановиться. Кое-как пробившись, трезвый голос разума дал Мари силы закончить поцелуй. Она нехотя отстранилась от Луисцара и с улыбкой прошептала:

— Как же все-таки заводят разговоры о бывших.

— Не то слово.

— Так, мне уже намного лучше. Я бы даже сказала, намного-намного. Поэтому мы можем идти.

— Куда? — удивился Луисцар.

— На стрельбище! — напомнила Мари, вернув его в реальность.

— Ах да! Забыл, — улыбнулся он. — Тогда идем. — Взяв Мари за руку, Луисцар повел ее подальше от злополучной гостиной.

Глава 7. Урок

Ареной для стрельбища оказалась ровная площадка в форме круга, приподнятого над землей на высоту одной ступени. Покрытая мелким газоном, она все же оставалась твердой и устойчивой даже для каблучков ботильонов Мари.

Как только они с Луиссаром вошли на арену, ее накрыло прозрачным, чуть сияющим куполом. Мари сочла его за электромагнитную защиту, но уточнять не стала, чтобы не выставить себя совсем глупой.

У одного из краев на штативе возвышалась тонкая сенсорная панель, у которой и остановился Луиссар. Он включил программу, и рядом с панелью в стороны разъехались небольшие дверцы, замаскированные газоном. Из появившегося углубления на поверхность автоматически поднялась коробка со стеклянной крышкой. В ней лежали бластеры и светящиеся патроны, укомплектованные в ячейки-магазины для быстрой перезарядки.

— Теперь выберем мишень, — произнес Луиссар, продолжая пальцами водить по сенсору. — В кого ты хотела бы пострелять?

— Они что, здесь материализуются? — поразилась Мари.

— Да, в виде голограмм. Ну и?

Мари ненадолго задумалась.

— А членов Совета можно?

Луиссар чуть улыбнулся, но отрицательно помотал головой.

— Знаешь, у меня нет настолько заклятых врагов, чтобы я хотела в них пострелять, — буркнула Мари. — А сделать мишенью твою маму у тебя на глазах будет очень жестоко. Разве нельзя пострелять по бумажным плакатикам?

— Мы не переходим от простого к сложному. Это давно канувшая в историю эпоха. Ты должна за что-то недолюбливать этого человека. Только тогда ты раскроешь свой потенциал, и я учту уровень сложности, — пояснил Луиссар. — Меня учил Шеймас. А он был лучшим стрелком в Опретауне.

— Ну хорошо, — со вздохом согласилась Мари. — Можно материализовать человека, которого я никогда лично не встречала?

— Можно.

— Тогда покажи мне Лейсандру.

— Так сразу? — У Луисцара озорно загорелись глаза.

— Хочу знать, с кем я столкнусь в реальной дуэли, — Мари нажала на кнопку открытия крышки и взяла заряженный бластер, довольно тяжелый, но удобно улегшийся в ее ладони.

Расплывшийся в счастливой улыбке Луисцар поработал над созданием голограммы, и перед Мари появилась высокая, стройная девица в обтягивающем белом платье. Ее длинные волосы пепельного цвета ровными прядями ниспадали на плечи и грудь, большие голубые глаза метали молнии, а пухлые губы были плотно сжаты.

— Пффф, — с насмешкой фыркнула Мари, игнорируя ее эффектность. — Сколько ей лет?

— М-м-м... Двадцать два, если считать по земному возрасту.

— Сопля зеленая, — проворчала Мари. — Я ее в два счета уделаю!

Луисцар оставил панель и подошел к Мари. Встав позади, он завел руки вперед, тем самым полуобняв Мари, и поднял ее бластер.

— Вот так, — начал объяснять он. — Правой рукой держишь рукоять. Указательный палец прикладываешь к спусковому крючку. Вот сюда. А левой придерживаешь рукоять снизу, чтобы бластер не вилял. Со временем ты научишься стрелять одной рукой, а пока рекомендую использовать две. Меткости мало. Надо учитывать отдачу.

— Когда я выстрелю, она истечет кровью? — спросила Мари.

Луисцар повернул голову и замер. Мари тоже взглянула на него, и их лица оказались так близко друг к другу, что она ощутила его дыхание на своей коже.

— Нет, не истечет, — улыбнулся он.

— Жаль.

Мари снова прицелилась и по сигналу Луисцара выстрелила. Голубой луч стрелой пустился из бластера и угодил в плечо Лейсандры. Голограмма не шевельнулась, лишь пару раз мелькнула. Луисцар вернулся к панели и запрограммировал Лейсандру слегка покачиваться.

— Теперь сама, — скомандовал он.

Мари прицелилась, выстрелила, но не попала. Огорченно выдохнув, она попробовала снова. Провал. Еще. Мимо. Разрядив обойму, Мари ни разу не подстрелила голограмму, но не остановилась. Луисцар показал ей, как перезаряжать бластер, и она продолжила.

Вскоре у нее стало получаться. Лучи угождали в плечи, руки и даже в грудь Лейсандры. Луисцар стал усложнять мишень. Лейсандра то прыгала, то бегала, то пригибалась, избегая выстрелов. Такой урок стал забавлять Мари. Было смешно наблюдать за тем, как бывшая пассия Луисцара устраивает перед ней клоунаду. Это придавало Мари уверенности в себе и своей непобедимости.

Разрядив четыре обоймы, она взглянула на корчившую рожницы Лейсандру и расхохоталась.

— Поверь, в жизни она не такая, — произнес Луисцар, отключая голограмму. — Опреты по своей природе крайне сдержанная раса.

Мари вернула бластер в коробку.

— Я заметила.

— Мы способны на чувства. На большие чувства. Но эмоции чаще держим в себе.

— От этого ты становишься только загадочней, — хитро улыбнулась Мари и, подойдя к Луисцару, обвила его шею руками. Он обнял ее за талию и произнес:

— Тебе правда не скучно со мной?

— После такого? — Она кивнула в ту сторону, где только что ее развлекала голограмма Лейсандры.

— Шеймас устраивал для меня настоящие представления, — с улыбкой вспомнил Луисцар. — Позволял мне стрелять по моим бывшим учителям-занудам.

— Тебе тоскливо без него?

— Прошло десять лет. Я смирился, что его больше нет.

— Намного он старше тебя?

— На два года. Но он с детства был очень активным. Бунтарем. Мог поспорить со взрослыми и никогда не извинялся, даже если был неправ. У него был шанс избежать ссылки. Нужно было лишь извиниться.

— Что он сделал, Луис? — спросила Мари, чувствуя его душевную боль и всем сердцем желая облегчить эту муку.

— Совершил расовую измену, — неоднозначно ответил Луисцар. — Предал, оклеветал, унизил... Давай не будем портить этот прекрасный день воспоминаниями о нем. Что ты наденешь на праздник?

— А что ты предлагаешь?

— Может, придем в красном? Тебе он подойдет. Будем выделяться.

— Заманчивое предложение, — промурлыкала Мари, больше всего намереваясь выделиться на фоне Лейсандры и доказать ей и Тальине, что она им не по зубам.

Луисцар с безграничной нежностью посмотрел ей в глаза, отчего у Мари вновь земля ушла из-под ног. Чувства к нему росли в ней так, словно за одно мгновение проходила тысяча лет их знакомства. Он становился ближе, роднее.

Мари приподняла голову, и их носы соприкоснулись. Ощувив контакт и поняв, что она вновь желает поцелуя, Луисцар прильнул к ее губам. Долгий, исследующий поцелуй медленно, постепенно и осторожно набирал обороты. Теперь он был дольше, слаще и расслабленней. Луисцар языком скользил по губам Мари, нежно посасывая и даже покусывая их. Она почувствовала, как натянулась ее куртка, когда Луисцар в кулаки сжал ткань за ее спиной, и на нее нахлынула горячая волна возбуждения. Они оба знали, что здесь им никто не помешает, но не забывали о прозрачности купола, поэтому держали себя в руках, хоть и с горем пополам. Мари не стала бы сопротивляться, если бы Луисцар сорвал с нее одежду и завладел ею прямо на оружейном боксе. Она отдалась бы ему тут раз двадцать подряд и ни разу бы не пожалела. В такие мгновения она забывала даже об ипотеке, которую семь лет платила ни за хрен собачий.

— Луис, — наконец тяжело дыша, прошептала она, чуть отстранившись от него.

— Ты сводишь меня с ума, — в ответ прошептал он, не выпуская ее из своих железных объятий.

— Нам надо идти, — нехотя выдавила Мари. — Будет некрасиво, если император заставит гостей ждать.

Облизнув губы, он сглотнул и покивал:

— Ты права.

Отдышавшись, Мари улыбнулась. Луисцар отпустил ее и задал на панели программу отключения арены. Когда коробка скрылась под газоном, а купол исчез, он спустился на землю и подал руку Мари. Ей было забавно наблюдать за тем, как он помогает ей преодолеть даже одну ступеньку, но это лишь говорило о его сильных чувствах.

— Ты так и не сказал, хорошая я ученица или меня надо выпороть? — засмеялась Мари, когда они направились к дверям.

— Ты хорошая ученица, — улыбнулся Луисцар. — Но тебя надо

выпороть.

— Веселитесь? — съязвила появившаяся перед ними Тальина. От ее колючего взгляда Мари стало не по себе, и она крепче сжала руку Луисцара. — Скоро начнут прибывать гости. Может, хватит дурачиться?

— Мы не дурачились, — ответил Луисцар. — Мы были на занятии по стрельбе. Ты же сама призываешь опретов уметь защищаться.

— Вот именно. Опретов, — уточнила Тальина и смерила Мари холодным взглядом. — Нэим ждет от тебя ответа. И мы надеемся, что он будет положительным.

— Я не откажусь от памяти своей расы, — твердо сказала Мари. — Луис поможет мне пережить боль. Ведь мы с ним запечатлены. Не забывайте, — она фальшиво улыбнулась и, обойдя Тальину, потянула Луисцара за собой.

Глава 8. Праздник роскоши и яда

Как и на любом земном балу, прием в красивейшей резиденции императора Луисцара ознаменовался не только богатым ужином, рекой вкусного вина, непрекращающейся музыкой, но и дресс-кодом. Гости были одеты в роскошные камзолы и пышные платья, а официанты в ливреи. Оттенки нарядов варьировались от цвета слоновой кости до чайной розы, так что красное одеяние Луисцара и Мариэль действительно вызвало фурор. Взгляды всех гостей были прикованы только к ним. Все хотели познакомиться с хранительницей памяти расы палал и невестой императора. Самые находчивые расспрашивали о ней Тальину, от злости сжимающую бокал в своих руках с такой силой, что тот едва не трескался. Мари старалась не смотреть в сторону будущей свекрови, но периодически поддавалась слабости и обращала на ту мимолетное внимание. Тальина почти не отходила от Нэима и с собачьей верностью следила за любимым сыном. К счастью для Мари, Луисцар игнорировал настроение и поведение матери, все время посвящая своей невесте. Он с гордостью представлял ее родственникам, друзьям, знакомым, прибывшим на бал из разных уголков Опретауна.

Некоторые приглашали Мари в гости, обещая показать поразительные места их мира. Другие желали им с Луисцаром счастья и просили не забыть пригласить их на свадьбу. Некоторые же, потеряв чувство такта, спрашивали у Мари о палал, словно для нее история ее вымершей расы — просто сказка-ужастик на ночь. А особенно циничные, не стесняясь ее присутствия, спрашивали у Луисцара о Лейсандре и вздыхали, как же она, бедняжка, теперь будет жить. Мир вроде развитый, а люди с той же гнильцой внутри. Когда Мари в очередной раз услышала имя Лейсандры, она не удержалась и ответила:

— Не волнуйтесь, ее мы тоже пригласим на нашу свадьбу.

Луисцар, поджав губы, чтобы не улыбнуться, осторожно отвел ее в сторону от опешивших гостей.

— Извини. Просто они меня достали, — прошептала Мари, когда они уединились от толпы.

— Нет, все отлично. Таких надо ставить на место. Ты будущая императрица. — Он с нарастающим восхищением посмотрел ей в

глаза. — Я отвел тебя в сторону, чтобы не рассмеяться. Это было бы грубо.

— Может, именно грубости тебе и не хватает, — Мари сказала это с игривым возмущением.

— Нам хватило одного грубияна в семье.

— Ох, Луис, прости, — опомнилась она. — Ты должен выбросить Шеймаса из головы. Ваши пути разошлись. И твой точно лежит не в Трейс. Твой путь — это я.

— Уверен, ты сможешь мне реабилитироваться, — улыбнулся он. — Потанц...

Не успел он пригласить ее на танец, как в зале повисла тишина. Словно в плохом кино в поле зрения Мари появилась Лейсандра. Кто бы сомневался?! В вечернем платье с глубоким декольте, подчеркивающим ее пышную грудь, со струящимися за спиной серебристыми волосами, с плутовской полуулыбкой и ледяным взглядом, замораживающим всех и каждого. Белая бестия с черным сердцем, не иначе!

— Прямо какой-то индийский сериал, — пробурчала Мари, крепче прижимаясь к Луисцару. — На праздник заявила соперница главной героини, и все гости разинули рты в ожидании слезовыжимательной словесной перепалки.

Взяв курс в их сторону, Лейсандра с грацией кошки продефилировала через весь зал, по пути прихватив бокал с игристым вином. Гости постепенно вернулись к своим беседам, видимо, придя в себя и поняв, как некрасиво подслушивать чужие разговоры. Тем более, сплетни, которые позже разрастутся вокруг императорской семьи, куда интересней и красочней. Ради такого стоит побороть любопытство и потерпеть.

— Здравствуй, Лу, — прошелестела Лейсандра, подойдя к ним и окинув Мари оценивающим взглядом. — Красивый бал, — сказала она ровным тоном, будто ответила, сколько будет дважды два. — Наверняка организацией занималась Тальина. У тебя ведь совсем нет вкуса. Ни в чем.

«Вот змея!» — подумала Мари, догадавшись, на что та намекнула.

— Лейсандра, — представилась новоприбывшая гостья, чуть улыбнувшись уголком губ и взглядом продолжая принижать цену Мари. — Я безмерно рада с тобой познакомиться. Я...

— ...родственница Тальины, — перебила ее Мари, не позволив ей озвучить их с Луиссаром закончившиеся отношения. — Я знаю. Нэим мне рассказал.

— Вот как, — скривилась Лейсандра. Не Луиссар, а Нэим! Эх, что же делает с женщинами их задетая гордость! — А мне о тебе никто ничего не рассказывал, — съязвила она и отпила глоток белого вина.

— Это нормально, — парировала Мари. — Люди любят обсудить кого-то за его спиной. А когда о человеке нельзя сказать плохое, о нем молчат.

Лейсандра заметно растерялась. Похоже, Тальина успела предупредить ее о взрывном характере Мари, и та не ожидала, что оппонентка будет вести себя столь спокойно, но при этом не давая себя в обиду. Лейсандра взглядом отыскала находившуюся на другом краю зала Тальину и будто взбодрилась.

— Что ответил Совет по спорному вопросу о вашей свадьбе? — сменила она тему разговора.

— Лейс, — сделал ей замечание Луиссар. — Свадьба состоится.

— Уверен? — с вызовом осклабилась Лейсандра. — Совет забыл инцидент с Шеймасом?

Мари почувствовала себя не в своей тарелке. Опять разговор коснулся старшего брата Луиссара. Его изгнание в Трейс, безусловно, отразилось на всей семье. Но при чем тут запечатление Луиссара с Мари? Их свадьба? Будущее Вселенной?

— Лейс, если ты пришла испортить прием, советую тебе покинуть дворец, — ответил Луиссар.

Она глотнула еще и перевела взгляд на Мари.

— Понадобится совет, обращайся, — шепнула она. — Я знаю все его эрогенные зоны. Да и многому другому могу научить. Вряд ли в недоразвитом мире тебя вообще чему-то научили.

Мари не оставила ее выпад без ответа.

— Ты ошибаешься. Кое-чему научили. Например, посылать в жопу тех, кто мне неприятен, — фыркнула она и, взяв Луиссара под локоть, потянула его танцевать.

Лейсандра оторопела. Что ж, мысленно руками развела даже Тальина. С одной стороны, Мари упрочнила за собой звание хамки, с другой — дала понять гадюкам, что она им не по зубам, как бы они их ни затачивали. А Луиссар с каждым новым мгновеньем все сильнее

восхищался ею. Он был так рад, будто выиграл в лотерею, и выигрыш вытаскивает его из труппы.

Кружась в медленном вальсе, они быстро позабыли едкий разговор с Лейсандрой, так и не покинувшей праздник. Наоборот, она присоединилась к Тальине, и они дружно сверлили Мари прожигающими взорами, потягивая вино. Они напоминали ей стервятниц, выжидающих удобный момент, чтобы броситься на жертву. К их сожалению, та самая жертва не слабела, а набиралась сил, благодаря слиянию с Луиссаром. Они подпитывали друг друга, насыщали.

— Спасибо, что позволил мне сегодня пострелять по ее голограмме. Это придало мне уверенности. Я как будто встретила с давней заклятой подругой.

Луиссар засмеялся и, не прерывая танец, произнес:

— Я поговорю с ней завтра.

— Не нужно, — воспротивилась Мари. — Она наябедничает Тальине, и это негативно отразится на ваших с ней отношениях.

— Но...

Она приложила палец к его губам и не дала договорить.

— Никаких «но». Луис, я женщина. Охотница. Мне даже нравится отвоевывать тебя. Ты становишься... слаще, — нашла она подходящее слово. — Если бы ты встретился с конкурентом, я с удовольствием отошла бы в сторонку и молча повышала бы собственную самооценку. Так что наблюдай и наслаждайся.

Бал продолжался до самого рассвета. Гости хоть и начали расходиться после полуночи, как обычно, сыскались те, кому невероятно хотелось почесать языками и узнать все свежие новости. Последние попрощались с Луиссаром и его семьей, к которой теперь относилась и Мари, с первыми лучами солнца. Лейсандра, чего и следовало ожидать, по настоятельной просьбе Тальины осталась погостить. Мари восприняла эту безрадостную весть спокойно, но Луиссару сказала, что если против нее задумали какую-то авантюру, она выстрелит из бластера не в голограмму, а в саму Лейсандру. Конечно, ее заявление было несерьезным, но оно встревожило Луиссара.

— Помнишь, я говорил, что здесь везде уши? — вымолвил он, проводив ее до двери комнаты. — Не забывай, пожалуйста. Любая твоя

угроза, даже сказанная глубоко в сердцах, может быть расценена, как...

— Измена? — нахмурилась Мари. — Так вот за что осудили Шеймаса?

— Нет, — помотал головой Луисцар. — Шеймас виновен, это неоспоримый факт! Но повторяюсь, за эти десять лет многое изменилось.

Мари грустно улыбнулась и, подтянувшись на носках, поцеловала его в щеку.

— Спасибо за бал, Луис.

— Да уж, праздник роскоши и яда, — тяжело вздохнул он, захватив ее в свои объятия. — Обещаю, что выпровожу Лейсандру отсюда. А если она не уберется, значит, уедем мы.

Мари заинтригованно сверкнула глазами:

— Куда?

— Опретаун большой.

Она позволила поцеловать себя на прощание и, пожелав Луисцару приятных снов, вошла в свою комнату. Мари чувствовала, как он ждал ее приглашения, но не могла. На нее слишком много всего свалилось, и ей требовалось время. Да, у нее был секс с мужчинами в день их знакомства. Однако с Луисцаром все было по-настоящему. Она влюблялась в него — стремительно и неизбежно. И это капельку пугало ее.

Раздевшись и избавившись от украшений, Мари залезла в постель и, уставившись в потолок, задумалась. Ее тело гудело от танцев и усталости. В ушах все еще стоял звон хрусталя, музыка и голоса. Перед глазами проносились кружащиеся пары и холодные взгляды Талины и Лейсандры. Но это не помешало Мари сосредоточиться на мыслях о Шеймасе. Луисцар скрывал от нее что-то важное. Что-то, что касалось ее. И она никак не могла разобраться, что именно. Буйство хаотичных мыслей представляло калейдоскоп в ее голове или сложный пазл, где не хватает деталей. Лишь одно Мари знала точно: Луисцар боялся ее потерять!

Глава 9. Подслушанный разговор

Яркие зеленые глаза-изумруды смотрели на Мари с заботой и любовью, окутывающей ее невидимым теплым одеялом. Она видела добродушную улыбку на милом женском лице и чувствовала, что эта улыбка принадлежит самому близкому и родному человеку.

Маме.

Мари проснулась в слезах. День клонился к вечеру. От бессилия она поспала крепким, богатырским сном. Сев, она смахнула сырость с лица и взглянула на подушку. На наволочке остались мокрые следы. У Мари защемило сердце. Она вспомнила маму: ее глаза, улыбку, запах, голос. Отдаленно она вспомнила даже отца: его широкие плечи, глубоко посаженные глаза под дугами густых бровей, огромные руки. Мама ассоциировалась у нее с красотой и хрупкостью, а отец с величием и защищенностью. В детском доме Мари, как и другие дети, часто представляла себе родителей и жизнь с ними. Но все оказалось совсем не так, как в ее мечтах. Все было и лучше, и хуже одновременно. Теперь Мари знала, что мама и папа любили ее больше жизни. Теперь она знала, что они погибли. Как и весь их мир.

Шмыгнув носом, она выбралась из постели и поплелась в ванную. Нужно было срочно умыться холодной водой и привести себя в порядок. Мари догадывалась, что Луиссар все равно об всем узнает (или уже знает), ведь они связаны душами, но не хотела выглядеть в его глазах слабой. Ее радовало, что в этот раз он не примчался, чтобы успокоить ее. Связь Мари с родителями была слишком личной. И пережить их духовное воссоединение ей надо было самостоятельно.

Это воспоминание дало толчок. Мари поняла, что она на правильном пути, и приняла окончательное решение: она восстановит память расы! Ради родителей, своих будущих детей и всех погибших соплеменников.

Приняв душ, Мари оделась в легкое платье и отправилась на поиски живых. Во дворце царила мертвая тишина. Казалось, что даже прислуга до сих пор отсыпается после бала. Но Мари была уверена, что Нэим ждет ее ответа во всеоружии. Надеясь застать его в той гостиной, где они общались вчера, она отыскала туда кратчайший путь и по

дороге размышляла, как лучше заявить ему о своем решении.

В коридорах было сумрачно. Мари с трудом боролась с дремотой и чувствовала нарастающий голод. После разговора с Нэймом ей не помешает поесть, а потом вернуться в комнату и продолжить спать, чтобы не сбить биологические часы в организме. Строя планы, Мари не заметила, как подошла к гостиной. Дверь была приоткрыта, и оттуда доносились приглушенные голоса Нэйма, Тальины и Лейсандры. Мари не любила подслушивания и в офисе всегда ругала сотрудников, подпирающих двери ушами. Однако в сложившейся ситуации позволила себе наглость подслушать. Прижавшись к стене, чтобы ее не заметили через щель, она затаила дыхание.

— Он сказал, что я тут нежеланная гостья, — надрывно причитала Лейсандра.

— Успокойся, милая, — утешала ее Тальина. — Запечатление вскружило голову Луисцару, но это временно. Вас с ним слишком многое связывает.

— Разве запечатление может быть временным?

— Луисцар прекрасно помнит историю с Шеймасом, и это тревожит его. Он понимает, насколько опасен его союз с Мариэль, и не допустит рождение полукровок, склонных к измене.

— Он заявил, что свадьба состоится! — Лейсандра звучно отхлебнула из бокала. — Вы витаете в облаках, Тальина! Ее надо убить!

Мари зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть от ужаса.

— Нет-нет, успокойтесь, дамы, — вмешался Нэйм. — Только этого не хватало!

— Он прав, — поддержала его Тальина. — Смерть сделает Мариэль мученицей, и тогда Луисцар пожертвует личным счастьем в память о ней. Она должна стать ему омерзительна. Надо, чтобы он сам отвернулся от нее.

— Это невозможно! Они запечатлены!

— Ну что ты заладила?! Лейс, дорогая моя, Луисцар чувствовал себя замечательно без нее. Он быстро вспомнит те счастливые минуты, что проводил с тобой. Наберись терпения.

— Но как?! Как мы убедим его, что она дрянь?! — не унималась Лейсандра.

— Нужно подумать, — ответила Тальина.

— Не нужно, — добавил Нэйм. — Предоставьте это мне. Вот

увидите, совсем скоро Мариэль признают изменницей и отправят в Трейс. Нам даже не придется вмешиваться. Она сама все сделает.

Откуда-то до слуха донеслись приближающиеся шаги, и Мари, не отнимая ладонь от рта, рванула с места. Она торопилась убраться подальше от кабинета, прежде чем кто-нибудь засвидетельствует ее подслушивание и даст врагам повод воплотить идею Лейсандры в жизнь.

«Развитая раса! — убегая, думала Мари и прислушивалась к своему учащающемуся сердцебиению. — Настолько развитая, что готова убивать тех, кто не нравится!»

Она не представляла, что ей делать! Рассказать Луисцару? Поверит ли он ей? Да, поверит! Он почувствует, что она говорит правду! Но что тогда? Как это отразится на его отношениях с матерью?

«Почему я вообще забочусь о ней?! — мысленно ругала себя Мари. — К черту ее! Она в сговоре с преступниками, а именно ими являются Лейсандра и Нэим!»

Невольно она даже подумала о Шеймасе. Отталкиваясь от услышанного, Мари видела великую вероятность того, что его тоже подставили. Неужели мать могла поступить так с родным сыном?

«Нужно немедленно все выведать о Шеймасе!» — решила Мари и вспомнила о флиомах. Стон и Блин, как и она, сейчас злы на Совет и расположены к откровенному разговору. Да и их пошлый спор все еще оставался нерешенным. Вот только Мари не знала, где их искать.

Выбежав из башни и, промчавшись по коридору к лестнице, ведущей к этажу с комнатами, Мари завернула за угол и налетела на твердую мужскую грудь.

— Тихо-тихо! — улыбнулся Луисцар, поймав ее в свои объятия. — От кого ты убегаешь?

— Я? — оторопела Мари, тяжело дыша. — Луис... Меня хотят выставить изменницей в глазах Совета, а если не получится, то скорее всего меня убьют.

— Э-э-эм... Что?

— Я только что слышала! Против меня организован заговор!

— Кем организован? — смутился Луисцар.

— Нэимом, Лейсандрой и... и... — глядя в его глаза, она пыталась произнести имя его матери, но язык не поворачивался. Луисцар остался без отца и брата. Тальина была его единственным родным человеком.

Мари не могла нанести ему такой удар. Тем более, Тальина запротестовала, когда Лейсандра заговорила об убийстве. Может, эта женщина еще не потеряна? Может, есть шанс доказать ей, что Мари сделает Луисцара счастливым?

— Нэимом и Лейсандрой? — он чуть улыбнулся. — Мари, ты в порядке? Тебе точно не показалось?

— Не знаю, — выдавила она. — У меня было видение. Я вспомнила родителей и проснулась в слезах. Может, я еще сплю?

— Дорогая моя, — Луисцар погладил ее по щеке. — Я рядом.

Она прикрыла веки и, отдышавшись, прошептала:

— Ты побудешь со мной, Луис?

— Конечно.

Он скрывал от нее подробности обвинения Шеймаса, и Мари тоже решила оставить за собой один секрет. Сначала она все-таки расспросит обо всем флиомов, а потом обдумает, как действовать дальше. Во всяком случае, пока она будет держать Луисцара подальше от смертельно-опасных интриг его матери.

Глава 10. Ночь огня и страсти

Луисцар проводил Мари в комнату, налил ей стакан воды и ушел, пообещав скоро вернуться. Она немного успокоилась, а когда он вновь появился в ее покоях, и вовсе позабыла о Тальине и ее подельниках. Луисцар принес поднос с вином и фруктами и, поставив его на кровать, где полулежа сидела Мари, взял в руки вазочку с крупной ярко-красной ягодой — что-то между клубникой и малиной. Ягода была посыпана сахарной пудрой и выглядела очень аппетитно.

— Я проголодался. А ты? — Луисцар сел и хитро посмотрел на Мари, уже облизывающуюся при виде угощений.

В комнате резвился легкий ветер, приносящий волшебный аромат с кукурузных полей. Позолота мерцала в последних лучах, утопающих в бездонной синеве надвигающейся ночи. Озорные тени играли на лице Луисцара, делая его еще загадочней и притягательней.

Он двумя пальцами взял одну сочную ягоду за плодоножку и протянул Мари. Медля, будто боясь спугнуть столь очаровательного ухажера, она подалась вперед и с благоговейной осторожностью захватила ягоду зубами. Надкусив ее, Мари оставила половину Луисцару, которую он тут же с удовольствием запустив в свой рот. Откинув плодоножку на поднос, он заулыбался:

— Неплохой в этом году урожай.

Неспешно жуя, Мари наблюдала за ним и чувствовала, как он волнуется рядом с ней. Луисцар налил вина в два бокала и подал один ей.

— Некрепкое, — уточнил он.

Мари сделала пару глотков и вернула бокал на поднос. Луисцар же двумя глотками не напился и осушил посудину до дна. Не успел он потянуться за второй ягодой, как Мари ногой сдвинула поднос на край кровати и, смотря Луисцару прямо в глаза, скинула его на пол. Кое-что разбилось со свойственным стеклянным звуком, вино разлилось по ковру, а круглые фрукты покатались в разные стороны. Не позволив Луисцару опомниться, Мари забралась к нему на колени и набросилась на него с бесконечно диким желанием. Он хотел этого, но выполнял данное обещание и не давил на Мари. Однако в свете последних

событий она осмелилась вывести их отношения на новый уровень.

Подчинившись ее легкому нажиму на его пах, Луисцар выронил из рук пустой бокал и вазу с клубникой и, жадно прильнул к ней с яростным и настойчивым поцелуем.

— Мари, — прошептал он ей в губы, а потом стал покрывать обжигающими поцелуями ее шею и плечи, стягивая лямки ее платья.

Мари намеренно раскачивалась на нем, стремительно приводя главное орудие страсти в боевое состояние. А когда в ее промежность уперся железный ствол, издала глухой стон. Их тела запылали жаром, бурное дыхание стало эхом разноситься по комнате и вырываться в открытые двери балкона.

Луисцар повалил Мари на кровать и на мгновение навис над ней. На ее лице играла томная улыбка, которой ему хватило в качестве ее положительного ответа. Он вновь припал к ее губам с более голодным поцелуем. Их языки заплясали в диком танце, руки изучали тела, забираясь пальцами под одежду, давя и царапая кожу.

Мари не стала долго возиться с рубашкой Луисцара, а просто распахнула ее и лишь услышала тихий звон рассыпавшихся по полу пуговиц. Он поднял ее и снова усадил на себя. Опьяненная возбуждением Мари стянула с его плеч рубашку и, оставив губы, стала покусывать его шею, спускаясь ниже и наслаждаясь запахом и вкусом его сильного тела.

Не в силах больше терпеть, Луисцар задрал ее платье и ловко снял его через ее голову. Платье упало на пол вслед за его рубашкой, а разноцветные, мерцающие волосы Мари гладким шелком рассыпались по ее плечам. Секунду он смотрел на нее как замороженный, а потом занес руку за ее спину и одним легким движением расстегнул застёжку бюстгальтера. Перед его взором обнажилась ее упругая грудь. Мари закусила губу, а когда вновь спиной утонула в мягкости постели, влажный язык Луисцара заскользил по ее бархатной коже, словно мягкая кисть, которую обмакнули в сироп. Он ласкал каждый дюйм ее тела. А поймав твердый ярко-розовый сосок на упругом бугорке, стал посасывать и смаковать его, словно дикую земляничку, только что сорванную с куста — сочную и сладкую, намного слаще той ягоды, что они испробовали перед вином.

Запустив руку в ее трусики, Луисцар стал массировать заветную горошину, и едва она набухла, он легонько сжал ее двумя пальцами.

Мари бросило в жар. Бешеный оргазм накрыл ее волной. Канув в бездну с бесчисленными звездами, окружившими ее, она вскрикнула и выгнулась. Ее затрясло, и рука Луисцара покинула эпицентр полыхнувшего пожара.

Сбивчиво дыша, он приподнялся над дрожащей Мари и с победной улыбкой прошептал:

— Извини. Я не знал, что ты так голодна.

Луисцар поднес шаловливые пальцы к своим губам и, не отрывая озабоченного взгляда от горевшего лица Мари, облизнул их.

— Ты до головокружения вкусная, — так же шепотом добавил он и, не дав ей ни минуты на перерыв, юркнул вниз.

Мари даже шевельнуться не успела, как Луисцар стянул с нее трусики, согнул ее ноги в коленях и закинул их за свою спину.

— Луис, — лишь смогла вымолвить она, как его язык описал овал вокруг ее складочек. — О-о-о!!! — простонала она, закатив глаза, перед которыми все еще кружили хороводы звезд.

Луисцар не остановился и даже не замедлился. Обхватив ее бедра руками, он, наоборот, усилил нажим и ускорился, доводя Мари до второго оргазма. Вылизывая и посасывая ее до предела раскрывшийся бутон, он играючи проникал языком в узкую щелку, объятую необузданным огнем, и довольствовался стонами и хрипами Мари. Она была готова поклясться, что он улыбался, с аппетитом наслаждаясь ее соками. Она уже изнемогала, когда Луисцар пальцем проник в нее, но нашла силы задвигать бедрами, давая понять, что ей это нравится.

Когда она забилась в конвульсиях второй раз, а в ее крови застучали барабаны, Луисцар дал ей немного времени на отдых, но не отлипал от нее ни на миг. Он вернулся к губам Мари и очередным поцелуем разделил с ней ее восхитительный вкус.

Так и не отдышавшись и медленно сходя с ума, Мари завозилась с ремнем его брюк. Ей хотелось, чтобы он немедленно заполнил ее, будто от этого зависела ее жизнь. Луисцар помог ей и, скинув брюки и плавки на пол, опустился на Мари. Целуя ее, он головкой члена провел вверх-вниз по ее жаждущему лону, смешивая их смазки, а потом приподнял лицо и, вглядываясь в ее осоловелые глаза, медленно вошел в нее. Задержав дыхание, Мари приоткрыла рот, чем дала понять, что слегка напугана. Дело было не в самом акте любви: она давно не девственница! И не во внушительном размере члена! Скорее, Мари побоялась, что не

выдержит третьего оргазма подряд. Ее бывшие любовники и до одного-то ее доводили крайне редко, поэтому догонялась она обычно в ванной, когда те уже вовсю храпели. Но Мари разрывало от желания, и она снова расслабилась, полностью доверившись Луисцару.

Сначала он двигался дразняще медленно, продолжая целовать Мари и исследовать изгибы ее тела ладонью. Потом, когда она пустилась навстречу, он стал ускорять темп и резкими рывками входить в Мари все глубже. Наслаждаясь каждым мгновением их близости, они избавлялись от мучительной, свинцовой тяжести, забыв обо всем.

Неукротимо, ненасытно, необузданно Луисцар входил в нее все быстрее и быстрее. Их горячие, липкие от пота тела воссоединились в нечто нерушимое, что отныне не сможет разделить даже Вселенная. И это насыщало их обоих беспредельным счастьем.

Прорывав сквозь стиснутые зубы, Луисцар в последний раз вонзился в Мари и повалился на нее. Его член запульсировал в ней, и она поздно опомнилась, что они не предохранялись. Однако у Мари не было паники. Впервые у нее был секс с мужчиной, от которого она с радостью родит!

— Я люблю тебя, Мари, — прошептал Луисцар и сполз с нее.

Улегшись рядом, он еще раз поцеловал ее и прижал к себе.

Ей не мешало бы признаться в ответных чувствах, но Мари опять чего-то испугалась. Приподняв голову, она взглянула в довольное лицо Луисцара. Он улыбался. Переведя дыхание, Мари одарила его нежным поцелуем и произнесла:

— Я в душ.

Луисцар не изъявил желания в совместных водных процедурах, но Мари не расстроилась. Он и без того утомил ее.

Когда она, помывшись, возвратилась в комнату, Луисцар крепко спал. Его бедра прикрывала тонкая белая простыня, подчеркивающая смуглость его кожи. Его освещало тусклое сияние засветившего в ночи звездного неба. Мари улыбнулась и подумала, как жаль, что этим мужчиной она не может похвастаться перед завистливыми подругами! Погладив Луисцара по волосам и поцеловав его в висок, она, не теряя времени, бесшумно оделась и на цыпочках покинула комнату. Пошатываясь от бессилия, Мари отправилась на поиски флиомов.

Глава 11. Тайна

В коридорах дворца звенела тишина. Мари понадобился бы месяц, чтобы обойти их все, а флиомы были нужны ей срочно. Поэтому она взяла курс во внутренний дворик, где наверняка должны быть часовые стражники. Она не ошиблась. Выпытав у тех, где можно найти кого-нибудь из прислуги, Мари получила предложение проводить ее до кухни. Там по ночам трудились повара, занимаясь заготовками на новый день. Поблагодарив стражу, она попросила у слуг какой-нибудь легкий салат и сок. Мари действительно была голодна, так что это не было обманом.

— Мы принесем все в ваши покои.

— Не волнуйтесь, я покушаю здесь.

Мари села за длинный овальный стол и вскоре стала поглощать свежий овощной салат. Как можно медленней жуя, она рассматривала шкафы, технику и посуду на огромной кухне и вела с поварами непринужденный разговор о здешних блюдах, их особенностях и предпочтениях королевских особ. Мари заметила, что она нравится прислуге. При ней придворные опреты не робели и общались очень любезно. Незаметно для них Мари подвела беседу к вопросу о флиомах. Сначала узнала, что любят на обед Стон и Блин, а потом — где находятся их комнаты. Получив нужную для себя информацию, Мари мысленно поблагодарила своего шефа за то, что когда-то он научил ее хитростям в ведении переговоров.

— Что ж, было очень вкусно, — улыбнулась она, вытирая губы салфеткой. — Большое спасибо! Пожалуй, я пойду к себе. — Мари зевнула и встала из-за стола.

— Спокойной ночи, госпожа! — ответили ей.

Она кивнула и покинула кухню. С трудом ориентируясь в лабиринтных переплетениях коридоров, Мари все же заблудилась и столкнулась с Нэимом. При виде темнокожего зроу, сотрудника Ордена и лучшего друга Тальины, она на секунду растерялась. Мари отчетливо помнила подслушанный разговор и понимала, что от троицы ее недругов следует держаться подальше.

— Не спится? — поинтересовался Нэим, в ночном полумраке

сверкнув светло-серыми глазищами.

— Я ужинала, — ответила Мари, остановившись в нескольких шагах от него.

— Я тоже проголодался. Как ты себя чувствуешь, Мариэль?

— Отлично.

Смотря на него очередной раз, Мари вновь показалось, что они встречались раньше. Она будто знала этот расчетливый взгляд, надменность в голосе.

— Ты что-нибудь вспомнила? — любопытствовал он, сделав шаг навстречу.

Она решила не скрывать правду. Если за ней следят даже стены, то Нэим уже знает о том, кого она вспомнила. Ее ложь может послужить мотивом для ее обвинения в измене.

— Родителей.

— Хорошо, — ответил Нэим и, обойдя ее, пошел дальше. — Кстати, через правое крыло ты быстрее попадешь к себе.

Мари с облегчением выдохнула, когда стих звук его удаляющихся шагов. Сориентировавшись, она просчитала, куда идти, и поспешила подальше от Нэйма. Найдя нужную дверь на нужном этаже нужной башни, Мари без промедления постучалась, а когда Стон открыл ее, вошла, не дожидаясь приглашения.

— Эй, ты борзянки объелась? — возмутился флиом.

Блин, сев на единственной кровати, поправил сползшую набок шапочку с помпоном.

— Вы что, спите в одной постели? — удивилась Мари. — Хотя не отвечайте! — помахала она рукой. — Не уверена, что я хочу это знать.

— Че за дела? — всплеснул руками Стон, закрыв дверь.

— Мне надо поговорить с вами!

— Когда мы хотели поговорить с тобой, ты выставила нас вон!

— Вас интересовал цвет волос на моем лобке, а меня интересует наше с вами будущее! — Мари скрестила руки на груди и села на свободную софу. — Что будет с вами, если вдруг меня отправят в Трейс?

Стон и Блин переглянулись. Стон дошел до кровати и, тоже сев, заболтал ногами.

— Скорее всего, нас никогда не восстановят в должности, — пожал плечами Блин. — А разве у Совета есть причины приговорить тебя к

ссылке?

— Нет. Конечно нет. — Мари обвела комнату взглядом и спросила: — Я уважаю Совет. А вы?

Блин спрыгнул на пол, доплелся до тумбочки, выдвинул ящик и вынул из него лазерную ручку-фонарик. Включив ее, он осветил несколько мест на углах и стенах комнаты, и Мари увидела мелкие замигающие лампочки. Жучки, догадалась она.

— Мы тоже уважаем Совет, — ответил он. — Верим в его справедливость.

— Я зря паникую, — с наигранным волнением произнесла Мари. — Просто столько всего навалилось. Похоже, я боюсь.

— Тебе надо развеяться, — сказал Стон. — Не хочешь полетать на свейхе над кукурузными полями?

— О, прекрасная идея! Встретимся после завтрака?

— Ага, как будто император Луисцар тебя отпустит. Мы все равно уже не уснем. Поэтому если хочешь, можем полетать сейчас.

— Сейчас? Ну хорошо. Мне тоже не спится. — Мари с трудом подавила зевок, но была согласна на все, лишь бы остаться с флиомами наедине там, где их никто не будет подслушивать.

Не переодеваясь, Стон и Блин обулись в комнатные тапки и вышли из комнаты. Мари пошла за ними. Во внутреннем дворике они активировали свой свейх и помогли ей сесть.

— Можешь не пристегиваться.

Флиомы завели машину, и она, оторвавшись от земли, взмыла над дворцом.

— Ты же не серьезно про уважение к Совету? — через плечо спросил Стон. — Они готовы раздавить нас за то, что мы нашли единственную хранительницу памяти палал. В голове не укладывается.

Блин осветил салон тем же лазером и оповестил:

— Чисто.

Флиомы включили автопилот и развернули свои кресла к Мари.

— Почему они тебя боятся? — прямо спросил Стон.

— Что? — опешила Мари. — Боятся? Кто?

— Нэим, Тальина. С Лейсандрой-то понятно. Ты у нее мужика увела.

— Я не знала, что они меня боятся. Вообще-то я хотела спросить у вас о Шеймасае. Давно вы служите у опретов? Знали ли Шеймасае?

— Давно, — кивнул Блин. — Жалко его. Он должен был стать императором Опретауна.

— В чем его обвинили? — Мари не терпелось все узнать.

— В измене. Совет не афиширует подробности судебных приговоров, — сообщил Стон. — Об этом знают только близкие родные осужденного. То есть Тальина и Луисцар. Возможно, Нэим и Лейсандра тоже в курсе. Но только это ничего не меняет. Все началось, когда умер старый император — отец Шеймаса и Луисцара. Говорят, перед смертью он поведал старшему сыну какую-то тайну. А тот накануне своей коронации отправился в Орден. Мы не помним, чтобы Шеймас вел себя странно...

— Вернее, страннее обычного, — подметил Блин. — Станным он был всегда.

— Да, точно. Шеймас выделялся среди остальных, — Стон выдержал недолгую паузу. — Он хотел что-то сделать: либо что-то предотвратить, либо поставить в чем-то точку. Мы до конца не уверены. Но вместо этого он отправился в Трейс. В то время, когда мы собрались на коронации Шеймаса, на престол взошел Луисцар.

— Шеймас так и не вернулся из Междумирья? — нахмурилась Мари.

— Не-а. Сразу в Трейс. Совет не церемонится с аглами.

— Ничего не понимаю. Луис говорит, что Шеймас предал Тальину.

— Вполне возможно. Они ненавидели друг друга, — промолвил Блин.

— Мать и сын?

— Тальина ему не мать, — ответил Стон. — Неужели император даже этого тебе не рассказал? — Флиомы переглянулись, словно обменялись мнением. — Мать Шеймаса умерла при родах.

— Ничего себе, — выдохнула Мари. — Почему они скрывают это от меня?

— Не спрашивай нас. Мы в Трейс не хотим. Может, император Луисцар со временем тебе все расскажет. Ты доверься ему. Он любит тебя. И он боится тебя потерять.

— Как он может меня потерять, если мы запечатлены?

— Кхм... Мариэль, тебе не кажется странным, что на протяжении тридцати лет со дня гибели Палалии делом о вашей расе занимался один и тот же сотрудник Ордена? Нэим. Он был ответственен за

расследование и твои поиски. А сейчас, когда ты нашлась, он не особенно рад. Даже нас разжаловал.

— Хотите сказать, Нэим всегда знал, где я? — От шока у Мари кольнуло в груди.

— Мы ничего не хотим сказать, — осторожно добавил Стон. — Ты затеяла опасную игру. Лучше послушай совета Нэима и отрекись от памяти своей расы. Иначе они обернут это против тебя. Не заметишь, как окажешься в Трейсе.

— Луис не позволит, — прошептала Мари.

— Луисцар — марионетка. Думаешь, он верит в вину брата? Они дружили. Шеймас всегда заботился о Луисцаре. Он любил его. Но между ними стоит Тальина. А Тальина — это целая пропасть.

— Не думаю, что мое отречение от памяти расы остановит их, — обреченно вымолвила Мари. — Ненавижу, когда мной манипулируют.

— Тогда хотя бы перестань копаться в тайнах. Они пережуют тебя и выплюнут, — добавил Стон. — Вам с Луисцаром поможет только Вселенная.

Мари потупила взор под ноги, глубоко вздохнула и произнесла:

— Смерть или изгнание. Луис защитит меня от смерти. А если меня изгонят, пойдет следом. Он не бросит меня.

— Уверена? Мариэль, страшно не само изгнание. В Трейсе можно жить. Хуже то, что там есть палал.

— Верно! — взбодрилась она. — Среди аглов наверняка есть представители моей расы!

— Рано радуешься, — сказал Стон. — Потом поймешь, почему. — Он вернул кресла в исходное положение, и они с Блином развернули свейх.

— Вы не договорили! — требовательно повысила голос Мари.

— Мы сказали ровно столько, сколько нужно сейчас. Теперь тебе решать, как быть дальше.

— У меня в голове каша!

— Не хочешь, чтобы твоя кастрюля взорвалась, стань тише воды и ниже травы.

Вскоре они вернулись во двор. Приземлившись, Мари уже спокойнее спросила:

— Что я вам должна за это? Уточню сразу, отвечать, какого цвета у меня мохнатка, я не буду.

Флиомы засмеялись.

— Сделаешь нам лазанью? — спросил Стон.

Она улыбнулась и кивнула, после чего они разошлись по своим комнатам.

Луисцар по-прежнему спал. Похоже, он ни разу не пошевелился, пока не было Мари. Она сняла платье и босоножки и залезла в постель. Прижавшись поближе к любимому, она обняла его и с горечью признала, что вступила в дуэль с опасными врагами. Они надрессировали Луисцара и дергали за веревочки, а ей предстояло их оборвать. Но как?

За всю ночь Мари так и не сомкнула глаз, размышляя, как быть и что делать. А едва с первыми лучами солнца проснувшийся Луисцар одарил ее улыбкой и пожеланием доброго утра, она заявила:

— Давай отправимся в путешествие?

Глава 12. Решение Совета

Луисцару идея избавиться от общества Лейсандры пришлась по душе. А вот Тальина, услышав о желании сына и его невесты отправиться в путешествие по Опретауну, вознегодовала. Во дворце сразу нашлись неотложные дела, требующие немедленного вмешательства императорских особ, а Нэим с подачи своей подруги запретил Мари уединяться, пока не восстановится память ее расы.

— Со мной будет Луис, — напомнила она, когда все собрались за завтраком. — Он поможет мне.

— Все равно это рискованно, — настаивал зроу.

— Если мне станет плохо, мы вернемся домой, — ответила Мари и заметила, как перекорежило Тальину от того, что она назвала дворец своим домом.

Взбешенная Лейсандра молча хлебала вино, без передышки подставляя опустошенный бокал служанке с большим кувшином в руках.

— Мы только что нашли друг друга, — произнес Луисцар, положив ладонь на руку сидящей рядом Мари, и посмотрел на нее с безграничной любовью. — И хотели бы побыть наедине.

— Во дворце много комнат, — фыркнула Тальина. — Зачем уезжать?

— Я хочу показать Мари владения Опретауна, чтобы она знала, императрицей какого мира вскоре станет.

От его слов скривилась вся троица. Мари поняла, что их не оставят в покое даже в путешествии, поэтому осмелилась подсластить их «отпрашивание» небольшой ложью:

— Я подумала насчет вашего предложения, Нэим. Пожалуй, вы правы. Память моей расы уже никого не спасет. Если позволите нам с Луисом недельный отпуск, по возвращении я дам согласие на блокировку памяти палал.

Лейсандра поперхнулась вином и закашлялась, из ослабшей руки Тальины в тарелку выпала вилка с салатом, Нэим замер, пронзительно взглянув на Мари. Он пытался прочесть ее, уловить фальшь, обман, блеф, хоть что-то.

— Я знал, что ты умная, — наконец улыбнулся он. — Счастливого отдыха!

Мари представила себе, как будет визжать и скандалить Лейсандра, когда они с Луиссаром покинут императорскую резиденцию, а Тальина в отчаянной попытке будет ее успокаивать и говорить, как все хорошо складывается, ведь Мари стала плясать под их дудку. Она едва не рассмеялась над их наивностью.

— Ты хорошо подумала? — удивился Луиссар.

— Мне важен ты, Луис, — ответила она, мысленно молясь, чтобы за эту неделю память расы восстановилась.

— Ладно, — пискнула Тальина, в глазах которой мелькнул радостный огонек. — Неделя пролетит быстро...

...И неделя пролетела быстро!

Благодаря телепортационной капсуле Мари и Луиссар побывали в горах и на море, провели два дня на необитаемом острове, посетили самый большой в Опретауне музей, не пропустили маскарадный карнавал и праздник Семи, когда опреты устраивают пышное торжество в самый длинный день в году и наблюдают потрясающее зрелище — парад семи спутников Опретауна. Мари испробовала сотни блюд и напитков, видела десятки невиданных зверей, подверглась укусу местного паука и полдня не чувствовала онемевшую ногу, пока та не излечилась через браслет. Луиссар прыгал вокруг нее словно на горячих углях. Он знал, что укус не смертельный, но все равно паниковал и даже уговаривал Мари вернуться во дворец.

— Никакой паук не помешает нашему с тобой уединению, — с улыбкой промурлыкала Мари, целуя взволнованного жениха.

Вечера они проводили у камина или костра, любуясь танцующими языками пламени, слушая треск хвороста и звуки природы, вдыхая аппетитный дымный запах, а ночи посвящали друг другу, занимаясь любовью до самого рассвета. Луиссар всегда был мил и романтичен. Раньше Мари не верила в существование таких мужчин, а теперь радовалась, что ошиблась. Несмотря на то, что ей приходилось привыкать к нему и иногда тормозить его, она была счастлива. Больше никакой ипотеки, никакой нервотрепки на работе, никаких забот о будущей пенсии. Луиссар положил у ее ног целый мир, и Мари стала понимать, почему так разозлилась Лейсандра. Она вовсе не любила Луиссара. Она хотела богатство и власть, упавшие с неба. Вернее,

сброшенные Тальиной. Луисцар заслуживал лучшего. Пусть он был скучен, сдержан и порой странноват, но у него было доброе, чистое сердце.

Каждый день в памяти Мари всплывали новые воспоминания расы. Она видела людей с разноцветными светящимися волосами — палал: те, кого она запомнила, будучи малышкой. Она все чаще слышала голоса родителей и даже ощущала их запах. Она погружалась в радужный мир, где царила гармония и любовь. Но вместе с этим периодически Мари испытывала жгучую боль, видела огонь и слышала крики, мольбу о помощи. Однажды во сне она едва не задохнулась от едкого запаха гари. Успокоивший ее Луисцар до утра не сомкнул глаз, охраняя ее сон и все время глядя ее по голове. Наутро она вознаградила его жарким сексом, медленно перетекшим в обед и ужин.

— Луис, — заговорила Мари, спиной прижимаясь к его обнаженной груди и глядя на полыхающий камин, — Нэим общался с палал?

— Не знаю. Все может быть. Он же сотрудник Ордена. А почему ты спрашиваешь?

— Мне кажется, я видела его раньше.

— Тебя это беспокоит? — спросил Луисцар, прижимая ее к себе.

Она пожала плечами, теряясь в однозначности ответа.

— Мне не нравится затея с блоком памяти расы. Ведь это мое наследие. Что я буду говорить детям, когда они спросят о своей крови? Что я струсил?

— Что ты посвятила себя семье, — улыбнулся Луисцар и поцеловал ее в шею.

— Щекотно, — хихикнула Мари и, развернувшись, забралась к нему на колени. — Ты никогда не стригся? — Она запустила пальцы в волосы на его затылке.

— У опретов это как-то не принято, — смутился Луисцар. — А что? Не нравится?

Мари засмеялась:

— Луис, я заранее извиняюсь за то, что сейчас скажу. У тебя классные волосы. Опреты могут ими похвастать. Но у меня всегда было специфическое отношение к парням с длинными волосами. Я обходила их стороной.

— Почему?

— Ну-у-у... У меня они ассоциировались с рок-н-рольщиками, хиппи, геями, наркоманами.

Луисцар застыл и, едва шевеля губами, промолвил:

— Я натурал и не наркоман.

— Отлично! Осталось проверить тебя по первым двум критериям.

Луисцар не шевельнулся, будто его заморозили.

— Эй, ну ты чего! — Мари чуть толкнула его в плечо. — Я же шучу! Я люблю тебя таким, какой ты есть. — Она прильнула к его губам, и он начал расслабляться.

Появившиеся словно из-под земли флиомы заставили полуголую Мари взвизгнуть и прикрыться простыней.

— Вы офигели?! — возмутилась она.

Блин и Стон отключили свои капсулы и переглянулись.

— Император Луисцар, — хрипло обратился Стон, протягивая ему небольшой свиток. — У нас для вас новости из Ордена. Совет принял решение о вашей с Мариэль свадьбе.

Он взял свиток и, поднявшись на ноги, спешно развернул его.

— Ну? Что там? — не терпелось Мари. — На какое число они назначили церемонию? Мы успеем с приготовлениями?

Луисцар вмиг побледнел. Опустив свиток, он безрадостно взглянул на Мари, отчего улыбка сошла с ее лица.

— Совет отказал нам в браке, — дрогнувшим голосом сообщил он.

Флиомы, не задерживаясь, телепортировались обратно, а Мари медленно встала и выпрямилась перед Луисцаром, по-прежнему прикрываясь простыней.

— То есть? — переспросила она, нахмурившись. — На каком основании?

— В качестве гарантии предотвращения потенциальной угрозы измены от полукровок опретов и палал.

— С чего они взяли, что наши дети обязательно будут изменниками? — поразила Мари. — Это идиотизм!

— Мари, тише! — попросил ее Луисцар, испугавшись ее громкого заявления.

— Не закрывай мне рот! — Она развернулась, подобрала с пола свою одежду и принялась торопливо одеваться. — Совет обрекает нас на одиночество из-за того, что, возможно, никогда не случится! Дети — это отражение родителей. Как они могут стать преступниками, если мы

будем прививать им законопослушный образ жизни?

— Мари...

— Нет, дай мне сказать! Неужели ты согласен с их решением? Это же нелепо, Луис! Какой болван его принял?

Глаза Луисцара округлились.

— О какой справедливости Совета может идти речь, когда он просто всеми манипулирует? — добавила Мари. — Сначала меня подтолкнули отказаться от памяти расы, навешав мне на уши лапшу про суицидника из Ордена, продавшего аглам бомбу мирового масштаба! А теперь мне запретили выходить за того, с кем меня запечатлела Вселенная? За того, кого я люблю больше жизни?

— Мари, ты подписываешь себе приговор, — прошептал Луисцар.

— Чем? Тем, что говорю правду? Я начинаю подозревать, что Орден замешан в уничтожении моей расы. И чтобы окончательно смести нас с лица Вселенной, меня хотят оставить без детей! — Не успел Луисцар ответить, как Мари заявила: — Мы возвращаемся!

Тяжело вздохнув, он накинул рубашку, активировал капсулу, и через минуту они телепортировались в приемный зал в императорской резиденции. Их уже ждали флиомы и вся вражеская троица, плотоядно глядящая на Мари.

— С возвращением! — осклабился Нэим. — Как вовремя. Я только что получил уведомление из Междумирья. Совет вызывает вас на слушание.

— Зачем? — осторожно спросил Луисцар, держа Мари за руку и боясь самого страшного.

Зроу улыбнулся еще шире:

— Мариэль обвиняют в измене против Ордена.

Глава 13. Полукровка

В этот раз Мари не наряжалась для членов Совета, а Луисцар не брал с собой бластер. За те недолгие мгновенья, что они телепортировались в Междумирье, он с мольбой в глазах просил Мари следить за речью и покориться Ордену. Но внутри нее все протестовало.

— Луис, они хотят разлучить нас.

— Мы что-нибудь придумаем, — он сказал это с присущей ему сухостью, больше похожей на отговорку.

— Мы могли бы сбежать. Например, на Землю. Я знаю тамошний уклад жизни...

Они переместились в приемную Ордена, и Мари умолкла под самодовольными взглядами Тальины и Нэима, прибывших сюда в другой капсуле.

— Мне очень жаль, — с притворной грустью сказала несостоявшая свекровь. — Уверена, это какая-то ошибка.

— Мама, — одернул ее Луисцар. — Тебе не жаль. Хватит кривляться.

Тальина сжала губы и пронзила Мари колючим взглядом.

Крокодилообразные громилы осмотрели их на наличие оружия и пропустили в зал заседаний. Идя к злосчастному ромбу, Мари смотрела на членов Совета со злостью и желанием послать их в пешее эротическое путешествие. А когда они заговорили, она демонстративно скрестила руки на груди и сжала губы, чтобы не ляпнуть какую-нибудь грубость.

Нэим и Тальина остановились где-то позади, а Луисцар занял соседний ромб в нескольких метрах от Мари. И она чувствовала, что он не сводит с нее обеспокоенного взгляда.

Члены Совета дали всем прослушать записанные обвинения Мари в их адрес, а потом выдвинули обвинение:

— Итак, основываясь на предоставленных информационным отделом фактах измены, мы обязаны задать вам, Мариэль из Палалии, несколько вопросов. Признаете ли вы, что данные обвинения имели место?

— Признаю, — буркнула она, исподлобья косясь на

допрашивающего.

— Вы считаете, что Совет подошел к принятию решения некомпетентно?

— Да.

— Обоснуйте.

— Вы не имеете права обвинять наших будущих детей в потенциальной измене против рас!

— Мари, — шепнул Луисцар, но она проигнорировала его.

— Вы считаете, что Совет поступил с вами несправедливо? — задали ей следующий вопрос.

Мари чуть не задохнулась от негодования.

— Конечно! Мы с Луисом запечатлены и любим друг друга! Что это за справедливость такая, из-за которой мы должны быть обречены на одиночество?!

— Тогда мы обязаны задать вам последний вопрос. Принимаете ли вы решение Совета о запрете на ваш брак с Луисцаром из Опретауна?

— Нет, не принимаю! — заявила Мари.

Члены Совета пошушукались и переключились на Луисцара, плечи которого отчаянно опустились.

— Луисцар, принимаете ли вы решение Совета о запрете на ваш брак с Мариэль из Палалии?

Мари замерла в предвкушении вопля Тальины, когда ее единственный сын ответит, что не бросит свою невесту, и они вместе будут сосланы в Трейс. Но Луисцар медлил, приковывая к себе всеобщее внимание. А потом и вовсе ответил:

— Да, принимаю.

— Что? — сипло выдохнула Мари, ощутив боль предательства, от которой у нее вмиг закружилась голова.

Луисцар не смотрел на нее, когда громче и внятнее повторял:

— Да, я принимаю решение справедливого Совета!

— Луис, — произнесла Мари, чувствуя, как от наступающих слез щиплет ее глаза.

— Мариэль, — снова обратились к ней, — ваш жених отрекся от вас. Вы по-прежнему настаиваете на своем мнении относительно нашего бесстрастного решения?

В ее голове все смешалось, мысли сбились в ком. Последняя неделя была самой счастливой в ее жизни. Она была любимой и желанной. Или

ей казалось, что была, а на самом деле это лишь зыбкая иллюзия. Луисцар не был похож на подонка, пользующегося женщинами. Поэтому Мари никак не могла поверить в услышанное. Он только что отказался от нее!

— Мариэль!

Она оторвала взгляд от Луисцара и взглянула на обратившегося члена Совета.

— Да, — горько ответила она. — Я не возьму свои слова обратно.

— Мы вынуждены признать вас виновной в разжигании ненависти к Совету, в связи с чем вы представляете угрозу для всего общества развитых рас. Вам назначено наказание в виде ссылки в Трейс на пожизненный срок! Вы будете взяты под стражу в зале заседания и немедленно телепортированы в Трейс.

Двери распахнулись, и к Мари направились двое крокодилообразных приставов. Она сглотнула застрявший в горле ком и посмотрела на Луисцара. Он наконец поднял лицо. В его глазах блестела влага, а губы беззвучно шептали: «Я вытащу тебя, Мари. Я люблю тебя. Люблю».

Не дав волю чувствам, чтобы лишний раз не радовать Тальину и Нэима, все-таки сдержавшего слово и избавившего подругу от мозоли в облике Мари, она позволила отвести себя в соседнее помещение с установленным телепортационным каналом в центре. Ей даже не позволили попрощаться, не дали право на последнее слово. И эти садисты смеют называть себя развитыми!

Мари вручили небольшую коробку и приказали встать на подъемник.

— Эй, — дрогнувшим голосом вымолвила она, обратив на себя внимание приставов, механически выполняющих работу, — есть совет напоследок?

Те переглянулись.

— Выживай, — ответил один из них и, проведя манипуляции на сенсорной панели, опустил прозрачные стенки.

Мари оказалась в подобию стеклянной трубы, а услышав над головой металлический вой, напоминающий шум огромного вентилятора, прижала коробку к груди и зажмурилась. Она надеялась, что вот-вот в комнату ворвется Луисцар, ткнет в нос приставам бумажкой и скажет, что Мари свободна, или хотя бы просто

перестреляет их и поможет ей сбежать. Но ничего подобного не произошло. Вместо этого все вокруг растворилось в перламутровой дымке, и спустя полминуты Мари оказалась в тесной, затхлой комнате, где ее встретила троица незнакомцев. Они тоже были разных рас и имели свои отличительные физические особенности.

— Ха, мужики, вы мне проспорили! — хохотнул один. — Я же сказал, первой сегодня будет баба!

Не успела Мари оглядеться, как другой схватил ее за руку и грубо выволок из местной капсулы. Выставив перед ней пластину, он приказал:

— Приложи ладонь!

Мари догадалась, что им нужна ладонь с ее генным знаком, и, переложив коробку под мышку, повиновалась. Сканер снял отпечаток ее руки, и троица дежурных столпилась перед экраном.

— О-о-о! Палал! Разве вы не вымерли?

Мари не ответила, ежась и озираясь по сторонам. В углах комнаты колыхалась старая паутина, стены были покрыты грибком, по прогнившему полу ползали насекомые.

— Осуждена за измену, — зачитали парни. — Что натворила?

— Назвала членов Совета идиотами, — ответила Мари.

— Да ты не бойся нас. Разбойников и дезертиров мы держим в клетках. А тебе здесь дарована свобода. Мы все изменники.

Для Мари выбили жетон.

— Держи. В конце улицы найдешь пансион Вейца. Он даст тебе приют и работу. Если, конечно, не собираешься примкнуть к своим.

— К своим? — недопоняла Мари.

— Ну, к палал.

— Здесь есть палал?

— Один. Полукровка. Живет в замке у западного склона горы Жопы.

— Гора Жопы, — Мари повела бровями. — Звучит бесперспективно. Послала туда Лейсандру, а посыл вернулся бумерангом.

— Аэробус отходит туда через десять минут. Ты успеваешь. Только жетон всегда держи при себе. Он доказывает твою невиновность.

Мари вспомнила о том, что Тальина и флиомы говорили о Трейсе. Здесь своя система власти и вполне можно жить. Парни, встретившие

Мари, конечно, выглядели неважно — грязные, дурно пахнущие, какие-то потрепанные, зато дружелюбные.

— Погодите, мне тут что-то дали, — Мари вскрыла коробку и заглянула внутрь. Сухой паек, полотенце, кусок мыла и несколько монет — все, чем снабдили ее в ссылке. С такой поддержкой здесь действительно можно только выживать. — Обнадеживающе, — проворчала она и, вытащив деньги, отдала коробку парням. — Надеюсь, мой брат-палал не даст мне умереть с голоду.

— Остановка на другой стороне улицы, — оповестили ее и, проводив до двери, напомнили: — Замок у западного склона Жопы. Скажешь водителю, он высадит тебя, где надо.

— Поняла, — кивнула Мари и вышла на улицу.

По глазам резко ударило яркое солнце. Кожу охватило огнем от духоты, в нос заполз песчаный жар. Переполненная разноцветная улица гудела голосами снующих туда-сюда трейсовцев. Здесь были мужчины, женщины, дети, старики — разного возраста и расы. Слева Мари увидела вибрирующий рынок, справа детскую площадку. В окнах многоэтажных домов колыхались занавески, под ногами путались мелкие зверьки. Мари разглядела остановку со знаком, изображающим летающий автобус, и успела подбежать туда как раз к приземлению ржавого аэробуса. Она вошла четвертой и последней. В салоне уже сидело не меньше десятка разморенных солнцепеком пассажиров, но для Мари сыскалось свободное место. Она заплатила водителю по тарифу, оставшиеся монеты сжала в кулаке и, попросив его высадить ее у того самого западного склона горы с нелепым названием, села.

Полет длился довольно долго. Частые остановки впускали и выпускали новых пассажиров, которые постоянно пялились на Мари. Она отличалась от остальных трейсовцев тем, что была одета в чистое дорогое платье, сверкала серьгами, кулоном на цепочке, кольцом и браслетом, болтала ногой в изящной туфельке и все еще была растеряна. Ее сердце болело от мысли о непростительном поступке Луисцара, но она не теряла надежду, что он сделал так ради нее. Оттуда ему будет легче помочь ей.

— Твоя остановка, палал! — окликнул ее водитель, когда от полета у Мари уже затекли руки и ноги.

— Спасибо, — поблагодарила она и вышла.

Аэробус поднялся в небо и полетел дальше, а Мари осталась

посреди пустыря в полном одиночестве. День клонился к вечеру. Последние солнечные лучи терялись среди крыш домов далекого поселка. А по другую сторону, шпилями вонзаясь в небо, возвышался жуткий замок. Мари поморщилась, представив, сколько летучих мышей там живет, и вспомнив, как сияет дворец Луисцара по сравнению с этим мрачным убожеством из темно-серого камня.

Обнаружив протоптанную тропу, Мари поглубже вздохнула и зашагала к замку. Покореженные ворота были распахнуты, поэтому она не стала дожидаться позволения войти. Тем более никакой кнопки звонка Мари не нашла. Поднявшись на захламленное крыльцо, она постучала по дубовой двери и затаила дыхание. Но ни после первого, ни после пятого раза ей никто не открыл. Поселок был слишком далеко. До ночи Мари могла туда не успеть, значит ей, так или иначе, придется заночевать тут. Набравшись смелости и наглости, она толкнула дверь, и та поддалась. Мари робко вошла в темный сырой холл и осмотрелась. Сплошная грязь, пыль, паутина и мусор. Она даже решила, что над ней подшутили. Тут явно никто не живет!

— Эй, тут есть кто?

«Тут есть кто?»

«Есть кто?»

«Кто?»

«О?»

Ей ответило лишь эхо. Мари не стала закрывать дверь и, прищуриваясь в полумраке, двинулась дальше. Дойдя до широкой изогнутой лестницы, она еще раз осмотрелась. На пыльном полу виднелись следы от мужских ботинок. Это взбодрило Мари, и она снова окликнула хозяина. Прислушавшись, она различила едва уловимую музыку и пошла на звук, доносящийся из переплетений коридоров первого этажа. Чем ближе к источнику звука Мари подходила, тем отчетливее его слышала, а потом увидела и полоску желтого света, падающую на пол.

Она приблизилась к приоткрытой двери и толкнула ее. В комнате, залитой светом тусклых лампочек, работающих с перебоями, Мари увидела крепкого мужчину, стоявшего к ней спиной. Это была мастерская. На стеллажах вдоль стен лежали железные инструменты и запчасти. Столы ломились от станков и приборов. Над рукомойником, заполненным грязной посудой, кружили мухи. Мари сразу пожалела о

решении приехать сюда, но вспомнила о том, что здесь живет палал. Она опять посмотрела на не отвлекающегося от работы мужчину и увидела у него короткостриженные мерцающие волосы. Он был по пояс обнажен, и Мари обратила внимание на его смуглую кожу. Палал по своей природе были бледными, так что это лишь доказывало его смешанную кровь.

— Извините! — как можно громче сказала Мари, перекрикивая бьющую по ушам музыку — что-то типа тяжелого рока.

Не оборачиваясь, хозяин дотянулся до кнопки на старом проигрывателе, подключенном к огромным динамикам, щелкнул и медленно развернулся в образовавшейся тишине. Взгляд его ярко-зеленых глаз пронзил Мари, и со всех сторон донесся шелест: «Запечатлена... Запечатлена... Запечатлена...» Ее будто подняло в воздух и закружило. Тело перестало иметь вес, а вся тяжесть выместилась из груди. Это длилось от силы минуту, после чего Мари недоуменно уставилась на незнакомца, вдруг ставшего ей близким на каком-то ментальном уровне.

— Трейсовские аглы! — выругался он вместо приветствия. — Вселенная издевается надо мной! Ты же совсем не в моем вкусе!

— Чт-то, п-простите? — с запинкой переспросила Мари. — Я Мари. Мариэль. Я палал...

— Да я понял, кто ты! — Он взглянул на нее с некоторым сочувствием. — Вот только ждал немного другого. Тебя что, не кормили? Ты на солнце никогда не бывала? А сиськи где? Ты как рожать собираешься с такими узкими бедрами, селедка?

— Вы... Вы что себе позволяете? — наконец опомнилась Мари.

— Мы же с тобой теперь запечатлены, между нами не должно быть барьеров.

— Мы что? — обомлела она. — Вы что-то путаете. Я запечатлена со своим женихом из Опретауна... С Луисцаром...

— Лу, — осклабился Полукровка. — Мой братец Луисцар.

— Да! Луисцар!.. Что? Ваш б... б... брат?

— Ага, — лукаво кивнул тот. — Я Шеймас. Старший брат Луисцара.

Глава 14. Шеймас

Мари сжала такой крепкий кулак, что монеты впились в ее ладонь. Покальвание привело ее в чувство, и она вымолвила:

— Неудачная шутка.

— Я так понимаю, Лу ничего обо мне не рассказывал, — вздохнул Шеймас и, взяв тряпку, принялся оттирать запачканные машинным маслом руки. — Конечно. Он же боялся нашего с тобой запечатления. Пытался оградить тебя от меня. Сбереечь для себя.

Жажда, промучившая Мари последние несколько часов, утроилась. В горле запершило. Она кашлянула. Разглядывая Шеймаса в полумраке мастерской, Мари отметила для себя его хорошо натренированное тело, преимущественно темные переливы «ежиком» топорщившихся волос и здоровые, чистые зубы, сияющие белизной и говорящие о чистоплотности их обладателя куда больше, чем запущенный замок. Она кашлянула еще раз.

— Твоя мама палал? — тихо спросила Мари.

Шеймас улыбнулся, негласно переспросив: «А что, не видно?»

— В Трейсе есть еще представители нашей расы?

— Нет, — спокойно ответил Шеймас и, отложив тряпку, подошел к рукомойнику.

Отмахнув рой мух, он открыл кран, набрал в стакан мутной воды и сделал несколько глотков. Остатки воды он вылил себе на голову. Смахнув ее ладонями, Шеймас бодро рыкнул. Ему было хорошо, чего было нельзя сказать о совершенно оторопевшей Мари. Запечатление не потянуло ее к Шеймасу, не влюбило ее в него и не вышибло Луисцара из ее памяти. Мари по-прежнему любила своего Луиса и не представляла, как вообще можно полюбить его братца!

— Ты предал его, — как можно смелее произнесла она.

— Что? — Шеймас вновь обратил свой взор на гостью и медленно двинулся вперед.

— Ты предал Луиса.

— Это он тебе сказал?

— Нет, он избегал со мной разговоров о тебе.

— Опасался, что ты поскачешь на мои поиски, — усмехнулся

Шеймас, остановившись в метре от Мари.

— С чего бы мне искать изменника? — проворчала она.

— Изменник, предатель... А ты кто? Что-то подсказывает мне, что ничуть не лучше, раз оказалась здесь.

Мари замолчала. Шеймас был прав. Тальина с радостью распространит о ней не самые благие слухи, и вскоре весь Опретаун будет сочувствовать их императорским величествам, называя Мари пригретой на их груди змеей.

— Лу знал, что как только мы с тобой встретимся, Вселенная может нас запечатлеть. Он боялся потерять тебя.

И это тоже было правдой. Луисцар неоднократно повторял свои опасения, вот только Мари не до конца понимала их смысл.

— Почему мы запечатлелись? — наконец спросила она.

— Потому что мы последние из палал. Вселенной виднее, как возродить вымершую расу. Пусть я полукровка, но во мне течет кровь палал. Я молод, здоров, красив и силен. Ты тоже... молода.

«Чертов самовлюбленный павлин!» — подумала Мари, вспомнив, как Луисцар называл Шеймаса грубияном.

— Кто тебя подставил? Нэим? — сменил он тему.

— Это так очевидно? — удивилась Мари.

— Ты что, совсем-совсем ничего обо мне не знаешь? — Брови Шеймаса поползли вверх. — Ладно. Нам предстоит долгий разговор. Ты располагайся, а я пока...

Мари понадеялась, что он предложит ужин или хотя бы чай, но у хозяина замка были другие планы.

— ...пойду посру, — договорил он и, положив ладонь на живот, вышел из мастерской.

Закатив глаза в потолок и цокнув языком, Мари в который раз пожалела, что не отправилась в пансион Вейца. Человек, готовый прилюдно поковыряться в пупке, когда-то был претендентом на престол целого мира! Мари ненавидела Тальину, но не отрицала тот факт, что эта женщина внесла полезный вклад в политику Опретауна, посадив на трон именно Луисцара.

В ожидании возвращения Шеймаса, Мари прошлась по мастерской, и обстановка ответила ей содержательнее любых слов. Шеймас здесь жил — готовил на старой электрической плитке, подсоединенной к топливному генератору, ел из металлических мисок, горой сваленных в

рукомойник, спал в натянутом в углу гамаке. Он словно облюбовал для себя это место, и никакое другое ему не было нужно, пусть хоть весь остальной замок развалится, камня на камне не оставив.

Мари осторожно села на край дубового сундука, прикрытого тканым одеялом, и замерла в ожидании, прислушиваясь к позвякиванию капающей на посуду воды из подтекающего крана.

Вернувшийся Шеймас окинул ее хмурым взглядом и взял курс к покрытому «рыжиками» низкому холодильнику. Вынув оттуда что-то напоминающее палку колбасы, он взял нож и принялся нарезать это кусками. Мари молча наблюдала за тем, как Шеймас ссыпает неизвестный ей полуфабрикат в раскаленную сковороду, солит и поливает маслом. Помешивая заурчавшее блюдо, он заговорил:

— Наши отцы дружили. Мой часто гостил в Палалии, где и познакомился с моей мамой. Она была из придворных. Короче, никем. А он в то время уже был женат на Тальине, всяко пытающейся забеременеть. Конечно, когда он принес в дом новорожденного ребенка и заявил, что это его сын, она взбесилась. Наверное, Тальина возненавидела палал уже тогда. И хотя в ее жизни появилась радость — родной сын, вскоре судьба нанесла ей еще один удар. Она отправилась в Палалию, чтобы поздравить друзей мужа с рождением дочери, а Вселенная запечатлела эту самую дочь с ее любимым Лу.

— И что в этом плохого? — недопонимала Мари.

— Как что? Одна палал увела у нее мужа, другая — сына.

— Твоя мама умерла при родах. И твой отец не бросал Тальину ради нее.

— Зато всегда напоминал о том, как горячи женщины палал и холодны опретки, — пояснил Шеймас. — Не знаю, виновна ли Тальина в ненависти, на которую имела право, но это завело ее слишком далеко. — Он снова помешал дымящееся блюдо. — Мы с Тальиной терпеть друг друга не могли, часто ссорились, она подставляла меня, я надсмехался над ней. Это была открытая война, а десять лет назад я узнал о ее скрытой стороне. Уже находясь на смертном одре, отец передал мне одну очень важную вещь. Накопитель электронной памяти.

— Флешку? — уточнила Мари.

— Можно сказать и так. Разница между известными тебе флешками и нашими накопителями в том, что последние нельзя

отформатировать и уничтожить. Они не просто долговечны, они вечны. Пластины изготавливаются из особого сплава древнейших пород, собранных в разных уголках Вселенной. Ученые Междумирья — лучшие изобретатели. — Шеймас отключил плиту и разложил еду по двум тарелкам. В одну он положил вилку и протянул Мари.

— Спасибо, — любезно поблагодарила она, не впечатленная ни обстановкой комнаты, ни готовкой Шеймаса, ни запахом ужина. Но голод брал верх над брезгливостью, и Мари решила поесть. Медленно жуя резиновый кусок мяса с довольно дурным вкусом, она смотрела, с каким аппетитом уплетает еду Шеймас, и надеялась, что она не превратится в такую же дикарку. — Что это? — спросила Мари, кое-как проглотив пережеванный кусок.

— Бычий член, — ответил Шеймас, закидывая в рот еще.

Мари затошнило. Она сдержала рвотный позыв, отставила тарелку и дотянулась до стакана с водой. Та тоже имела болотистый привкус, поэтому Мари не смогла утолить жажду, лишь смочила горло.

— Что было на том накопителе? — спросила она, вернувшись к прерванному разговору.

— Почему было? Информация до сих пор на нем.

— Не тяни.

Шеймас доел, вытер губы тыльной стороной ладони и вздохнул.

— Запись разговора виновников уничтожения Палалии. Неоспоримое доказательство. Отец раздобыл накопитель почти сразу после беды, но не дал ему ход, потому что пожалел Тальину. Это сделал Нэим. По ее просьбе.

— Ты лжешь, — охрипшим от потрясения голосом ответила Мари.

— Она ненавидела палал. А Нэим до беспамьяства любил ее. Имея доступ ко всему имуществу Ордена, он без помех выкрал и применил бомбу. Я, в отличие от отца, молчать не собирался. Я прижал Тальину к стенке, и она во всем призналась. Она умоляла меня не сдавать ее Совету, клялась, что жалеет о содеянном, заверяла, что ты в полном порядке...

— Я?

— Не догоняешь? Нэим и Тальина всегда знали, где ты. Спасая тебя, твоя мама отправилась не в дружеский Опретаун, а на какую-то далекую Землю. Почему? Нэим перенаправил ее туда. Может, он убил бы тебя. Уверен, ему много раз хотелось это сделать. Тальина

запрещала. Из-за Лу. Он жил надеждой и верой в ваше воссоединение. Пусть Тальина презирает палал, но она любит Лу.

— Так вот почему Нэим казался мне знакомым, — прошептала Мари. — Он бывал в Палалии.

— Естественно. Он прощупывал почву, прежде чем уничтожить мир. Ты будешь доедать? — Шеймас указал на ее тарелку.

— Нет, спасибо. Не хочется.

Он взял тарелку и снова зажевал.

— Пока ты была далеко от них и Лу, они ни о чем не беспокоились. А потом Стон и Блин приволокли тебя в Опретаун.

— Откуда ты?..

— Мы же не совсем отрезаны от Вселенной. До нас доходят громкие новости. Я знал, что рано или поздно ты окажешься в Трейсе. Тальина не даст Нэиму убить тебя. По крайней мере, пока Лу не возненавидит тебя. Не знаю, оборвется ли теперь нить вашего запечатления...

— Нет! — запротестовала Мари. — Мы любим друг друга. И он вытащит меня отсюда.

— Он и мне то же самое обещал, — ухмыльнулся Шеймас. — Десять лет жду. Не будь наивной, Мариэль. Лу — игрушка в руках Тальины. Он слабохарактерный и безнадежный. Будь у него яйца, он отправился бы в Трейс с тобой.

— Он император! Он должен думать о народе!

— Вот и наш отец думал о народе, двадцать лет храня страшную тайну о гибели Палалии. В этом вся суть опретов. Они безжалостны. И это часть меня. — Улыбка сошла с лица Шеймаса.

— Почему Совет не принял во внимание запись с накопителя? — спросила Мари.

— Потому что малолетняя сучка Лейсандра украла его у меня накануне слушания. С самого детства лизала Тальине промеж булок. В итоге мои обвинения остались без доказательств и были расценены как предательство ее величества императрицы Тальины. Якобы я хотел свергнуть ее с престола, чтобы править в одно рыло. Честно, вертел я членов Совета на своем агрегате. Обиднее, что Лу поверил не мне, а ей.

— Она его мать.

— Я тоже не кузнечик с кукурузного поля.

Мари стало так горько, что съеденный кусок бычьего члена

показался ей слаще меда по сравнению с тем, что она узнала о Тальине и ее соратниках.

— Подозреваю, накопитель у Нэима, — добавил Шеймас. — И он прячет его так же, как еще совсем недавно прятал тебя.

Глава 15. Первая ночь в Трейсе

Шеймас бросил тарелки поверх остальной грязной посуды, похлебал воды и, отрыгнув, зажал зубами зубочистку. Лениво перебирая ее языком, он чуть повернул голову и посмотрел на полностью разбитую Мари. Она едва сдерживала слезы, и разревелась бы, окажись рядом кто-то близкий — подруга или Луиссар, или хотя бы флиомы. Но не Шеймас! Их запечатление не вызывало у нее ни капли доверия к нему. Хотя его словам она поверила. Чтобы понять причастность Тальины и Нэима ко всему вышеупомянутому, Мари не требовался накопитель.

— Слушай, кулема, — подал голос Шеймас, чем привел ее в чувство. — Ты не обязана оставаться. Я не собираюсь держать тебя только из-за нашего запечатления. Так что можешь переночевать и...

— ...валить на все четыре стороны? — договорила Мари и встала. — Не обольщайся, ты тоже не в моем вкусе. Луис вытащит меня отсюда, и мы поженимся. Так что это ты обречен на одиночество!

Конечно, это было сказано слишком громко. Но Мари надоело хамское поведение надменного Шеймаса. Она хотела вызвать у него чувство вины, а вызвала довольную ухмылочку.

— Эх, не зря женщин палал считают самыми горячими во Вселенной.

— Не переживай, тебе не посчастливится обжечься о мой неугасаемый огонек. Утром я уеду. Говорят, в пансионе Вейца гостей принимают с радушием. Так что никто не будет мешать тебе жить в... Жопе!

Шеймас засмеялся и, хлопнув в ладоши, дошел до гамака. Завалившись в него, он запрокинул мощные руки за голову и весело пожелал:

— Удачи!

— Ты что, не уступишь мне единственное спальное место? — возмутилась Мари.

— Могу подвинуться.

— Я не сплю с любителями бычьих членов.

Нарастающая злость Мари веселила Шеймаса все больше, и она

быстро поняла, что он провоцирует ее. Закатив глаза и тяжело вздохнув, Мари взяла подсвечник с горящей свечой и направилась к двери.

— Найду себе нормальную кровать, — пробурчала она на выходе.

Покинув мастерскую, Мари пошла к лестнице. Чем дальше она отходила, тем увереннее себя чувствовала. «Какой же жуткий тип этот Шеймас, — думала она, подталкивая себя вперед, на второй этаж. — Дикарь, грубиян, идиот! Неудивительно, что Совет побоялся новых полукровок опретов и палал. Луис наверняка сейчас места себе не находит. Ох, милый, будь спокоен, на твоего братца я точно не позарюсь!»

Побродив по ледяным, сырым комнатам с запыленной мебелью, Мари кое-как отыскала более-менее нормальную, с матрасом на кровати. Он был покоцан грызунами, но не продавлен и даже сух. По всей видимости, окна выходили на южную сторону, отчего здесь не было плесени. Мари отставила свечу на низкий кофейный столик, перевернула матрас, убедилась в его приемлемости и легла. Она не стала рыться в шкафах в поисках постельного белья. Внутри нее кипел гнев. Ей следовало бы пожалеть Шеймаса: он угодил под суд за правду. Но ведь он откровенный моральный урод!

Глядя на пляшущие блики на сером потолке, Мари размышляла над всем, что предшествовало ее ссылке, начиная с момента ее столкновения со свейхом флиомов. Вспомнив о них, она улыбнулась. Оставила их без обещанной лазаньи.

Усталость стремительно брала верх над сосредоточенностью, и Мари уснула раньше, чем догорела свеча. Но эта ночь стала самой страшной ночью в ее жизни...

Стоило ей встретиться с другим палал, как память расы нахлынула на Мари без остатка. Она видела рождение Палалии, своих предков, смену эпох и цивилизаций, становление палал во Вселенной. Она видела лица, улыбки, смех. Она слышала голоса, пение. Она чувствовала жизнь — яркую, насыщенную. А потом...

Мари обуял неистовый ужас. Она видела свою мать. Она была ею. Ее тело и сердце ныли от боли. Страх победоносно пробирался до самых костей, окутывал разум, скреб на душе. Мари убегала ногами своей матери. А беда, полыхающая у нее за спиной, хватала ее за волосы и стягивала их в тугую пучок.

Мари задышалась, хваталась руками за воздух, пыталась выбраться

из омута всеобщего горя. Плач, стоны и крики пронзали ее миллионом игл. Она понимала, что все это в прошлом, это видение, воспоминание. Но никак не могла проснуться. Пока ее не окатило чем-то ледяным. Мари не сразу сообразила, что это — вода или ветер. Только когда она начала захлебываться и чувствовать матрац под спиной, она открыла глаза и увидела стоявшего над ней Шеймаса с пустым ведром в руках.

Кашляя захлеб и выплевывая воду, Мари села. Кое-как отдышавшись, она ладонями вытерла мокрое лицо и откинула назад прилипшие к щекам волосы.

— Ты больной?! — заорала она, зло взглянув на Шеймаса.

— Это ты орала на весь замок, как придурочная, — ответил он.

— А разбудить не мог?!

— Я разбудил, — пожал он плечами, ставя ведро на пол.

— Господи, — отчаянно прошептала она, подогнув колени и упершись в них лбом.

— Теперь-то дашь мне поспать?

— Даже не поинтересуешься, что со мной? — Мари снова подняла лицо.

— Детская психологическая травма? — без малейшего интереса ляпнул Шеймас.

— Ты такой милый, — съязвила она, фальшиво ослабившись.

— Я стараюсь, — подмигнул он и, развернувшись зашагал к выходу, оставив на столике у кровати вторую догорающую свечу.

— Во мне восстановилась память нашей расы, — успела сообщить Мари, прежде чем Шеймас вышел.

Он ненадолго задержался. Повернул голову и через плечо сказал:

— Рад за тебя.

После этого Шеймас ушел. Будь у Мари под рукой подушка, она швырнула бы ее ему вслед. А так ограничилась тем, что стиснула зубы и сжала кулаки.

Мокрое платье прилипло к ее телу второй кожей — мерзкой и ледяной. Мари сидела в луже, медленно впитывающейся в матрац, и опять была готова разреветься. Сказка, которую ей подарил любящий Луиссар, длилась недолго. Ей снова придется самой о себе заботиться.

Мари чувствовала себя подбитым зайцем, попавшим в капкан. В висках стучал пропущенный через себя ужас. Он доводил до озноба вместе с холодом, покрывающим ее едва ли не инеем.

Поднявшись с кровати, Мари дошла до огромного шкафа и распахнула заскрипевшие дверцы, намереваясь найти хоть что-нибудь, чтобы переодеться после щедрого душа Шеймаса. Из недр шкафа ее окатило облаком пыли, десятком крупной моли и крысой, проскользнувшей промеж ее ног, снесшей по пути ведро и удравшей вон из комнаты. Загромыхавшее ведро откатилось к стене, а его эхо еще с минуту разносилось по замку.

Когда все стихло, Мари перевела дух и вновь повернулась к шкафу. В этот самый момент на нее упал человеческий скелет в костюме и шляпе. От испуга Мари поскользнулась и повалилась на спину. Щелкнувшая челюсть скелета замкнулась на ее лице, и Мари, вытаращив глаза, завопила во все горло:

— А-А-А-А-А!!!

Влетевший в комнату Шеймас стащил с нее скелет и сердито вскрикнул:

— Какого трейсовского агла ты горланишь?!

— Что эт-то т-такое?! — Отползая к кровати, Мари дрожащим пальцем указала на скелет в объятиях Шеймаса.

— А, это? — улыбнулся тот. — Мой приятель. Бывший хозяин замка. Он помер. Но мне было скучно...

— Не заливай! — рявкнула Мари, наконец начав отходить от шока. Она встала, поправила на себе платье и хмуро взглянула на Шеймаса. — Он ненастоящий. Иначе ссыпался бы в кучку.

Он запихнул скелет обратно в шкаф, захлопнул дверцы и повернулся к Мари.

— Жил я себе здесь, не тужил. Жрал, что хотел. Дрочил, где хотел. И тут ты! Явилась, не запылилась.

— Я же сказала, утром уеду.

— До утра я стану невротиком!

— Ты?! — поразилась Мари. — Ты оскорбил меня, накормил гадостью, прогнал и окатил ледяной водой! Бедная твоя ранимая натура!

— Во-первых, не оскорбил, а констатировал факты. — Шеймас сделал шаг вперед и выставил вверх указательный палец. — Во-вторых, — он выставил еще один палец и приблизился еще на шаг, — бычий член — это деликатес. В-третьих, я не прогнал тебя, а подарил тебе свободу от нашего запечатления. В-четвертых, ты даже не

подмылась перед сном. Так что ведро с водичкой было кстати, — он издевательски улыбнулся, подойдя к Мари вплотную. — Я душка, да?

— Ты сволочь, — прошипела Мари. — Говоришь, что у Луиса нет яиц. Но их нет у тебя! — Она ткнула пальцем в грудь Шеймаса. — Ты попал сюда и сложил лапки. Даже не попытался выбраться, доказать вину Тальины и Нэима, оправдать себя! Наши соплеменники умирали в адских муках! — Ее голос затрясся от подступающего к горлу кома. — Они молили о помощи! А ты так легко сдался... Ты подлый, ленивый эгоист с завышенным самомнением. Вселенная запечатлела нас с тобой не для продолжения рода палал, а чтобы обречь тебя на одиночество и искоренить твои поганые гены из мира!

Чем яростнее говорила Мари, тем азартнее мелькали искорки в глазах Шеймаса, и это заставило ее замолчать. Она поджала губы и сделала шаг назад.

— Похоже, ты с Лу от скуки подыкала, — усмехнулся он, облизнувшись. — Теперь на мне отрываешься.

— Тебе что, в кайф бесить людей? — развела руками Мари.

— Я не виноват, что вы такие раздражительные.

— Убирайся! — выдохнула она.

— Ты выгоняешь меня из моего собственного дома, а завышенное самомнение у меня, — с издевкой заметил Шеймас. — Я хотел предложить тебе поспать вместе, а то замерзнешь...

— Ага, чтобы ты облапал меня.

— Было бы что лапать. Смотреть-то тошно за твои фигушки. Впрочем, как хочешь. Спокойной ночи.

Не задерживаясь Шеймас вышел. Свеча догорела, и Мари оказалась в крошечной тьме. Недолго постояв на месте, она проглотила обиду и тихо произнесла:

— Ты тут?

Послышался сдавленный смешок Шеймаса. В коридоре чиркнула зажигалка. Мари сорвалась с места и вышла из комнаты.

— Идем, — Шеймас поманил ее к лестнице. — Так и быть, можешь занять мой гамак. — Вернувшись в мастерскую, он подал Мари бесформенный балахон из мешковины. — Лучше, чем твой мокрый сарафанчик. Переодевайся и ложись. Не забудь задуть свечи. Нехрен им просто так таять.

Больше ничего не сказав, он оставил Мари в одиночестве. Она

быстро переоделась, погасила свечи — все, кроме одной, — и залезла в уютный гамак. Согревшись и отойдя от пережитых ужасов и неприятностей, она все-таки пересилила себя и уснула.

Глава 16. «У Тамани»

Утром Мари застала Шеймаса во дворе, где отыскала его только благодаря металлическому буханью. Кувалда в его напрягшихся руках ритмично стучала по непонятной Мари железяке, постепенно выравнивая ее. Мари не стала медлить, но и задавать вопросы о том, чем занимается ее несостоявшийся деверь, не спешила. Она сама не понимала, почему — или ей был неинтересен род его деятельности, или наоборот.

Спустившись по каменным ступеням с крыльца-террасы, Мари приблизилась к Шеймасу на предельно безопасное расстояние, хмуро оглядела разнообразие старой техники и заговорила:

— Доброе утро.

Шеймас последний раз ударил кувалдой, отставил ее в сторону и повернулся к Мари. По его до пояса обнаженному телу стекали капли пота, лицо тоже блестело, а топорщившиеся волосы переливались под светом утреннего солнца. Мари заметила его внешнее сходство с Луисцаром — небольшое, но что-то все же было: то ли в движениях, то ли в глубоко посаженных глазах, то ли в изгибе губ.

— Я надеялся, что ты уже ушла, — проворчал он и, подняв с покосившейся скамейки майку, быстро натянул ее.

— Ты так любезен, — выдавила Мари. — Сейчас уйду. Только позволь хотя бы умыться.

Шеймас кивнул на колодец в стороне, около которого стояло два наполненных ведра.

— Твое платье высохло. Но не советую его надевать. Слишком броское. И безделушки с себя сними. Лучше продай.

— Что?

— Блестяшки свои, говорю, на кредиты обменяй, — повторил Шеймас. — Деньги здесь нужнее побрякушек.

— Если мои украшения не важны, то кто их перекупит? — удивилась Мари.

— Ты же к Вейцу собралась? На этой дороге автобус идет только в одну сторону. Чтобы вернуться в город, тебе надо идти в поселок. Он только кажется далеко. Здесь миль пять.

«Ничего себе, рядышком! — подумала Мари. — В туфельках по полю восемь километров. Добегу и не замечу, особенно вприпрыжку!»

— Там есть паб, — продолжил Шеймас. — «У Тамани». Спросишь этого самого Тамани. Он промышляет скупкой. Но хитрый. Будет занижать цену. Если камешки настоящие...

— Конечно настоящие! — перебила его Мари. — Луис не жмот!

— Если камешки настоящие, — повторил он, — проси кредитов тридцать. Хотя сначала его цену услышь. Вдруг назовет больше. Он драгоценности через аглов в других мирах перепродает. Потом уноси оттуда ноги. Аэробус ходит через каждые два часа. Приедешь к Вейцу, сдашь деньги ему на сохранность. У него есть сейф. За месяц проживания он берет всего два кредита без постельного и обедов. Белье дешевле купить, а обедай в забегаловке напротив пансиона. Вейц добропорядочный, а вот его персонал тебя до нитки обдерет. О себе сильно не распространяйся, пока не найдешь друзей. Работай в городской прачечной. Там заработки высокие и выходные регулярные. Вроде все.

Мари сглотнула. Еще вчера она собиралась стать императрицей, а сегодня ей светит работа прачкой. Промолчав, она отошла к колодцу, умылась и дала себе минуту, чтобы обсохнуть.

— Можно мне забрать этот балахон? — осторожно спросила она у Шеймаса, уже занявшего себя работой.

— Как хочешь, — сказал он.

Мари вернулась в мастерскую, собрала свои оставшиеся монеты и убрала их вместе с жетоном в карман. Затем сняла все украшения и, тяжело вздохнув, тоже спрятала.

— Прости, Луис.

Она собрала волосы в хвост, завязав его найденной веревкой. Накинула на голову капюшон, чтобы скрыть волосы, и снова вышла из замка. Шеймас даже не взглянул на нее, не попрощался и, уж тем более, не предложил проводить ее в поселок. Наверное, это было к лучшему. Мари совсем не хотелось, чтобы их запечатление сблизило их.

Выйдя со двора, она зашагала в сторону видневшихся на горизонте крыш. Два часа под разогревающимся трейсовским солнцем, духота, насекомые, непротоптанное поле. Мари стерла ноги до мозолей и в поселок входила, прихрамывая и сипло дыша. Местные принимали ее за свою, поэтому не пялились, как это было накануне в аэробусе. Мари

нашла помянутый Шеймасом паб. Тот был почти пуст. Двое выпивох сидели за столиком у окна, а зевающий бармен натирал глиняные кружки.

— Здравствуйте, — обратилась Мари к нему. — Мне нужен Тамани.

— Зачем? — безучастно спросил тот.

— По деловому вопросу, — ответила она, не снимая капюшона.

Бармен глазами стрельнул на лестницу за его спиной. Мари обошла барную стойку и по скрипучим ступеням поднялась на второй этаж. Здесь было несколько комнат, но найти Тамани не составило труда. Дверь была открыта только одна. В тесной комнатухе, нагроможденной шкафами, сейфами, тумбочками и столами, на облезлом кожаном диване сидел желтокожий, трехпалый пузан с длинным картофелеобразным носом и глазами навывкат. Мари уже встречала представителей этой расы. Один состоял в судейской коллегии, и еще парочку она видела в аэробусе.

— Вы Тамани? — спросила она, встав в дверном проеме.

— Ох, какой голосочек, — заскрипел тот, вставая с дивана. — Кто это у нас тут прячется под капюшоном? — Он явно решил пофлиртовать, несмотря на то, что ростом был ниже флиомов.

— У меня есть кое-что интересное для вас, — Мари вынула из кармана одну сережку и протянула Тамани.

Он выставил вперед ладонь, принял украшение и внимательно оглядел его.

— Какая красота... Такое носится исключительно на изящных ушках...

— У меня есть вторая. Еще браслет, кулон на цепочке и... кольцо. — С кольцом ей не хотелось расставаться. Но Мари боялась лишиться его из-за возможных воров. — Сколько дадите?

Тамани расцвел улыбкой, отошел к столу и еще раз осмотрел сережку через увеличительное стекло.

— Пятнадцать кредитов, — заявил он, вернувшись к Мари.

— До свидания, — отрезала она и забрала серьгу.

— Ой, ну что ты, голубушка? — заюлил Тамани. — Давай договоримся. За твой голосок могу накинуть еще три кредита.

— А если грудь покажу, еще пять? Нет! Найду другого скупщика, — Мари развернулась.

— Ну постой, прелесть моя! Где же ты еще кого-то найдешь?

— А вы разве про Хари не слышали? — Мари лягнула первое, что пришло в голову. Деловым хитростям она давно на работе научилась. — Он недавно в городе был. У Вейца останавливался. Говорят, скупал все подряд. На какую-то Землю переправляет товар. Так что мне выгодней подождать его следующего визита.

Купился! Тамани оббежал Мари и сногшибательной улыбкой обнажил свои тонкие, острые зубки.

— Сколько хочешь? — примирительно спросил он.

— Тридцать!

— Договорились! Только тебе надо обождать. Ты в баре посиди, выпей чего-нибудь. Я своего бухгалтера вызову, и мы рассчитаемся. Украшения же у тебя с собой?

Мари побоялась говорить правду.

— Не совсем. Только одна серьга. Остальное у моего бухгалтера. Он тоже скоро подойдет.

— Вот и отлично! — Тамани схватил ладонь Мари обеими ручищами и крепко пожал.

Она спустилась в паб, заказала стакан холодной воды и заняла столик в углу зала. Ее ноги заныли от усталости, мозоли зажгло огнем. Морщась от боли, Мари потягивала воду и смотрела в окно. Паб располагался у остановки, где жители поселка ждали аэробус.

— Так зачем тебе столько кредитов? — услышала она и вздрогнула. Мари показалось, что вопрос предназначался ей, но ошиблась. Это разговаривали здешние клиенты.

— Ты слышал, что Полукровка замок под горой продает? — спросил второй, отхлебнув из кружки.

— Так он за него пятьдесят кредитов просит. А замок вот-вот развалится.

— Да не-е-ет, не слушай никого. Я был там. Стены добротные. Кое-где крышу подлатать надо и пол. А западная башня вообще в идеальном состоянии. Он там живет.

«Вот скотина!» — подумала Мари. Она в гамаке вонючей мастерской ночевала, а Шеймас в мягкой кровати!

— Зачем тебе замок? Не оправдает он себя! — продолжал спорить выпивоха.

— Ничего ты не понимаешь, темнота трейсовская! Там земля!

Полукровка ее выжигает, а я засею. Я с первого урожая вдвое больше заработаю, чем потрачу. Там даже семена в амбаре лежат и трактор есть.

— Ну и где ты возьмешь столько кредитов?

— Он предоплату в тридцать просит. Остальное можно частями, со временем. Десятку я уже нашел. Двадцать хочу у Тамани одолжить.

В паб вбежал мальчишка в шляпе и с сумкой через плечо.

— Газеты! Газеты! — оповестил он. — Свежие новости! Найденная невеста императора Опретауна сослана в Трейс!

Мари будто кипятком окатило. Она инстинктивно опустила лицо и обеими руками сжала стакан.

— Что за невеста? — спросил один из клиентов.

— Ты разве не слышал? Вроде палал. Неделю или две назад нашлась. Да какая нам разница до их зажавшихся персон! Мне замок покоя не дает. Упущу — локти кусать буду.

Мари приподняла голову и подозвала почтальона:

— Мальчик, можно тебя?

Он подбежал к ее столику и закопался в сумке.

— Есть бумажные газеты, журналы. Есть накопители, они дороже, но...

— Мне газету, — попросила Мари, доставая из кармана монеты.

Купив свежий выпуск, она проводила мальчишку взглядом и опустила его на первую полосу. На странице маячило два фото: одно — ее, на втором улыбалась Лейсандра под руку с Луисцаром. В самой статье сообщалось о том, что Мариэль — хранительница памяти расы палал обвинена в измене против Ордена и сослана в Трейс, а ее запечатленный жених Луисцар объявил о своей скорой помолвке с давней любовью — Лейсандрой. Мари стало так горько, что она снова отвернулась к окну. Нельзя сказать, что на снимке Луисцар светился от счастья. Он был удручен. Но новость! Как он мог?!

— Вас Тамани зовет, — сказал ей подошедший к столику бармен.

Мари не сразу сообразила, о чем ей говорят. От предательства ей стало тяжело дышать сдавленной грудью.

— Да, я иду, — пробормотала она и, посидев еще немного, отправилась на второй этаж.

В кабинете Тамани ее ждал не только скупщик, но и его бухгалтер — высокий, худощавый зроу. Он напомнил Мари о Нэиме, и на ее душе

стало еще сквернее.

— Ваш помощник принес товар? — улыбнулся Тамани, сидя за столом.

Мари вытрясала содержимое карманов, оставшиеся монеты и жетон вернула обратно, а украшения брезгливо подвинула скупщику. Теперь ей не было жаль даже кольцо.

Глаза зроу запылали. Он не сдержал довольной улыбки и кое-как оторвал взгляд от драгоценностей.

— Вы условились на тридцати, — проговорил он, протягивая Мари мешочек. — Сколько бы дал вам Хари?

Мари было уже все равно, что Тамани рассказал тому о выдуманном ею Хари.

— Тридцать пять, — на автомате ответила она и, развернувшись, на ватных ногах покинула кабинет.

Выйдя из паба, Мари прислонилась к столбу и заплакала. Последний раз она чувствовала себя никому не нужной в детском доме. Потом она соткала себя из ничего, создала себе красивую жизнь и была уверена, что никто и ничто не отнимет у нее выстраданную стабильность. Но время свело ее с мужчиной, в которого она влюбилась до беспамятства в считанные дни, а потом закинуло в мир-тюрьму, где единственный близкий человек — выскочка, тупица и нарцисс.

Вдали показался аэробус, предвещающий о своем приближении звучным гулом. Мари вытерла слезы и направилась к остановке. Но путь ей внезапно преградили те двое, что пили за соседним столиком. Один выхватил мешочек с деньгами, второй толкнул ее в плечо. Они заржали, когда Мари тщетно замахнулась, чтобы отнять кредиты.

— Сколько тут, дуреха?

— Не хватит, чтобы сделать тебе пластическую операцию по улучшению морды лица, — огрызнулась она. — Отдайте немедленно, иначе пожалеете! — Мари погрозила пальцем, но это вызвало еще один смешок.

— Эй, тут кредитов тридцать, не меньше, — восхитился тот, что вскрыл мешочек. — Возьмешь меня в партнеры, отдадим Полукровке предоплату и заживем!

— Верните!

Мари снова оттолкнули.

— Вали в свой шалаш, бродяжка!

Никто из проходящих мимо и стоявших на остановке даже не попытался вступить за нее. Мари очередной раз признала, что находится среди осужденных заключенных. Кто-то из них был ложно обвинен, но чтобы выжить в Трейсе, свыкся с новой жизнью и карабкался, как мог.

Мари опять замахнулась и опять получила толчок. Запнувшись о бордюр разбитого тротуара, она оступилась и повалилась назад. Но не упала, а уперлась спиной в крепкого прохожего. Резко обернувшись, она увидела Шеймаса. Он затянулся сигаретой, бросил на землю окуроч, затоптал его носком ботинка и медленно выпустил струю сизого дыма. Размяв шею и пальцы рук, он улыбнулся уголком губ и спокойно сказал грабителям:

— Верните ей мешок или следующий месяц проведете в подвальном лазарете окружного изолятора.

— Да это наш мешок, Саймус! — запротестовали те. — Она у нас сперла его! Мы тебе предоплату несли. Зашли к Тамани выпить. Эта шлюха околачивалась там...

— Как ты ее назвал? — С лица Шеймаса сошла улыбка. Он рукой отодвинул Мари в сторону и шагнул вперед.

— Ш... Ш... — парни попятились.

Шеймас сжал кулаки и, сорвавшись с места словно дикий зверь, с ревом кинулся на грабителей. Мари вскрикнула и, закрыв лицо руками, отвернулась. Она слышала стоны, крики, хрипы, хруст и глухие удары и была уверена, что от Шеймаса сейчас и мокрого места не останется.

— Держи!

Он взял ее за руку и сунул в нее мешочек. Мари неуверенно подняла лицо. На Шеймаса не было ни царапинки, зато его противники поверженными тушками валялись на дороге.

— С-спасибо, — кивнула она.

— Я же предупреждал, берешь деньги и валишь. Какого хрена ты тут со столбом обнималась? Я понимаю, отсутствие мужского внимания и все такое, но...

— Луис объявил о помолвке с Лейсандрой, — ответила она. — Постой. Ты что, следил за мной?

— Сдалась ты мне! Конечно следил!

Мари открыла рот на полуслове и засмеялась.

— Выпить не хочешь? — улыбнулся Шеймас.

— Мне надо на аэробус, — перестав смеяться, ответила Мари.

— Ах... Он уже ушел, — он посмотрел туда, где машина медленно превращалась в точку на небе. — Следующий через два часа. Могу поохранять тебя.

— Ладно.

Они вошли в паб, заказали две кружки эля и сели за столик. Мари посмотрела на Шеймаса и теперь видела не дикаря, а отчасти джентльмена. Луиссар не вступился за нее даже перед колкой на язычок Лейсандрой, а его брат полез в драку.

— Почему они назвали тебя Саймусом? — спросила она, не зная, о чем поговорить, чтобы нарушить тягостное молчание.

— Это на трейсовском диалекте. Шеймас-Саймус, — ответил он, отпив глоток напитка.

— Ты правда замок продаешь?

Шеймас взял в руки газету и усмехнулся:

— Это не он.

— Что? — не поняла Мари.

— Не Лу объявил о помолвке. Это Тальина. Очевидно же.

— Я не хочу говорить о нем, — сникла она. — Я у тебя про замок спрашивала.

— Да, он мне не нужен. Хочу в город перебраться. Надоело в пустоши болтаться, — Шеймас стал листать газетные страницы.

— Там плодородная земля?

Он поднял на Мари заинтересованный взгляд.

— Да-а-а.

— Много?

— Много.

— Ты просишь пятьдесят кредитов?

— Допустим, — кивнул Шеймас.

Мари протянула мешочек Шеймасу и сказала:

— Здесь тридцать. Двадцать отдам после уборки первого урожая. Может, раньше, если одна идейка выгорит.

— Зачем тебе замок?

— Луис не вытащит меня отсюда, — произнесла Мари, потупив взгляд на кружку. — Я здесь навсегда. У меня есть опыт в руководящей должности. На мне весь офис держался. Отремонтирую замок, сделаю там отель. Разобью ферму и засею поля. Это перспективней работы в

прачечной.

— Ты серьезно? — поразился Шеймас.

— Более чем, — она посмотрела ему в глаза. — Продашь мне замок в ипотеку?

По лицу Шеймаса теньями поплыли вопросы от «Ты свихнулась?» до «Как скоро ты выплатишь долг?». От волнения Мари прикусила губу. Пристально смотря на нее, Полукровка все сильнее напрягался. Его брови съезжали к переносице, и на лбу углублялась вертикальная морщина. Не отводя взгляда от Мари, Шеймас отложил газету, которая слетела с края столика и рассыпавшимися листами-крыльями расстелилась где-то рядом на пыльном полу. Чем дольше он молчал, тем меньше уверенности оставалось в самой Мари. Ее начали терзать сомнения. Она не знала, сколько лет Шеймас прожил в замке, но вдруг задалась вопросом, почему он сам не пустил его в дело? На это должна быть причина, и лучше узнать о ней до того, как Мари отдаст все, что у нее есть.

Короткие волосы Шеймаса стали переливаться темными оттенками, мерцая лишь у корней. Он медленно поднес к губам кружку и двумя глотками опростал ее.

— Пятьдесят кредитов за замок — невысокая цена, — наконец заговорил он, положив свои мощные руки на стол. — Завтра мне предложат эту сумму всю и сразу, и я пожалею, что согласился на рассрочку сегодня.

— Поэтому я предлагаю тебе продать мне замок в ипотеку, — напомнила Мари. — Ты останешься в выигрыше за счет немалого процента. Я согласна заплатить шестьдесят кредитов, но частями.

Шеймас поднял пустую кружку и окликнул бармена. Тот подошел к их столику и налил Полукровке еще.

— Те типы говорили, ты просишь сразу только тридцать, — уточнила Мари. — Я тебе даю их.

— А на что ты собираешься делать ремонт? Кто будет работать на плантации? За это надо платить.

— Это уже мои проблемы.

Шеймас выпил еще и звучно поставил кружку на стол.

— Ты загоняешь меня в тупик.

— Чем? — удивилась Мари.

— Замок вдали от населенных пунктов. Ты можешь стать мишенью

для разбойников.

— Я умею стрелять из бластера.

— А он у тебя есть? — Шеймас озадаченно приподнял бровь. — Твое предложение заманчивое, не спорю. Но оно рискованное.

— За сколько ты купил замок? — спросила Мари.

— Он достался мне от отца. Только он был куплен для Тальины на тот случай, если ее приговорят к ссылке.

— Но почему ты запустил его?

— Так вышло, — Шеймас достал из кармана штанов помятую пачку, вынул из нее сигарету и закурил с помощью горящей свечки на соседнем столике.

— Шеймас, я не ищу причины остаться. Я не собираюсь портить твою сказочную жизнь своим вмешательством. Я просто предлагаю сделку.

Он поглубже затянулся, выпустил один клуб дыма, второй, третий, не спеша с ответом. Он стал настолько сосредоточенным, что Мари будто сквозь его кожу и череп видела, как от мыслей пульсирует его мозг.

— Ипотека, — задумчиво произнес он. — Шестьдесят, говоришь? Мало будет.

— Не наглей, — сурово ответила она.

— Семьдесят кредитов.

— Шестьдесят пять и точка!

— Ладно. Шестьдесят пять и...

— И? — Мари начала раздражаться, не зная, что предложит ей Шеймас.

— Пока я не подыщу себе другое жилье, я буду жить в замке.

Понимая, как сложно ей будет с этим смириться, Мари потянулась за мешочком.

— Но у меня все равно не выйдет съехать сиюминутно! — остановил ее Шеймас. — У меня там вещи, станки, приборы, инструменты. Я работаю, если ты не заметила. Куда я все это дену сейчас? Если я арендую помещение, я потрачу эту тридцатку. Тогда мне не светит квартира.

В словах Шеймаса было зерно здравомыслия. И все же Мари становилось тошно от мысли жить с ним под одной крышей.

— Можешь занять мастерскую, — согласилась она, отпустив

мешочек. — Но имей в виду, если так получится, что завтра я найду деньги для оставшегося долга и верну его, ты немедленно исчезнешь.

— Гадость ты моя ненаглядная, — улыбнулся он, подтягивая мешочек к себе, — не успеешь глазом моргнуть.

Мари окинула его оценивающим взором и, почувствовав необъяснимую власть над Шеймасом, спросила:

— Тебя вообще учили уважению к женщинам?

Он высыпал монеты на стол и стал их пересчитывать.

— Я только что двоих из-за тебя уделал, — напомнил он, радуясь деньгам. — Чего тебе еще надо?

— Не из-за меня. А из-за денег. Знал, что перепадет, да? Подстроил все?

— Ты больная? — Он поднял лицо и взглянул на Мари, как на прокаженную. — Не знаю, что тебе обо мне наговорили опреты, но действовать исподтишка — это в их манере. Не в моей. Я себя отношу к палал. Отторжение несправедливости, неукротимый дух, стихийная борьба — это палал. Опреты — шакалье! Не зря говорят, бабы дуры. Лу ты так же не доверяла? Или растаяла перед его обаянием при вашей первой встрече? Он, наверное, романтический ужин устроил? Сам твой гардеробчик подбирал, да? Затачивал тебя под себя. Ну чтобы не ударить в грязь лицом, когда во главе Опретауна встанет императрица из неподдающихся дрессировке палал.

Каждое его слово болью отдалось в голове Мари. Она стиснула зубы, чтобы снова не разреветься.

— Если ты такая слабохарактерная, то ты уже не палал, — добавил Шеймас и продолжил считать деньги.

— А по-твоему, палал — это отшельники, живущие в грязи и питающиеся с помойки? То, что у тебя есть свое твердое мнение, и ты не боишься его высказывать, еще не делает тебя палал. Ты дикарь, Шеймас. Невоспитанный, грубый, самодовольный. Тебе будет нелегко жить в городе.

— Я, кстати, сюда на мотоцикле приехал, — вдруг оповестил он, ссыпая монеты обратно. — И ты упускаешь шанс вернуться на нем в замок.

— Я, кстати, могу в считанные дни деньги заработать и долг вернуть, — парировала Мари. — В твоих интересах нравиться мне. А ты пока в этом плане не на высоте.

Он взглянул на Мари и широко улыбнулся.

— Мы с тобой подружимся, — подмигнул он.

Они заплатили за эль и покинули паб. Выходя из-за столика, Мари не стала перешагивать через газету со снимком Луисцара и Лейсандры, а с силой наступила на нее. Легче ей не стало, но это был первый шаг к началу новой жизни, жизни, где она уже не потерпит предательства.

Глава 17. Гилья, Стражи и другие секреты западной башни

Мотоцикл, о котором сказал Шеймас, оказался самым обычным двухколесным мотоциклом. По его словам, машина была завезена в Трейс нелегально, как и большинство остального, что очень важно в обиходе жителей ссылки. Аглы промышляли в других мирах, чтобы помогать своему. Сам же Шеймас нашел мотоцикл на свалке, отремонтировал его, исправил так, чтобы тот мог работать на здешнем топливе, и иногда пользовался им для поездок по делам.

— Ты придурок! — выпалила Мари, едва Шеймас с визгом припарковался у ворот замка. — Кто так водит?!

— Я, — гордо ответил тот, погладив себя по груди.

— Мы могли разбиться на этом бездорожье!

— Не разбились же, — пожал плечами Шеймас и покатил мотоцикл во двор.

Мари с возмущением посмотрела ему в спину, и ее взгляд скользнул на замок, возвышающийся у подножия горы и смотрящий на мир арками темных окон. Ей все еще не верилось, что теперь это ее дом. Конечно, не самый впечатляющий, зато Мари ясно видела, что здесь будет со временем. Она разобьет сад, установит фонтан, организует стадион, игровую площадку и бассейн. Еще она мечтала об оранжереи и библиотеке под открытым небом. На смену ужасу, охватившему ее во время поездки, пришло удовлетворение от предвкушения большого будущего. У Мари не вышло стать достойной хранительницей памяти расы палал и императрицей Опретауна, но больше она не отступит, не упустит шанс. И придет тот день, когда о ней заговорят! Она сделает это в память о родителях, в память о погибших соплеменниках.

Мари обошла главный и задний двор, заросший сорняком, и остановилась у колодца. Шеймас снова завозился со своими железяками, будто в его жизни не произошло никаких изменений.

— Я хочу, чтобы ты убрал это отсюда, — сказала ему Мари.

— Куда? — не отвлекаясь от работы, спросил он.

— Не знаю. Куда-нибудь. Я планирую вычистить двор и оснастить его скамейками и качелями. Твои жуткие машины будут мне мешать.

— Скажешь точнее, куда, перенесу. А то потом тебе и на новом месте приспичит заняться бесполезной ерундой, и буду я с ними таскаться туда-сюда, вместо того, чтобы работать.

Мари очередной раз поразились тому, с какой легкостью и колкостью Шеймас попадал в точку. Она действительно способна вынести мозг любому, если захочет. Шеф неоднократно посылал ее на переговоры с теми, кого надо подмять под себя, и ласково называл Мари «птичкой-мозгоклюшкой».

— Я хочу основать свой бизнес, — опомнилась она после недолгого молчания. — Это не бесполезная ерунда.

Вдалеке послышался неузнаваемый ею шум. Мари огляделась, решив, что приближается автобус, но небо было чистым. Шеймас заметно занервничал. Он отложил инструменты, метнулся к ржавой бочке и, порывшись в ней, вытащил бластер. Потом молниеносно кинулся к Мари и, схватив ее за руку, потащил к дверям.

— Вали внутрь и не высовывайся, поняла?! — прошипел он, затапливая ее в проем.

— Что случилось? — оцепенела Мари, но ответа не получила. Перед тем, как Шеймас захлопнул перед ее носом дверь, она лишь увидела подъезжающую к воротам куполообразную машину, похожую на свейх.

Не намереваясь сидеть тихой мышью, Мари осторожно приоткрыла дверь и одним глазом заметила появившихся гостей. Их было двое, оба зроу. Довольные, упитанные и отъявленные бандиты. Они громко ржали, вальяжно вваливаясь во двор.

— Давненько мы не были у тебя, Саймус! Как жизнь?

— Не жалуюсь, — фыркнул тот, стоя у нижней ступени крыльца и держа правую руку у бедра так, чтобы в любую секунду можно было легко закинуть ее за спину и схватить припрятанный за пояс штанов бластер.

Зроу остановились в паре шагов от него и выпятили вперед свои могучие грудины.

— Чего вам? — прямо спросил Шеймас.

— Как будто ты не знаешь.

— Знал бы — не спрашивал!

— Ты давно новостями интересовался?

— Давно.

Зроу переглянулись.

— Ты хотя бы в курсе, что Луисцар нашел свою невесту из палал?

— Да ну? — правдоподобно соврал Шеймас. — Что ж, поздравляю его! Если получится, пришлю открытку на свадьбу.

— Свадьбы не будет. Она изгнана в Трейс. За измену против Ордена.

— Ясно.

Зроу еще раз переглянулись, словно спрашивая друг у друга: «Как думаешь, врет?»

— Нам приказано ее обработать.

Шеймас сжал кулаки.

— Нэим приказал? — сквозь зубы спросил он.

Зроу засмеялись, топчась на месте.

— У Вейца она так и не появилась. Мы решили, что она отправилась к тебе. Ты нам маякни, если она объявится. Заработаешь к карме.

— И что вы с ней сделаете?

— Заставим примириться со своим новым положением и забыть о возвращении. К сожалению, ее, как и тебя, запрещено убивать. Но она получит гамму ярких впечатлений.

Мари отошла от двери, прижалась спиной к стене и продолжила просто слушать разговор и собственное участвовавшее сердцебиение.

— Ты же еще помнишь, как из тебя выбивали Шеймаса, превращая тебя в нечто новое, в Саймуса? У меня, если честно, иногда встает от одних только воспоминаний.

Зроу злорадно заржали.

— А если она сама откажется от прошлого и признает себя аглом? — спросил у них Шеймас.

— Она? До нас дошел слух, что она с коготками. Вгрызается в горло. Да и запечатленная она. Просто так не сдастся. Придется ставить ей мозги на место. Ребята уже ждут. Хотят ее по кругу пустить. Каждый норовит трахнуть последнюю из палал.

Мари зажала рот ладонью и сползла на пол. Вслед за их откровением послышался смех-хрюканье, прекратившийся двумя тихими хлопками. Все стихло. Мари с трудом взяла себя в руки, подползла к двери и выглянула щель. Шеймас по-прежнему стоял у нижней ступени. В руке он держал светящийся бластер и молча смотрел

на два обездвиженных тела у своих ног.

Мари вскрикнула, что вынудило его обернуться. Она подскочила на ноги и толкнула дверь. Увидев картину произошедшего целиком, Мари взревела:

— Ты убил их!!!

Шеймас молча сунул бластер за пояс и, вздохнув, склонился к одному трупу. Взяв его за ноги, он поволок его к машине, оставляя за собой кровавый след на песке. Мари затошнило. Отвернувшись, она скрестила пальцы и закрыла глаза. Шеймас засунул тела зроу в их машину, запрограммировал ее на дорогу и отпустил. Когда ее рев перестал быть слышен, он лопатой соскреб землю с кровью в ведро, куда-то его унес и спокойно вернулся к работе.

Мари затрясло от ужаса. То, с каким хладнокровием Шеймас убил этих двоих, наводило на весьма страшные мысли. Ему это не в новинку! Чтобы успокоиться, она решила побыть подальше от Шеймаса. Мари не боялась его, просто пока не была готова вновь заговорить с ним, несмотря на возникшие вопросы.

Мари хорошо помнила, как недавно стреляла по голограммам. Жестоко, но это было игрой. А Шеймас убил в реальности!

Мари полдня просидела в мастерской, тупо слушая капающую из подтекающего крана воду и звон металлических ударов во дворе. Очнулась она, когда на пороге появился Шеймас — грязный и мокрый. Мари вздрогнула. Он окинул ее хмурым взглядом, дошел до холодильника, вытащил оттуда какой-то пакет и снова ушел. Но с той минуты Мари стала чувствовать его рядом. Он будто оставил частичку себя в мастерской, и она поняла, что их души начали объединяться, как это было с Луисцаром. Мари обожгло адской болью. Ею был пронизан весь Шеймас — его тело, сердце, разум. Его истязали. Долго, мучительно. Он страдал за правду, страдал за свою расу, страдал за любовь к брату. А потом все прекратилось. Но Мари не видела, чтобы он сдался. Тогда почему от него отстали? Почему его оставили в покое?

Боясь лезть в его душу и не зная, с чего начать разговор после столь насыщенного дня, она до последнего не выходила из мастерской. Шеймас вернулся поздним вечером. Держа в руке подсвечник с горячей свечой, он негромко обратился к сидящей на сундуке Мари.

— Ужинать будешь?

— Что-то не хочется, — ответила она, вопреки тому, что уже почти

двое суток ничего не ела.

— А фруктовый пирог будешь? С травяным чаем?

— Чт-то? — От услышанного Мари подавилась собственными словами.

— Идем, — Шеймас кивнул на дверь и развернулся.

Мари поднялась на непослушные ноги и пошатывающейся походкой двинулась за Полукровкой. Они обогнули коридор под лестницей и подошли к добротной двери, за которой их встретил другой — чистый, светлый и сухой коридор. По полу вилась красная ковровая дорожка. На стенах висели картины и канделябры. На подоконниках арочных окон стояли цветочные горшки с цветущими комнатными растениями. Шеймас шел, не останавливаясь. Мари старалась не отставать.

— Это западная башня. Каждую ночь окна и двери автоматически закрываются пуленепробиваемыми пластинами, — начал объяснять Шеймас и, проходя мимо сенсорной панели, быстро набрал на ней нужный код. Спустя секунду послышался шорох. Окна закрылись, окунув коридор во мрак. Раздались щелчки, чередой уходящие вглубь, и лампочки в канделябрах зажглись одна за другой. Вновь стало светло. Шеймас задул свечу, отставил подсвечник на этажерку около резной скамейки и пошел дальше. — Здесь три этажа. На первом кухня, столовая, туалет, ванная, прачечная, котельная. На втором и третьем комнаты. Это Гилья, — он открыл дверь в небольшую столовую, где невысокого роста служанка накрывала на стол.

— Здравствуйте, госпожа! — с улыбкой поприветствовала она Мари, и ее зеленая кожа стала еще зеленее.

— Гилья живет здесь, — пояснил Шеймас. — Она ухаживает за башней, за мной и за нашими питомцами. Мы называем их Стражами.

У Мари отвисла челюсть. Она пораженно уставилась на Шеймаса. Он молча повернулся к стене, где тоже была сенсорная панель с экраном, ввел еще один код и показал видео с камеры наблюдения в просторной подвальной клетке, вмещающей в себе нескольких огромных чудовищ, похожих на адских псов.

— Это что за церберы? — в ужасе спросила Мари, глядя, как те чавкают кусками мяса.

— Жизнь заставила завести, — ответил Шеймас и выключил панель. — Если не передумаешь покупать замок, то придется брать его

вместе с Гильей и Стражами. Без них ты и дня здесь не протянешь.

Мари перевела озадаченный взгляд на служанку. Та, ничуть не смущенная, продолжала улыбаться.

— Присаживайтесь, а то остынет, — любезно сказала она, указывая на стол.

Шеймас сел во главе стола, а Гилья выдвинула стул по правую руку от него и пригласила Мари. Когда она села, кое-как натянув улыбку и кивнув служанке, та подставила им по чашке с теплой водой и подала полотенца. Они молча вымыли руки, после чего Шеймас ловко намазал хрустящий тост подтаявшим маслом и принялся есть. Гилья налила всем по порции супа и тоже села за стол.

— Как прошел день? — беспечно любопытствовала она.

Мари чувствовала себя напряженной с каждой новой минутой. Через силу она взяла ложку и зачерпнула ароматного супа.

— Плодотворно, — жуя, ответил Шеймас. — Я отправил Нэиму посылку с двумя трупиками. Так что скоро нас снова навестят.

— Наконец-то. А то как-то скучно стало, — грустно улыбнулась Гилья. — Давно я вам швы не накладывала.

Мари рефлексивно взглянула на оголенные руки Шеймаса, но никаких шрамов не увидела.

— Браслеты, — пояснил он, будто считав ее мысли. — Тебе только предстоит узнать, что такое быть узником Нэима.

— Не пугайте ее, господин! — погрозились Гилья. — А вы не слушайте его, госпожа Мариэль! Если не встанете между господином Луиссаром и госпожой Лейсандрой, дадите им пожениться, то от вас отстанут. Вы кушайте-кушайте, я вкусно готовлю.

— А мясо для бульона берете в холодильнике мастерской? — спросила Мари, глядя в наполненную ложку и не решаясь есть.

Гилья нахмурилась, укоризненным взглядом уколола Шеймаса и ответила:

— В том холодильнике хранится еда для Стражей.

Мари повела бровями и с жертвенной осторожностью попробовала суп. Он действительно оказался очень вкусным. Она улыбнулась Гилье и активнее стала черпать из чашки.

— Завтра сошью вам пару платьев. Вы не переживайте, господин научит вас безопасности. Да и я вас не оставлю. Мне даже нравится ваша идея основать здесь отель. Когда Нэим убедится, что вы не

намерены возвращаться, он успокоится. Вы только о господине Луисцаре и о накопителе ни с кем не говорите. И не проболтайте, что знаете губителей Палалии.

— Гилья, — сделал ей замечание Шеймас, — жуй молча.

— Простите, господин, — сникла та и, уткнувшись в свою тарелку, стала ужинать.

Мари с удовольствием съела суп, рагу и кусок пирога с чаем. Потом Гилья проводила ее в ванную комнату и вручила мягкое полотенце и халат.

— Не ущемляйте себя в воде и мыле. Купайтесь вдоволь.

Мари поблагодарила ее и полтора часа отмокала в теплой воде, смывая с себя пыль, грязь, пот и слезы. До покраснения натерев кожу так, что та скрипела чистотой, она влезла в халат, обернула голову полотенцем и вышла, запинаясь о длинные полы.

В коридоре, развалившись на кожаном диванчике, ее ждал усталый Шеймас.

— Думал, ты утопилась, — проворчал он. — Идем, провожу тебя в твою комнату.

Мари послушно поднялась с ним на третий этаж, где Шеймас ввел ее в очень уютную спальню с широкой кроватью и закрытым металлической пластиной балконом.

— Моя в конце коридора. Гилья этажом ниже. Будь добра, не шатайся по ночам по башне и не вопи.

Сказав это, Шеймас зашагал к себе. Мари вышла обратно в коридор и задержала его:

— Ничего не хочешь объяснить?!

— Нет.

— Они издевались над тобой?!

Он остановился, пару раз вздохнул и медленно обернулся.

— Что ты хочешь услышать? Что они лишили меня личности? Лишили целей? Лишили сердца и сострадания? Превратили в робота? Превратили в машину для убийства?

— Они сломили тебя, но не уничтожили! Я же чувствую! Тебе не плевать на нашу расу и не плевать на меня.

— Ошибаешься! — Шеймас развернулся и скрылся за дверью своей комнаты.

За спиной Мари появилась Гилья. Она принесла ей графин с водой

и стакан.

— Он не признается, — произнесла она, входя в комнату. — Господин никогда не давит на жалость.

Мари тоже зашла и тихо прикрыла дверь.

— Он пережил страшные вещи, госпожа Мариэль.

— Расскажите, Гилья, — попросила она.

Та поставила воду на стол и, сев на стул рядом, сказала:

— Вам лучше присесть.

Мари повиновалась, опустившись на край кровати. Гилья выдержала недолгую паузу и ответила:

— Господин Саймус ждал вашего появления в Трейсе. Он знал, что головорезы Нэйма переключатся на вас и забудут о нем. Но что-то случилось. Почему-то он не может выдать вас им. И этим навлекает на себя еще больше проблем.

«Запечатление», — догадалась Мари, подумав о том, что сама впервые в жизни выдерживает общество с таким человеком, как Шеймас. Только запечатление способно удерживать их, двух совершенно разных людей, рядом друг с другом.

— Вот только вам повезло. У вас есть защита. А господину Саймусу приходилось самому себя защищать. Они не убьют вас. Из-за господина Луисцара. Госпожа Тальина не позволит. Любит она его. Но они превратят вашу жизнь в такой беспросветный кошмар, что вы сами станете искать смерти.

Мари потеревала ткань халата и, замявшись, спросила:

— Они насильовали его?

— О, нет-нет, — с пониманием ответила Гилья. — Один попытался. Он стал первым, кого убил господин Саймус. Больше с подобными желаниями к нему не приставали.

— Вы знали его с самого начала?

Служанка помотала головой.

— Пожалуй, я расскажу вам все по порядку. Издревле Трейс был поделен на расовые области. Позже аглы переезжали из области в область, рождали полукровок, и так наш мир видоизменился. Но официально эта область по-прежнему принадлежит зроу. Они здесь главные, и господин Нэйм не просто так отправил господина Саймуса сюда. Он лишь не предвидел, что у того здесь есть собственный замок. Господину Саймусу не пришлось скитаться, но это не избавило его от

проблем. Поначалу он был зол, взбешен, намеревался выбраться из Трейса, доказать свою невиновность и преступление госпожи Тальины и господина Нэима. Он настаивал на своих обвинениях и обличал губителей Палалии в трейсовских новостях. Это вызвало шумиху и недовольства Орденом. Репутация Совета стала неприятно пахнуть. И господин Нэим решил закрыть рот господину Саймусу. Его люди приходили по два-три человека. С дубинками, плетками, кастетами. Как только у господина Саймуса сходили побои, они возвращались. Они требовали с него клятву и публичное опровержение своих обвинений. Он не сдавался. А два года спустя после первого убийства, разозлившего господина Нэима, к нему приехали сразу пятнадцать аглов.

— Пятнадцать против одного? — ужаснулась Мари.

— Это я нашла его, — грустно вспомнила Гилья. — Они ошибочно решили, что он умер, и сбросили его со скалы в реку. Раньше я жила в хижине вниз по течению. Промышляла рыболовством. В тот день вместо рыбы я выловила господина Саймуса. На нем живого места не было. Полтора месяца я кормила его с ложечки. А когда он встал на ноги, он проклял меня за то, что я спасла его, потому что для него все начнется заново. И он ушел в лес, кишаций каврами. Оттуда еще никто не возвращался. Кавры свирепы и враждебны. Единственные дикие звери Трейса, которых нельзя одомашнить. И что вы думаете? Господин Саймус вернулся спустя неделю и вел за собой пятерых кавров. Они шли как бычки на привязи, безоговорочно подчиняясь ему. Знаете, что он сделал? Он вступил в схватку с их вожаком. И победил. С того момента кавры считают своим вожаком его. Тогда господин Саймус собрал всю волю в кулак и бросил вызов судьбе. Его подбадривало, что у него появились единомышленники, друзья и телохранители. Вейц, Тамани, я, кавры, парни из телепортационной зоны.

— И что было дальше? — не терпелось Мари.

— Господин Саймус вернулся в замок. Он предложил мне работу, и я согласилась. Привязалась я к нему. Он мне моего сына напоминает. — Гилья печально вздохнула. — Господин Нэим не дремал. Снова приехали его аглы. Во двор вошли двенадцать. Вышли семеро.

— А остальные?

— Кавры. Они вступились за своего вожака. И господин Саймус оставил их при себе, дав им гордое звание Стражей. После этого было

относительно тихо. Потом в Трейс прибыл сам господин Нэим. Он назначил господину Саймусу встречу, но теперь не мог диктовать условий. Ему пришлось прокатиться по пыльной дорожке и войти во владения господина Саймуса. Они долго разговаривали. И договорились. Господин Саймус выполнил его просьбу: объявил о ложности своих показаний против губителей Палалии. А господин Нэим отозвал своих аглов. Вот только он лжец и никогда не сдерживает обещаний. Поэтому и от других не ждет честности. Все равно время от времени — два-три раза в год — они появляются. Иногда просто напоминают господину Саймусу об уговоре. Иногда пускают в ход кулаки. Но, не буду лукавить, не зря господин Нэим так боится. Господин Саймус хоть и создал убедительную иллюзию своей новой жизни, он не перестает бороться. Он хороший механик, лучший, зарабатывает огромные для Трейса деньги. Все тратит на поиски накопителя. Платит аглам, которые в других мирах бывают, чтобы они там через свои связи информацию искали. А еще он собирает свейх. Такую машину здесь за все деньги мира не купить. Господин Саймус находит или скупает подходящие запчасти, переделывает их и помаленьку идет вперед. Все считают его дикарем, отшельником, пропойцей. Многие уже забыли о его королевской крови. Зовут Полукровкой, говорят о нем с пренебрежением. И эта маска помогает ему выживать. Каждый его день, каждый его вздох исключительно во имя справедливости. Он жаждет наказания госпожи Тальины и господина Нэима.

— А почему он решил продать замок?

— Из-за вас. Как только в новостях объявили о том, что вы нашлись, господин Саймус воодушевился. Знал, что теперь он станет неинтересен своим врагам. У них появилась новая опасность. Вы. Тогда он дал объявление о продаже замка. Решил перебраться в другую область, более богатую. В Трейсе с этим проблемы. Чтобы мигрировать, нужно платить налог Ордену. Но как я сказала, господин Саймус не бедствует.

Мари побледнела. Не очень-то приятно узнать, что тебя хотели отправить на убой. Гилья это заметила и поспешила объяснить:

— Вы не подумайте ничего дурного. Это он на словах такой. Я знала, что не подставит он вас. Поэтому и не паникую из-за продажи замка. Внутри господина Саймуса все еще живет тот, кто когда-то

мечтал о карьере космического воина, о работе в Ордене, о почетных миссиях Междумирья. Когда вас изгнали, господину Саймусу сразу сообщили, что вы едете к нему. Мы вас ждали. Я просила его встретить вас как положено, но он решил вас спровадить. Сказал, мол, сама дура, раз сюда попала. И не хотел брать на себя ответственность за вас, — тише добавила Гилья. — А вы оказались слеплены из теста без ванили. Не сбежали. Да он бы вам и не дал сбежать. Когда вы к Тамани пошли, он тут себе места не находил, а потом психанул, сел на мотоцикл и за вами рванул. Вы не бойтесь его. Ему пришлось взять в руки оружие. Те подонки заслужили это.

Мари не знала, что сказать. То, как обошлись с Шеймасом, бесчеловечно. Но чего еще можно ожидать от тварей, угробивших целый мир? Ничего удивительного, что Нэим и Тальина каждый день проживают в страхе и заработали паранойю.

— Возможно, я лезу не в свое дело, — деликатно добавила Гилья, — но рядом с вами господин Саймус меняется. Вы как будто что-то шевельнули в нем. Я очень надеюсь, что вы затынете с выплатой долга и как можно дольше поживете вместе. Это не только в интересах вашей безопасности. Вы единственные из палал. Вам нужна подпитка друг от друга, ради будущего вас обоих.

Мари опять не нашлась, что ответить. Служанка поняла, что затронула слишком личную тему, и сразу встала.

— Извините. Я люблю поговорить и часто болтаю лишнее. Вы не обижайтесь на меня. Ложитесь спать. Здесь вам нечего бояться. — Она дошла до двери и, обернувшись, на прощание пожелала спокойной ночи.

Мари ответила кивком с полуулыбкой и, когда Гилья ушла, выдохнула. Только в тот момент она опомнилась, что периодически затаивала дыхание, слушая откровения служанки. Потерев застучавшие виски, Мари выпила стакан воды и прошла по комнате. На стене над столом она обратила внимание на большое полотно в рамке — подробную карту Трейса. Взглядом отыскав область зроу, она задумалась. После услышанного отступить было поздно. Никто не выпустит ее из области, и за ней будут следить долгие-долгие годы, пока жив Нэим, пока жива Тальина. Может, Гилья права, Мари и Шеймасу надо держаться вместе, бок о бок преодолевать трудности. Тем более он все еще ищет накопитель. Он не предавал расу своей

мамы. А Мари каждой клеточкой тела чувствовала, как страдали ее соплеменники. Такое нельзя прощать!

— Что ж, — вздохнула Мари, — по крови я палал, а по духу русская землянка. И ты, Нэим, еще не представляешь, с кем связался!

Глава 18. Первая деловая встреча Мари

Спала Мари плохо, но наутро чувствовала себя достаточно бодро, чтобы приступить к делам. Она пришла на кухню намного позже Шеймаса и от Гильи узнала, что он уже позавтракал и принялся за работу. Служанка накормила Мари вкусной кашей с мягкой воздушной лепешкой и напоила ароматным травяным чаем. Потом сняла с нее мерки и поинтересовалась, не нужна ли госпоже помощь.

— Нет, — ответила Мари. — Я еду в город, так что...

— Госпожа, это опасно! — испугалась Гилья.

— И что, прикажете мне всю оставшуюся жизнь сидеть в западной башне? Вы сами сказали, Нэим не убьет меня. Тогда чего мне бояться? Побоев? Они заживут. Изнасилования? Простите, Гилья, я давно не девственница, и беречь мне там нечего. Скажите, где мое платье? То, в котором я прибыла в Трейс?

— Я его постирала и выгладила. Оно в вашем шкафу.

— Благодарю, — кивнула Мари и направилась вон из столовой.

— Госпожа! — окликнула ее обеспокоенная Гилья.

— Не уговаривайте! Я приняла решение! Лучше займитесь пошивом одежды.

Мари вернулась в свою комнату, нашла платье, переделалась и собрала волосы в тугий хвост на затылке. Отыскав в ящике комода небольшую борсетку, она сунула в нее оставшиеся монеты и карту, заранее снятую со стены, изъятую из рамки и сложенную в шесть раз. Бессонная ночь дала Мари возможность о многом подумать и выстроить пошаговый план на пути к процветанию. Она была уверена в себе, а зачастую уверенность — главный критерий успеха.

Мари предупредила Гилью, что вернется, как только решит все вопросы, а та едва не всплакнула. Смотрела на новую госпожу тягостно-прощальным взглядом и поджимала свои темно-зеленые губы, сдерживая слезы.

Выйдя во двор, Мари увидела Шеймаса, ремонтирующего какой-то двигатель. Их взгляды пересеклись, и Мари вновь вспомнила вчерашнее двойное убийство. Она вовсе не боялась Шеймаса, но ей требовалось время, чтобы смириться с новой реальностью.

— Доброе утро, — на автомате поприветствовала она его и продефилировала к воротам.

Мари чувствовала, как его взгляд впился в ее спину и как Шеймаса разбирало желание спросить, куда она отправилась, или куда намылилась, если уж говорить на его языке. Шеймас промолчал. Вот и отлично! Мари посмотрела вдаль, туда, где на глазах оседал поселок, и в этот раз он показался ей ближе. Не теряя времени, они зашагала вперед. Не жалея ног и не думая о жажде, уже спустя час Мари была в поселке. На остановке дождавшись маршрутный аэробус, она полетела в город. Теперь она не обращала внимания на то, с каким любопытством ее разглядывают жители области. Пусть знают будущую бизнес-леди в лицо!

В городе Мари сразу отправилась в телепортационную зону. Ей повезло, на смене были те же парни, что встречали ее два дня назад. Они узнали ее и встретили с улыбками.

— Эй, палал, не выдержала Саймуса?

— Да нет, все в порядке, — махнула она рукой. — У меня к вам деловое предложение.

— Валяй.

— Это долгий разговор. Может, есть место попримечней? — Мари указала на заплесневелый угол, откуда выползали тараканы.

— Можно в ресторанчике у Вейца посидеть. Нет, постой, ты же не хочешь попросить нас отправить тебя обратно в Опретаун? Учти, палал, здесь только вход, выхода нет.

— Опретаун — последнее место во Вселенной, где я хотела бы очутиться. Говорите, у Вейца неплохо? Отлично! Он мне тоже нужен.

— Дай нам минутку. Поглядим, что у нас по плану. — Парни столпились у планшета, изучая график. — Есть хорошая новость, из ста двадцати трех назначенных на сегодня судов прошли восемьдесят восемь. Осталось всего тридцать пять. И только одного отправят в нашу область. Мда... Бедная старушка. Придется найти ей местечко потише.

— Может, оправдают? — с надеждой произнесла Мари, сжавившись над женщиной.

Парни хрюкнули усмешками.

— Ладно, палал, идем. А то нам не терпится. Кстати, мы так и не представились. Я Эксул, а это Сегас и Цем.

Те покивали ей, и Мари улыбнулась:

— А я Мариэль. Впрочем, вы знаете...

Вейцом, о котором все твердили, оказался не толстопузый собственник пропахшего борщом пансиона, каким Мари успела его вообразить, а молодой парнишка с притягательной улыбкой, оттопыренными заостренными ушами и небесно-голубыми глазами. Мари даже уточнила, тот ли это Вейц, или его сын, племянник, внук. На вид ему едва ли было двадцать пять. Но неоперенность не мешала его опыту. Вейц распорядился, чтобы гостям накрыли на стол в вип-зале, и Мари встретили по-королевски.

— Не верится, — восхищенно говорил Вейц, когда они уже сидели за столом. — Вы та самая Мариэль. Для аглов большая честь встретить в Трейсе хранительницу памяти целой погибшей расы.

— Хранители памяти — такие же смертные, как все остальные, — ответила Мари. — Если вы не против, я хотела бы перейти на «ты».

— Да-да, конечно, — улыбнулся Вейц. — Как там Саймус? Сто лет у меня не был.

— У вас симпатичный пансион, — заметила Мари, меняя тему разговора и подводя его к своей цели. — Все пять этажей жилые?

— На первом — ресторанчик, гостиная с телевизором, игровое измерение, библиотека, прачечная. А четыре верхних с комнатами.

— В принципе, уютно. Но может быть еще лучше. — Мари сдвинула посуду на края, а в центре стола расстелила привезенную с собой карту. — Ребята, выслушайте меня, пожалуйста, не перебивая. Вы друзья Шеймаса, так? Не спрашивайте. Мне Гилья рассказала. Поэтому именно к вам я и обращаюсь.

— Погоди, палал, — остановил ее Эксул. — Тебя позавчера в Трейс сослали. Разве ты не должна плакать, страдать, отчаянно пытаться оправдать себя?

— А поможет?

— Нет.

— Тогда надеюсь, мы больше не вернемся к этому разговору, — улыбнулась Мари. — Итак, область зроу считается самой бедной областью Трейса, так? У меня есть решение. Я знаю, как мы можем разбогатеть. Здесь потрясающие виды, поля, горы, реки. Жарковато, но не смертельно.

— Ты про наши пустоши? — удивился Вейц.

— Это не пустоши! Можно карандаш? — Мари принесли толстый

зеленый карандаш, и она начала нещадно рисовать на карте. — Тут бобовые, тут злаковые, тут табак, тут бахчевые, тут фруктовые сады.

— Зроу уже пытались засеять поля. Работать некому, а оросительные системы невероятно дорогостоящие.

— Зроу — бараны, извиняюсь за грубость. Они даже внешне на них похожи, — проворчала Мари. — Почему на полях некому работать? Потому что нет грамотного руководителя. Аглы, особенно не коренные, а сосланные, живут надеждой, что в один прекрасный день их оправдают и они вернутся домой. Они живут одним днем. Но за всю историю Трейса хоть один агл был реабилитирован? Нет! Мы можем привлечь людей к работе, все зависит от внушения. Их нужно убеждать, что назад пути нет, а жизнь надо прожить достойно. Оросительную систему совсем не обязательно покупать у соседних областей за баснословные деньги. У нас есть отменные механики, которые сами все смастерят. Эти поля будут кормить всю область! Но и это не все! В горах есть родник, — Мари ткнула карандашом в обозначение на карте. — Там надо открыть санаторий. В нашу область будут ехать отовсюду! Твой пансион, Вейц, станет пятизвездочным отелем за два кредита не за месяц, а за час. Паб «У Тамани» станет лучшим баром в округе. В автобусах целесообразно установить кондиционеры и приставить к ним гидов, которые будут рассказывать об области туристам и гостям. Я вижу здесь огромный потенциал.

— Толково, — заметил Вейц, оценив идеи Мари. — Но мы-то тебе зачем?

— У меня не самые теплые отношения с зроу, и мне будет сложно с ними договориться.

Парни переглянулись.

— Ладно, — согласился Вейц. — Я займусь этим. Но тебе ведь нужно что-то еще?

— Разумеется, — ответила Мари. — Я собираюсь заняться фермерством в своем поместье и превратить замок в отель. Тебе я не конкурент, у нас там соблазнительных мест мало. Мой замок, скорее, подойдет для работников полей, ферм, да для пожилых, желающих пожить подальше от шума и загрязнений. И передо мной остро встал вопрос рабочих рук. Мне нужны люди. Вы встречаете сосланных и распределяете их. Все равно я думаю, с рабочими местами здесь тяжело, зато богаты трудовые резервы. Пока я обещаю только еду и кров, но в

скором будущем начну платить. Предлагая аглам работу и жилье у меня, вы меня очень выручите.

— Работу под горой Жопой? — вздохнул Сегас.

Мари с усилием зачеркнула название на карте, а сверху написала «Палалия».

— Отныне эта гора будет называться Палалия и с годами обрстет легендами. Я предвижу, как десятилетия спустя гиды рассказывают туристам о том, что когда-то двое последних из палал — полукровка и хранительница памяти расы, будучи изгнанными в Трейс, обосновались в замке под горой и превратили некогда нищую, погибающую пустошь в райский уголок, — Мари мечтательно вздохнула. — Все это возможно и реально! Нужно лишь сплотиться и выдержать трудности. Через год вы не узнаете родную землю. Через десять будете смеяться, вспоминая прошлое.

Парни уставились в карту, а Мари уставилась на парней. Она ждала хоть какого-то ответа: поправки, неуверенности, споров. Хоть что-нибудь! Но они молчали. Время стало извиваться бесконечной змеей, опутывая и сдавливая грудь Мари так, что от волнения у нее заложило уши.

— Где ты жила? — наконец потрясенно пробормотал Вейц, подняв лицо и взглянув на Мари.

— В недоразвитом мире, — улыбнулась она, облегченно задышав.

— Аглы привыкли к легкой наживе. Выживать, воруя, обманывая, предавая. Придется потрудиться, чтобы убедить их работать.

— У вас есть газеты, есть теленовости! Вы же не в пещере живете! Счастье не падает с неба, его надо заслужить. Никто не говорит, что будет легко. Но мы можем создать здесь такие условия, что законопослушные жители миров сами будут проситься, чтобы их сослали в Трейс! Да что там — жители! Сами члены Совета будут проситься в наш санаторий!

— Мариэль, — Вейц встал и выпрямился перед ней, — я верю в Саймуса. Однажды он найдет накопитель, докажет свою невиновность и вернется в Опретаун. Зачем тебе все это?

— Именно поэтому. Он докажет свою невиновность, а я нет, — произнесла Мари. — Я здесь навсегда. И я не хочу жить в сточной канаве!

Парни понимающе закивали. Вейц качнулся с пятки на носок и

тоже кивнул:

— Хорошо! Мы попробуем! Когда начнем?

— Полчаса назад, — ответила Мари.

— Мы составим списки тех, кто подходит для работ. Каждому разошлем приглашения. Кто проигнорирует, будет ознакомлен с задачей и условиями лично. Почтальонам выдадим листовки с призывом объединиться во благо будущего. Пусть вкладывают в газеты. На первой полосе предложим зроу напечатать их положительное решение. Уверен, я найду способ умаслить их.

— Спасибо. Вы не пожалеете, парни. — Мари сложила карту и вернула ее в борсету. — Я бы с радостью осталась погостить у вас, но у меня много дел в замке. Я успеваю на аэробус?

— Да, на последний, — осведомил ее Эксул. — Мы проводим.

Мари улыбнулась и отдернула шторку-ширму. Прежде чем выйти из вип-зала, она обратила внимание на ресепшн, где администратор оформлял номер для постояльца. Это был зроу. И не кто-то незнакомый, а сам...

...Нэим!

Глава 19. Секрет Нэйма

Он попался на глаза не только Мари. Вейц даже взял ее за руку и затащил обратно за ширму. Парень испугался, что Мари вспылит, а ее публичные разборки с Нэймом совсем не входили в его планы чудесного будущего для пансиона.

— Да я только автограф попрошу, — с напускным протестом сказала Мари, высвобождаясь из крепкой хватки Вейца.

— Нэйм любит быть в центре внимания, но поверь, это не то место, где он согласится расписаться на твоих... — Он опустил на грудь Мари причинно-похотливый взгляд. Осталось только облизнуться и повилить хвостом, будь тот у Вейца.

После того, как Шеймас несколько раз унизил Мари, задев ее фигуру и внешность, откровенный флирт его друга пришелся ей по душе. «А он соблазнительный даже с такими ушками», — с улыбкой подумала она, но вовремя встрепенулась. Нэйм! Мари выглянула из-за ширмы. Ее заклятый друг зроу взял ключ-жетон и отправился к лифту.

— Часто он тут гостит? — спросила она, наблюдая, как Нэйм входит в кабину, жмет кнопку, и двери за ним задвигаются.

— Бывает, — расплывчато ответил Вейц прямо над ухом Мари, отчего она выпрямилась и обернулась.

Парень был на голову выше, что позволяло ему пялиться на ее грудь. А та, как назло, выглядела вполне аппетитно в глубоком декольте платья.

Мари щелкнула перед носом Вейца пальцами и привела его в чувство.

— А? — переспросил он, сияясь не смотреть ниже губ Мари.

Парни из телепортационной зоны засмеялись. Похлопав Вейца по плечу и пожелав ему удачи, они один за другим вышли из вип-зала.

— Палал, ты идешь? — окликнули Мари Цем.

— Нет. У меня появилась веская причина задержаться в городе, — ответила она. — Возвращайтесь к делам.

— Увидимся!

Они ушли, а Мари вновь посмотрела на Вейца, напрягшегося от безудержного желания раздеть ее взглядом.

— Ну!

— А? — Он опять открыл рот от непонимания происходящего.

— Я о Нэиме, Вейц! — напомнила Мари.

— Ах, да, точно! — Вейц почесал затылок. — Трейс, как бы курьезно это ни звучало, развитый мир. Но здесь есть места, где можно не опасаться аудио- и видеозаписи накопителей. Например, в области зроу. Говорят, раньше и тут всюду были напичканы следящие устройства, потом их поломали, а на новые установки Орден тратиться или не хочет, или не в состоянии. В общем, влиятельные «шишечки» скрываются тут от зоркого глаза Совета, когда воротят черные делишки.

— А чем Нэим занимается? Ну кроме «заботы» о пасынке своей возлюбленной?

— Ты не захочешь это знать.

— О, интригует, — хитро улыбнулась Мари.

Вейц потек, как мороженое на солнцепеке. Мари была женщиной не только с мозгом, но и с чувством. То, что парень запал на нее, она прекрасно поняла. И пусть пользоваться этим жестоко, но чего не сделаешь ради победы над несправедливостью!

Мари шагнула вперед и, вплотную прижавшись к Вейцу, похлопала ресничками.

— Вейц, ты же мне теперь дружочек? — Она закинула одну руку за его шею. — Расскажи.

Он остолбенел. Не ожидал, что она начнет кошкой извиваться. Это даже к лучшему! Стопроцентная гарантия успеха Мари.

Вейц положил руки на ее талию и осторожно, с натянутым усердием отодвинул от себя.

— Ты разве с Саймусом не запечатлелась?

— С чего бы это? — Мари снова шагнула навстречу.

— Вы же последние из своей расы. Подходите друг к другу.

— Значит, не подходим.

Мари начала злиться из-за этого проклятого запечатления. Так и хотелось бросить вызов Вселенной, за нее решающей, с кем и когда ей быть. Один из запечатленных ее предал, второй... Шеймаса в качестве партнера Мари вообще не рассматривала! Она лучше залезет под осла, чем поцелуется с этим грубияном!

— Ты серьезно? — В глазах Вейца загорелась надежда. — Вы не запечатлелись?

— Да что ты заладил! — Мари закатила глаза. — Ей-богу, развитые вы мои, как чурбаны все до единого. Вместо того чтобы даму на свидание пригласить, решаете, кому она принадлежит. Да даже если принадлежу, чем это мешает отвоевать меня? Странно, что при таком «развитом» отношении к женскому полу, женщины вообще выходят за вас и рожают вам детей! Меня здесь аэробус возбуждает больше, чем любой из вас. — Она пальцем ткнула в грудь Вейца так, что он взволнованно вздрогнул. — Я девушка абсолютно свободная, да еще и с разбитым сердцем. Меня недавно жених бросил, — уточнила она. — Так что дерзай, ушастик, пока какой-нибудь другой отважный скакун не оседлал эту буйную кобылицу.

Вейц сглотнул. Мари не представляла, что именно его парализовало — ее наступление, флирт или прозвище «ушастик». На самом деле, меньше всего сейчас ей хотелось с кем-то крутить романы. Но кроме Нэима, у Мари было еще две причины позаигрывать с Вейцом. Во-первых, за те недолгие десять дней, что она провела с Луиссаром, запечатление вернуло и укрепило в ней чувства тридцатилетней разлуки, и ей действительно было невыносимо больно от его предательства. Во-вторых, после хамства Шеймаса хотелось как-то поднять собственную самооценку.

Вейц по-прежнему молчал. Разочарованно выдохнув, Мари отошла от него и пробурчала:

— Ты был прекрасен как Иисус...

— Что? — удивился Вейц.

— Шнур.

— Какой?

— В детонаторе. Не бери в голову. — Мари махнула рукой. — Мы остановились на Нэиме, — приземлила она его.

Вейц прочистил горло и начал оживать.

— Раз-два в месяц Нэим кое с кем здесь встречается.

— И этот кое-кто уже тут?

Он кивнул. Мари заулыбалась в ожидании дальнейших слов.

— В этом месяце он побил рекорд. Это уже четвертая встреча. Много нервничает, выпускает пар.

— Да ты что! — Мари деловито скрестила руки, видя незримый поднятый флаг ее фортуны. Тальина-то наверняка ни сном, ни духом, что ее любовничек иногда милуется с другой. — Проводи-ка меня в его

номер.

— Трейсовские аглы, — выругался Вейц. — С ума сошла? Нэим явился сюда из-за вашей вчерашней выходки. Да-да, я о вашем с Саймусом подвиге. Додумались прихлопнуть двух его шакалов. Сейчас он пушку разрядит и отправится разделяться с вами. А ты хочешь, чтобы он уничтожил тебя прямо здесь?

— Тебе же это на руку.

— Что? Кровавая расправа на четвертом этаже моего пансиона?

— Будет дом с привидением.

Вейц моргнул.

— Ты когда-нибудь унываешь? — почти шепотом спросил он.

— Знаешь, — вдохнула Мари, — я просто несла своему шефу гребаную лазанью, а оказалась в другом мире. Если бы я унывала, то не дожидаясь бы до этой секунды. И до этой тоже.

— Ты какая-то... какая-то необыкновенная.

— Ну да, на вашем фоне я вообще чудо света, — пробурчала Мари. — Так какой, говоришь, на четвертом этаже номер Нэима?

Вейц покачал головой.

— Вот же плутовка. Кусочками из меня вытягиваешь.

— А вы как в дешевом марвеловском блокбастере вечно держите несуществующую интригу. Нагнетаете на пустом месте, вместо того чтобы рассказать, так, мол, и так, Нэим потрахивает одну... или одного — я уже ничему не удивлюсь! — зроу, потому что ему надоедает ледяная Тальина. Вот скажи мне, что будет, если я нагряну к нему во время салюта? Не думаю, что он со спущенными штанами станет кидаться на меня. Я вижу критическое офигевание в его глазах, потом нашу беседу по душам и его бездейственное отчаливание обратно, под крыло опретов и Совета.

— Ты же понимаешь, что может быть иначе? Нэим всегда вооружен, а у парадного входа его ждет конвой.

— Хреновый конвой, раз меня до сих пор не обнаружил. Вейц, лапочка, — Мари вновь приблизилась к нему и теперь обняла его обеими руками, — ну что тебе стоит? Я только одним глазком. Исключительно в благих намерениях. Не думаю, что его спаривание впечатлит меня или научит чему-то новому.

— Ну не знаю, — замялся тот, сдаваясь. — Рискованно это.

— Вчера из-за меня Шеймас убил двоих. Сегодня Нэим пришлет

пятерых. Он же твой друг. Помоги мне оградить его от очередных пыток.

Вейц повел плечами, будто у него заклинило шею.

— Если не получится, Саймус с меня шкуру спустит.

— А если получится, мы с тобой сходим на свидание, — промурлыкала Мари. — По-моему, я уже доказала свой дар убеждения. Просто проводи меня до двери его комнаты.

Спустя минуту Вейц все же согласился.

— Только будь осторожна, — упрасивал он, выводя Мари из вип-зала.

Уже на выходе ее одолели необъяснимые ощущения. Будто вспышками перед глазами она увидела свечение переливающихся волос палал, крепкое мужское тело со смуглой кожей, по которой стекает капелька пота, голубоватый клуб сигаретного дыма и ярко-зеленые глаза, пронзающие ее горячими изумрудами. Замерев, Мари огляделась. Вейц тоже остановился.

— Что с тобой? — нахмурился он.

Среди прочих посетителей ресторанчика Мари заметила курильщика, прячущегося за развернутой газетой. Подойдя к его столику, она наклонилась и, положив палец на сгиб бумаги, опустила ее. Шеймас выпустил еще одно облако дыма и, отложив газету, затушил окурок в пепельнице.

— Следишь за мной? — прошипела Мари, ненавидя подобные выходки.

— Я приехал в город за сигаретами.

— Вейц, у тебя продают сигареты? — Она через плечо взглянула на застывшего на месте парня. Он пожал плечами, не зная, что ответить. Мари опять посмотрела на Шеймаса. Тот подскочил со стула и взорвался:

— Как только рядом искрит опасность, ты спускаешь свою задницу с поводка! Может, для тебя привычно быть запечатленной, а для меня это в новинку! И я ничего не могу поделать с этим отвратительным чувством ответственности!

— Эй, тише, — стал успокаивать его подлетевший Вейц. — Саймус, все в порядке. Никто не пострадал. — Озираясь, он одаривал посетителей нервной улыбкой. — Мари уже уходит.

— Ага! Наверх?! Чтобы на пипетку Нэима в щелочку подглядеть?!

— Саймус! — Вейц подхватил его под мышку и потащил из-за стола.

Мари повела бровями. У нее появился поклонник принудительной формы.

Вейц затолкал Шеймаса в лифт, дождался Мари и нажал на кнопку «4».

— Пожалуй, вам обоим нужно кое-что узнать. Но сначала остыньте! Между вами воздух плавится!

Мари и Шеймас сверлили друг друга недобрыми взглядами.

— Хоть бы майку сменил, когда в город собрался, — пропыхтела она.

— А ты, кобылица буйная, о контрацептивах позаботилась, предлагая себя первому встречному? — парировал Шеймас.

Вейц шлепнул себя по лбу:

— Надеюсь, встреча с Нэимом вас угомонит.

Они вышли в коридор нужного этажа. Вейц подвел их к ближайшему номеру «42» и, дав себе секунду, поглубже вздохнул. Потом посмотрел на Мари и Шеймаса и сказал:

— Если что, имейте в виду, вы оба мне нравились.

— Да никто тебя не убьет, — фыркнула Мари и ногой толкнула дверь.

Та поддалась с первого пинка. Нэим, уверенный, что их никто не потревожит, даже не запирался. Мари первой вошла в комнату и, увидев полуголого зроу на смятой постели, ядовито осклабилась. Нэим обомлел, и шок приковал его к кровати.

— Дорого-о-ой! — игриво протянула выходящая из ванной комнаты красотка. — Ой! — пискнула она, вращая в пол.

Мари и Шеймас медленно обернулись. Чулки с бантиками, маленькие трусики, прозрачная сорочка, плетка в руках и ужас в огромных глазах. Мари улыбнулась еще шире:

— Ну привет, Лейсандра!

Глава 20. Сделка

Бластер Нэима маняще сверкнул на тумбочке, но Шеймас обладал более молниеносной реакцией, чем старый зроу, и успел схватить оружие и прицелиться во врага. Нэим снова прилип к кровати. Мари тем временем, воспользовавшись растерянностью Лейсандры, выхватила у нее плетку и от души ткнула ею в промежность соперницы. Лейсандра вскрикнула и попятилась. Споткнувшись о кресло, она хлюпнулась в него и вскрикнула еще громче, когда Мари поднажала, склонившись над ней и заглянув в ее глаза.

— Смотрю, не жмет, — жестоко усмехнулась она, надавливая сильнее. — Просторное ведро. По инструкции опустить и поболтать?

— Отойди от нее! — рявкнул Нэим, побагровев от злости.

Шеймас ткнул бластером ему в висок, и он затих. Лейсандра, затаив дыхание, до предела вжалась в спинку кресла. Такой Мари ее еще не видела, и это зрелище не могло не умилять. Особенно после всей горечи, что досталась ей и Шеймасу от троицы их недругов.

— Что, — не убирая плетки, продолжила она, — нашла все эрогенные зоны у Луиса и отправилась на новые поиски? Неужели ничем не брезгуешь? Готова даже в самых древних песках рыться?

Непривыкший к чувству беспомощности Нэим зарычал.

— Давайте успокоимся, — примиряюще попросил Вейц, но ни Мари, ни Шеймас не шевельнулись. — У меня от вас мурашки по коже и вывих правого сердечного желудочка.

— Он же тебе в дедушки годится, — сочувствующе добавила Мари, игнорируя Вейца.

— Зато он мужчина! — выпалила Лейсандра. — Горячий, страстный! Лу следовало бы у него кое-чему поучиться!

Мари нервно хохотнула.

— А первый раз, наверное, у вас в дворцовом сортире был? — Лейсандра промолчала, и Мари засмеялась еще громче. — О, какие же вы предсказуемые голубки! — Она убрала плетку и, отбросив ее в сторону, шагнула назад. — Давно вы тут шлепаетесь?

— Не отвечай ей! — приказал Нэим. — Они ничего нам не сделают, иначе не выйдут отсюда живыми!

— Уверен? — Шеймас схватил его за ворот распахнутой рубашки и, подняв с кровати, подтащил к окну. Нэим лицом приклеился к стеклу и застонал после хруста в носу. — Где твой конвой? Видишь хоть одного? А я скажу, где. Кучкой на заднем дворе сложен. Не волнуйся, в этот раз все живые. Через пару часов очнутся.

Шеймас оттолкнул Нэйма обратно к кровати, и тот, запнувшись о собственные ноги, свалился на пол. Кряхтя он сел и стащив с постели простыню, стал вытирать ею кровь с лица.

— Чего вы хотите? — прошипел он.

— Лично я не отказался бы от помилования, — вмешался Вейц.

Шеймас и Мари укололи его осуждающими взорами, и он сжал губы в дальнейшем молчании.

— Мы не собираемся вас убивать, — ответила Мари, подойдя к Шеймасу и аккуратно опустив его вооруженную руку. — Слишком милосердно. Да и никому не принесет выгоды.

— Тогда к чему весь этот цирк?

— К сделке. Вы оставите нас в покое, в ответ мы не расскажем Тальине и Луису о вас с Лейсандрой.

Эта идея возникла у Мари взрывом сверхновой. Импровизации ее научила жизнь, и зачастую подобные решения шли ей на пользу.

— Они вам все равно не поверят, — подала голос Лейсандра.

— Неужели? — Шеймас тоже ожил, вероятно, поддерживая Мари. — Тальина живет в страхе. Если она получит анонимное послание, призывающее ее запросить отчет с регистраторов ваших телепортационных капсул, то обязательно это сделает. И заметит одну занимательную деталь. Как вы с Нэймом периодически в одно и то же время посещаете Трейс. Тальина сука, но не дура.

Мари одобряюще улыбнулась Шеймасу.

— Это наш единственный путь к партнерству, — сказала она Нэйму. — Вы открываете нам кислород и спокойно продолжаете свои фу-шалости. Я даже воздержусь в будущем врваться в вашу комнату, как бы сильно мне ни захотелось подглядеть. Клянусь. — Она сложила ладони как в молитве и похлопала ресницами.

Нэим ухмыльнулся:

— А ты быстро адаптируешься в новой обстановке.

— Вам тоже советую этому научиться. Жизнь непредсказуема. Неизвестно, где вы окажетесь завтра. Вдруг кто-то уничтожит всю расу

зроу.

На его окровавленном лице заиграли желваки.

— Что вы задумали? Вам никогда не найти накопитель.

— То, что нам нужно, мы уже нашли. Дом, — ответила Мари. — И никому из вас мы не позволим его у нас отнять! — Она подошла к Нэиму и присела напротив него. — Вы ничтожество, Нэим. Но жить ненавистью и жаждой мести к вам будет слишком великодушно с нашей стороны. У вас чрезвычайно завышенная самооценка, если вы считаете, что мы во сне и наяву думаем только о вас. У нас есть планы и цели, в которых вам нет места. Скоро вы в этом убедитесь. Ну так что? По рукам?

Он пронзительно посмотрел на нее и прошептал:

— Ты не палал. Они не были так расчетливы.

Мари победоносно улыбнулась.

— Вы дрянной человек, Нэим. А с такими только их же методами. Вы уничтожили мой мир, погубили моих соплеменников, убили моих родителей, заточили Шеймаса в тюрьму за правду и выставили меня изменницей. Но несмотря на все это, сейчас, держа вашу жизнь в своих руках, я даю вам шанс. Если это не глупость, а расчетливость, то что я выиграю? — Она встала и выпрямилась. — Мы уходим. А вы подумайте.

Шеймас покрутил бластер в руке и сказал:

— Это я оставлю себе.

Сунув оружие за спину, он направился вслед за Мари. Дойдя до выхода, она обернулась и на прощание настоятельно порекомендовала:

— Кстати, Нэим, у вас отвратительные трусы в горох. Прикупите себе кожаные стринги, что ли. От них у Лейсандры вообще башню снесет.

Сказав это, она оставила Нэима и Лейсандру и вместе с Шеймасом и Вейцом вошла в кабину лифта. Спускались они молча. Каждый думал о своем. И только на первом этаже Вейц наконец очухался:

— Ну вы, ребята, даете. Я чуть в штаны не наложил. С вами опасно иметь дело.

Мари и Шеймас переглянулись. Дружбы между ними не зародилось, но возникло некое доверие. Мари вдруг поняла, что рядом с этим мужчиной ей нечего бояться. И в его глазах она прочитала что-то схожее. Шеймас словно обрел поддержку, более крепкую, чем ему

оказывали друзья.

— Думаете, поведется? — спросил Вейц.

— Мы выиграли время, — ответила Мари. — Пока Нэим не решит, как приструнить нас, у нас развязаны руки. Так что как можно скорее улаживай вопрос с советом области. Нэим ручной не навсегда.

— Саймус? — Вейц обратился к другу. — А ты что скажешь?

— А что тут скажешь? Она права. Во всем права, — Шеймас вновь посмотрел на Мари. — И это начинает меня пугать.

— Что именно? — недопоняла Мари.

Вейц кашлянул и, с осторожностью оглядевшись, вполголоса пояснил:

— В Трейсе еще не было революционеров. А то, что предлагаешь ты, это тотальная перестройка всей системы. Поначалу нас не воспримут всерьез. Но когда область разбогатеет, Орден напомнит, кто хозяин во Вселенной.

— Пусть утрутся, — ругнулась Мари. — Это наш дом! И если понадобится, мы за него костями ляжем!

— Как ты можешь быть настолько уверена в аглах?

— Большинство из нас — несправедливо осужденные. Еще часть — рожденные в Трейсе дети этих несправедливо осужденных. При правильной мотивации мы станем не просто семьей, мы станем армией! Не страх должен править нами, а мы страхом.

Шеймас устало потер лицо и спросил:

— Ты закончила? Последний автобус уже ушел. Если не хочешь ночевать в городе, могу подвезти до замка.

Мари не очень нравилась манера вождения Шеймаса, но в замке было слишком много работы. Когда в него начнут прибывать рабочие, Мари хотелось бы расселять их в чистых комнатах. Поэтому каждая минута была на счету.

— Ладно, — согласилась она. — Вейц, я буду ждать твоего сообщения. — Она обняла нового друга. — Желательно удовлетворительного.

— Я сделаю все возможное, — ответил он.

— И невозможное тоже, — уточнила Мари перед уходом. Выйдя на улицу и дойдя до мотоцикла Шеймаса, она ненадолго остановилась и спросила: — Ты снова уложил громил Нэима?

— Они мешали мне пройти.

— Ты знал, что они с Лейсандрой..?

— Нет. Вейц никогда бы не рассказал мне об этом. Ради меня самого. — Шеймас сел на мотоцикл и кивнул Мари. Когда она уселась позади него и нерешительно обхватила его руками, он добавил через плечо: — И все же мне жаль Лу. Он не заслужил такой стервы-жены.

Мари тяжело вздохнула и с обидой ответила:

— Как раз такую он и заслужил. Поехали!

Глава 21. Кавры

Гилья сшила Мари два платья и безрукавный плащ с капюшоном. Платья фермерские: не совсем убогие, но и не парадные. Они отлично подходили для прогулок на природе, но работать в них было неудобно, а на званый ужин такое надевать стыдно. Мари как можно тактичнее объяснила служанке, чего желает, и даже нарисовала выкройки на бумаге, после чего Гилья сшила для нее рубашку, жилетку и шорты. А через неделю дополнением к одежде привезла из города шляпу с завернутыми полями и сапоги. Солнце припекало с раннего утра, а под ногами вились колючие сорняки. Так что и то, и другое было как нельзя кстати в садовых работах, которым Мари посвящала большую часть времени. В самый пик пекла она убиралась в замке, но больше заботилась о восстановлении фруктовых деревьев и облагораживании огорода. Шеймас хоть и не упрекал ее куском хлеба, все равно Мари хотелось поскорее стать независимой.

— Этого не хватит, — задумчиво проговорил Шеймас, сидя на стволе давно поваленного дерева, жуя ягоды и разглядывая помятые бумаги.

— Что? — переспросила Мари, выпрямившись и поправив шляпу.

— Ты рассчитываешь продать из замка все ненужное, а на эти деньги подлатать крышу. Если ты собираешься крыть дыры заплатками, то да — хватит. А если менять кровлю, то нет. Ты же не станешь светофорить. На всех башнях должна быть одинаковая черепица.

— Так может, сделаешь доброе дело и внесешь свою лепту в восстановление замка? Я десять дней в этом саду горбачусь, а ты не единой травинки здесь не вырвал!

— Это твой замок, — уточнил Шеймас, беззаботно закинув в рот еще горсть ягод. — Какие ко мне могут быть претензии?

— Тогда займи мне денег на ремонт.

— Ты и так мне должна.

— Скупердй, — проворчала Мари и продолжила рыхлить землю мотыгой.

— В восемнадцати милях к востоку резервация флиомов. С ними можно договориться. Они любой товар за полцены найдут.

Мари вспомнила Стона и Блина и улыбнулась. Те ради лазаньи были готовы на все. Почему же не допустить, что их соплеменники столь же сговорчивы?

— Флиомы, говоришь? — Мари заинтересованно сощурилась, опять посмотрев на Шеймаса. — Сможешь привезти мне кое-что из продуктов? Я напишу список.

— Ты умеешь готовить? — удивился Шеймас.

— Нет. Но им понравится.

— Валяй! Я все равно в город собирался. А если отравишь флиомов, возможно, я найду на их складах недостающие запчасти для своего свейха.

— Губу закатай. В городе заодно заскочи к Вейцу, узнай, как дела со зроу. Не до пенсии же мне ждать их ответа.

— Ты наивно полагаешь, что они согласятся? Твоя вера меня поражает. За десять дней ни один желающий не прибыл к тебе на подмогу. Аглам плевать на комфорт.

— Не суди всех по себе, — буркнула Мари. — И перестань тарачиться на мою задницу, когда я работаю. Дыру прожжешь.

— По-моему, ты поправилась. Аппетитней стала, — Шеймас подмигнул и закинул в рот еще ягод.

Мари приподняла шляпу выставленным вверх средним пальцем, отчего Шеймас лишь усмехнулся. Встав с бревна, он размял шею и сказал:

— Сегодня пойдешь со мной кормить Стражей.

— Еще чего!

— Скоро они станут твоими. Они должны знать новую хозяйку. Так что побереги силы. Кавры кидаются на слабых.

— Очень обнадеживающе, — вздохнула Мари и, отставив мотыгу, сняла перчатки.

Взяв бумагу и карандаш, она быстро написала список и протянула Шеймасу.

— Что ты собираешься готовить? — спросил он, хмуро прочитав заказ.

— Лазанью.

— Томаты в Трейсе — овощ экзотический. Может, картошечкой заменишь?

— Найди томаты! — заявила Мари и зашагала к замку. — А я пока

отдохну. Перед встречей с каврами. И я чувствую, как ты снова палишься на мою попу!

— А нехрен так сексуально одеваться, — проворчал Шеймас, сминая листок.

Услышав это бурчание под нос, Мари хихикнула и прибавила шаг.

До самого вечера она выслушивала беззлобные причитания Гильи о том, что задуманное — зря. Трейс — место, где никто никому не нужен. Жизнь — боль. Впрочем, за десять последних дней это стало ритуалом Гильи во время завтрака, обеда и ужина — что-то вроде молитвы. Но Мари привыкла черпать силы из своего подсознания, радоваться мелочам и стоять до последнего. Чтобы лишить ее стремления, надо очень постараться. Если у кого-то вдохновение — это море с сезонными штормами и штилем, то у Мари — незатухающий вулкан. Именно ее энергичность принесла ей успех в прошлом, и принесет в будущем, в чем она не сомневалась ни на секунду.

Трейсовские ночи в корне отличались от привычных Мари. Вроде то же небо, напоминающее бесконечное темное покрывало, распростертое над землей; тот же обломок спутника, который все называли молодым месяцем; но всюду тихо, будто мир сговорился и вмиг замолчал. Даже в отдаленном поселке, как в пустыне — ни души. Он отдыхал, готовясь к новому дню.

Мари вышла на крыльцо и, поежившись от опустившейся на землю прохлады, посмотрела вдаль.

— Его долго нет, — с беспокойством сказала она вышедшей следом Гилье.

— Волнуетесь?

Мари выдержала недолгую паузу, обмозговывая, как правильно выразиться, потом ответила:

— У меня странные чувства к Шеймасу. Вроде то же самое запечатление, что и с Луисом, но ощущения иные.

— С господином Луисцаром вы были запечатлены тридцать лет. А с господином Саймусом две недели. Кроме того, с господином Саймусом вы как брат и сестра, оставшееся от палал наследие. Не представляю, какая каша у вас в голове и в сердце.

Мари грустно улыбнулась.

— Он как ребенок.

— Это же мужчины, — засмеялась Гилья. — Все они — дети.

Господин Саймус стал смиренней. Вы меняете его.

— Я действительно поправилась? — опомнилась Мари.

— Простите?

— Он сказал, что я растолстела, — Мари слегка преувеличила, в силу того, что была готова поверить словам Шеймаса. Ведь в Трейсе у нее нет личного фитнес-тренера.

— Ну может, слегка округлились. Вас это тревожит? Господину Саймусу нравятся формы.

— В мире, где я жила, определенные стандарты красоты.

— У красоты нет стандартов, — добродушно улыбнулась Гилья. — Она в индивидуальности.

— Хм... — Мари приободрилась и, от гордости подняв подбородок, вновь приковала взгляд к темнеющей дали. — У него были подруги?

«О чем я только думаю? — одновременно с заданным вопросом подумала она. — Какое мне вообще дело до его личной жизни?»

— Он никого не приводил в замок, если вы об этом. И я не припомню, чтобы он говорил о ком-то. Наверное, ему хватало редких коротких связей. Госпожа Мариэль, — Гилья хитро улыбнулась, — вы ревнуете?

— Я? Что за бред, Гилья!

— Похоже на то. Думаете, сейчас он в объятиях какой-нибудь красотки? Не забивайте голову ерундой.

Вдалеке послышался рев и показались мелькающие огни, а через полминуты очертились края мотоцикла.

— Все, я ушла, — добавила Гилья и сиюминутно скрылась за парадной дверью.

Мари сбежала с крыльца и вышла к воротам в тот момент, когда к ним подъехал Шеймас. Заглушив двигатель, он слез с мотоцикла и отцепил от него коробку.

— Я нашел твои несчастные помидоры! — проворчал он, вручая коробку Мари.

— Спасибо, — растрогавшись, промямлила она.

Шеймас вдруг замер и, забрав коробку обратно, сам понес ее к замку.

— Она тяжелая, — пояснил он.

— Ты из-за них так долго?

— А из-за чего еще?! — взвыл он. — Надеюсь, они принесут пользу!

— Надеешься? — заулыбалась Мари, наблюдая, как он ставит коробку на каменный пол террасы и закуривает.

— Я был у Вейца, — сменил он тему разговора. — Зроу дадут ответ завтра. Он сказал, есть шансы.

— Здорово! — от радости Мари прикусила губу.

— И он еще кое-что сказал. Пригласил тебя на свидание. Завтра на закате он заедет за тобой, — Шеймас буквально выплюнул эту реплику.

— Упс! — Улыбка сошла с лица Мари. Она уже и забыла, что пообещала Вейцу свидание.

— Ты вообще не тоскуешь по Лу? — полюбопытствовал Шеймас.

— Я не собираюсь из-за него страдать, — ответила Мари.

— А если у тебя появится шанс быть с ним, ты воспользуешься им? Этот вопрос застал ее врасплох.

— Не знаю. Предательство трудно простить.

Шеймас затянулся сигаретой и выпустил вверх струю дыма.

— У Вейца есть жена и сопливый спиногрыз. А теперь идем кормить Стражей.

«Вот же кобель!»

Мари поплелась за Шеймасом, полностью дезориентированной. Она спала с женатыми мужчинами, но их статус не скрывался от нее. А если едва знакомый любовник на одну ночь и умалчивал подробности личной жизни, то они ее и не интересовали, потому что через несколько дней Мари с трудом помнила, насколько этот парень хорош или плох в постели. С Вейцом все было по-другому. Он был другом Шеймаса и ее партнером по бизнесу! Их пути сошлись для длительного общения и сотрудничества. И меньше всего Мари хотелось встретиться с женой Вейца на каком-нибудь корпоративе. Она не грезила переспать с ним, однако свидание уже подразумевало что-то интимное, а не дружеское. Оно может закончиться целомудренным поцелуем в щечку, но это уже шаг к чему-то большему.

Шеймас отнес коробку с купленными продуктами на кухню, забрал оттуда котелок с пищевыми отходами и по мрачной сырой лестнице спустился в подвал. От кавров воняло хуже, чем от медведей. Мари прикрыла нижнюю часть лица ладонью и остановилась перед тяжелой металлической дверью. Шеймас ввел нужный код на сенсорной панели

сбоку. Дверь отворилась. Он отодвинул ее, чтобы расширить вход, и вошел первым. Из комнаты несло еще ужасней. Мари подождала, пока Шеймас зажжет факелы, потом закралась внутрь.

— Вентиляция засорилась, — проговорил он, ставя ведро перед запертой клеткой. — Завтра прочищу. Как тебе мои красавцы?

У Мари язык не повернулся назвать чудовищных кавров красавцами. Она лишь кивнула, и то с усилием.

Шеймас щелкнул задвижкой и открыл клетку. Занеся в нее котелок, он присел и, ладонью зачерпывая еду, стал кормить кавров с руки. Они подходили к нему поочередно. Сначала кланялись, потом обнюхивали его и только потом аккуратно брали еду. Они были в пять раз здоровее Шеймаса, но рядом с ним становились послушными зверьками. Ни один из них не предпринял попытки выскользнуть и кинуться на Мари, хоть и глядели на нее не особо дружелюбно. Когда каждый по разу угостился с руки хозяина, он вывалил остатки в специальный желоб и вышел из клетки.

— Будешь приходить со мной сюда каждый вечер, — сказал он, снова запирая дверь. — Как только они привыкнут к тебе, к твоему запаху, попробуем первый контакт.

— Что значит — попробуем? — испугалась Мари.

— Приблизись к прутьям. Если они будут готовы принять тебя как друга, они тоже подойдут. На этот необычный ритуал уйдет несколько дней. Затем войдешь в клетку. Как только они возьмут еду с твоей руки, считай, ты завоевала их доверие и верность. С той секунды они жизнь за тебя отдадут.

— Ого!

— Так они приняли Гилью. Она доказала им свою преданность мне, и они приняли ее.

— Как доказала?

— Их не обманешь лестными речами. Кавры чувствуют правду по исходящим от человека флюидам. Так что если ты ненавидишь меня, придется полюбить, — улыбнулся Шеймас.

Мари засмеялась и вышла из комнаты. Задыхаясь от вони, она хотела поскорее выбраться из подвала и принять душ.

— А как они относятся к купанию? — спросила она, когда они с Шеймасом поднялись наверх.

— Любят. Но чтобы эти туши не воняли, их надо купать каждый

день. А у меня нет столько времени, чтобы по полдню пропадать с ними на реке.

— Шеймас, — Мари растерянным взглядом побродила по его крепкой груди, — почему ты не отпустишь их?

— Они сами не уходят.

— Они считают тебя своим главарем, хозяином. А себя — твоими рабами. Дай им свободу, и ты станешь для них другом. Они не перестанут охранять тебя и даже заважают еще сильнее.

Шеймас замер, задумавшись над ее словами, и Мари стало некомфортно под его пронзительным взглядом.

— Ладно, я пойду. Уже поздно. Завтра я хочу навестить флиомов, а перед этим мне надо приготовить лазанью. Спокойной ночи, Шеймас.

Он ничего не ответил, так и оставшись стоять около подвальной двери.

Глава 22. Резервация флиомов

Мари встала на рассвете и заняла кухню раньше Гильи. Из холодильника она достала заранее приготовленные служанкой молоко, сыр и мясной фарш, а из коробки — купленные Шеймасом томаты, базилик, оливковое масло и муку. Приготовив тесто, Мари раскатала листы, выставила противень с ними на подоконник, чтобы те подсохли, и принялась за соус. В этот раз лазанья получалась лучше, а самой Мари даже стало нравиться готовить. Соус получился без комочков, томаты легко очистились, а фарш равномерно размешивался. А когда Мари заполнила формы для выпекания, в кухню спустилась зевающая Гилья.

— Госпожа! — поразилась она, увидев пять здоровенных форм. — Как давно вы встали?

— Не очень давно, — улыбнулась Мари, составляя их на уровнях раскаленного жарочного шкафа. — Похоже, будет вкусно.

— Вы хотите избавиться от меня, да? — опечалилась Гилья.

— Вовсе нет! Что ты! Я вовсе не люблю готовить и не претендую на место на кухне. Ты извини, я тут такой бардак устроила. Сейчас все приберу.

— Не надо, госпожа. Не обижайте меня. Лучше займитесь собой. Вон, все волосы в муке. Я пригляжу за блюдом.

Мари потрясла головой, с волос и правда посыпалась мука. Согласно покивав, она приняла душ, переделась в любимыи шорты и рубашку и вернулась в кухню. Лазанья к тому времени приготовилась, а Гилья выставляла на стол последнюю форму. Мари достала из шкафа судочки и принялась нарезать угощение, чтобы разложить его порциями по мискам.

— М-м-м... Пахнет вкусно, — сонно промурлыкал Шеймас прямо над ухом Мари.

— Я старалась, — засмуцавшись, ответила она.

— Я не о еде, — уточнил он и, обойдя Мари, сел за стол. — У тебя новое мыло?

— А ты, маньяк, уже мой запах выучил? Положить тебе кусочек?

— Выглядит съедобно. Ты сама-то пробовала? Или скормишь мне, подождешь шесть часов, и если я останусь жив, угостишься сама?

— Не шесть, а восемь, — ответила Мари и выложила самый сочный кусочек на отдельную тарелку. Взяв ее, она подкралась к Шеймасу, поставила тарелку перед ним и дотянулась до столовых приборов. Она села на угол стола, скрестила ноги и, покрутив в руках нож и вилку, аккуратно отрезала маленький кусочек. Подцепив его вилкой, Мари поднесла ее ко рту Шеймаса и улыбнулась: — Проверим, насколько ты смелый?

— Ты меня в могилу сведешь, — усмехнулся он, но все же зубами взял угощение. Несмело пожевав, Шеймас задумчивым взглядом прошелся по Мари и, проглотив, кивнул: — Очень вкусно. Правда! Это восхитительно! Прямо тает во рту.

— Ну да, это же не бычий член, — ответила Мари, отрезая следующий кусочек. — Так на чем я могу добраться до резервации флиомов? — спросила она, снова кормя Шеймаса.

Он опять пожевал и засмеялся.

— Ладно, я отвезу тебя.

— Ты такой зайка, — Мари вручила ему нож и вилку, спрыгнула со стола и вернулась к судочкам.

Шеймас, размечтавшийся, что Мари скормит ему всю порцию, обалдело открыл рот, но так и не нашелся, что ответить.

Мари оставила кусочек для Гильи, а остальное, упаковав, сложила в большую корзину и накрыла махровым полотенцем.

— Я готова! — заявила она, встав перед Шеймасом и опешив, глядя, как он вылизывает тарелку. — Придется приготовить еще, когда вернемся, — прошептала Мари.

Шеймас поглядел на нее поверх тарелки и застыл. Медленно отставив посудину на стол, он вытер губы салфеткой и произнес:

— Извини.

Мари обомлела. Он извинился! Впервые извинился за свое некрасивое поведение! Это прогресс. Может, Гилья права, он меняется?

— Какая там дорога? — спросила она, сглаживая острые углы возникшего напряжения. — Мотоцикл проедет?

— Мы полетим на свейхе, — ответил Шеймас, вставая из-за стола и потягиваясь.

— Он же не работает.

— Он функционирует в пределах Трейса, но для телепортации в другие миры в его системе не хватает кое-каких плат.

— Ясно. А где мы его зарядим? Здесь есть энергетическая станция?

— У меня своя мини-станция. Он всегда заряжен. Идем. — Шеймас взял у Мари корзину и направился к дверям. Похоже, после пробы лазаньи он загорелся уверенностью, что с флиомами удастся договориться.

Свейх таился в одном из гаражей Шеймаса. Он не афишировал эту прекрасную машину перед аглами Нэима, опасаясь ее изъятия. Но сейчас, пока Нэим рвал кудряшки на своей голове в поисках способа подчинить себе оставшихся палал, у Шеймаса появилась возможность полетать на свейхе, ничего не опасаясь.

Поставив корзину на заднее сиденье, он сел за рулевую панель приборов, но не торопился заводить машину. Мари, удобно усевшаяся в соседнее кресло, с улыбкой огляделась. Свейх навеял на нее воспоминания о том, как почти месяц назад ее сбили Стон и Блин.

Шеймас вывел свейх из гаража и приземлил за воротами.

— Давай-ка сюда! — скомандовал он Мари.

— А? — не поняла она.

Он привстал и указал ей на свое место.

— А ты ко мне на колени сядешь? — Она игриво изломила бровь.

Шеймас залез промеж кресел, пропустил Мари и пересел на соседнее сиденье. С помощью кнопок придвинув его к ней, он включил основную панель и начал пояснять:

— В основном, свейх работает в автоматическом режиме. Пилот задает ему координаты, и машина сама доставляет пассажиров, куда надо.

— Не надо объяснять мне, что такое автопилот, — нахмурилась Мари. — От меня-то ты чего хочешь?

— Хочу научить тебя управлять свейхом. Вдруг пригодится.

Она взглянула на Шеймаса и потеряла дар речи. Его лицо было так близко, что она чувствовала его дыхание на своей щеке, могла в деталях разглядеть изумрудную радужку его глаз и мелкие морщинки на его щетинистом лице. Но главное — она увидела заботу в его лице, услышала ее в интонации его голоса.

— С координатами легко, — тихо проговорил Шеймас, не отрывая взгляда от ее глаз. — Я хочу показать, как управлять им, когда у тебя нет координат.

Странное волнение, нахлынувшее на Мари, бросило ее сначала в

жар, потом в холод, отчего по ее коже побежали мурашки. Она поежилась и переключила внимание на панель приборов.

— Смотри, — Шеймас указал на ряд верхних сенсорных кнопок, — это режимы и скорости. Давай для начала выберем средний уровень и вторую скорость. Теперь нажми вон на ту зеленую кнопку и положи ладонь на сердцевину.

Свейх дернуло, и он рывками приподнялся над землей.

— Плавно поворачивай влево. На тридцать градусов достаточно. Я немного увеличу высоту подъема, а то мы будем ощущать каждую кочку. Отлично. Ты молодец! — он восторженно улыбнулся. — Ты всему так легко учишься?

Мари была готова выучить даже реакцию распада урана на изотопы, лишь бы отвлечься от возникшего в голове сумбура! Она выполняла указания механически, совсем не вникая в их суть, пока не воспарила над пустошью. Свейх полетел в нужном направлении, и Шеймас, отодвинувшись, откинулся на спинку кресла.

— А что теперь? — испугалась Мари.

— Можешь убрать руку с сердцевины. Следи за полосой. Если появится препятствие в виде птицы, не спеша поверни влево.

— Почему влево?

— Можешь вправо, — пожал плечами Шеймас. — Не принципиально. Я привык облетать с левой стороны.

Мари наконец улыбнулась и, осознав, что она пилотирует самый настоящий свейх, едва не подпрыгнула на месте. От радости у нее сердце вырывалось из груди. Однажды Мари прыгала с парашютом, но сидеть за штурвалом летательной машины оказалось намного волнующей. Она была готова завизжать. Не сделала это, лишь потому что боялась, что вопль будет похож на пороссячий визг и даст Шеймасу еще один повод подтрунивать над ней.

— У тебя глаза блестят, — заметил Шеймас, украдкой поглядывая на вытягивающую шею Мари. — перевозбудилась?

— Ну да, этот самец умеет доставить максимум удовольствия, — ответила она, не отвлекая сосредоточенного взгляда от полосы.

— Может, приделать ему рычажок?

— Он и без причиндалов неплохо справляется. А как регулировать высоту полета?

Шеймас снова придвинул свое кресло к Мари и активировал панель

приборов.

— Вот здесь. Набирать высоту можно резко, но не всегда это уместно. Например, при маневрировании из-за подъема можно потерять управление. О, смотри, вракхи!

— Что?

Мари проследила за взглядом Шеймаса и у речной заводи увидела стаю ранее невиданных ею птиц. Крупные тушки с маленькими головками на длинной шее, с хохолками и крепкими ногами, купались и пили на водопое.

Шеймас сунул руку под сиденье и ловко вынул оттуда бластер. Открыв имеющийся под панелью перчаточный ящик, он вытащил из него коробку с разными патронами и стал перебирать их пальцами.

— Ты что, собираешься стрелять? — грозным тоном задала вопрос Мари.

— У них очень вкусное, нежное мясо. А стреляю я метко. Отсюда в глаз попаду. — Шеймас выбрал нужный заряд и вставил его в патронник. — Возьми левее.

— Луис говорил, что в меткости по стрельбе тебе нет равных. Но у нас достаточно мяса! Не надо демонстрировать свои навыки!

— Тебе жалко, что ли?

— Да, жалко! Охота должна быть оправданной, а не ради примитивного удовольствия! Не будь монстром!

Шеймас задержал на лице Мари задумчивый взгляд, отключил бластер и медленно вернул его на место.

— Лу правда так говорил? — спросил он, захлопнув ящик.

Мари вспомнила о нем неосознанно. Она старалась не думать и, тем более, не говорить о Луисцаре. Но у них было общее прошлое, а Шеймас — его брат, и их связь неизбежна.

— Он говорил, что ты учил его стрелять на голограммах его учителей, — хихикнула Мари, опять переведя взгляд на полосу.

— Было такое, — усмехнулся Шеймас. — Он был слишком прилежным учеником. Я хотел заложить в него дух бунтарства.

— Вышло?

— Тальина, узнав об этом, приказала наказать меня.

— Наказать? — Мари напряглась.

— Розгами.

— Кошмар, — прошептала она, мельком глянув на Шеймаса. — А

твой отец?

— Отец всегда был занят политикой, народом, властью. Ему было не до сыновей. Я рано понял это и выживал своих воспитателей и учителей. Когда Тальине надоела текучка, она лишила меня обучения. Моим воспитателем стал начальник дворцовой службы безопасности, а его розги главным методом в борьбе с моим взрывным характером.

«Он был сиротой при живом отце, — с сочувствием подумала Мари. — Для ребенка это еще хуже, чем быть круглым сиротой».

— Разве тебя никогда не пороли? — Шеймас лукаво улыбнулся.

Мари поняла, к чему он клонит, и поняла, что делает это намеренно. Он не привык давить на жалость и, возможно, уже пожалел о своей откровенности.

— Нет, не пороли. Ни в том, ни в другом смысле, — ответила она. — Кстати, бластеры разве можно заряжать разными патронами? Я обратила внимание на разнообразие твоих запасных обойм.

— Конечно. Они могут стрелять как электромагнитными разрядами, так и разрывными пулями.

— Луис не говорил.

— Так он и не знает. Моя разработка пока держится в тайне, — Шеймас самодовольно улыбнулся. — Жизнь и не такому научит. Сверни вправо, пролетим над малиновым озером.

— Малиновое озеро? — удивилась Мари, осторожно поворачивая ладонь на сердцевине панели.

— Гляди! — Шеймас указал на багряную гладь. — Так цветут здешние водоросли. Они создают иллюзию красной воды, отсюда и название. А вон там, — он посмотрел на горизонт за озером, — лес кавров. Он богат ягодами, орехами, смолой и маслом, но туда никто не суется. Когда-то Трейс был красивым миром, — вздохнул Шеймас. — Ты права, его можно возродить. Но ошибаешься, если думаешь, что аглы откликнутся на твой зов о помощи.

— Я не их тех, кто сдается перед трудностями. Они примкнут к нам, я уверена!

Шеймас молча хмыкнул. Оставшийся путь они провели в безмолвии.

Резервация флиомов представляла собой целый городок со зданиями и домами — одно- и двухэтажными. Хаотичные улочки переплетались друг с другом замысловатыми проулками, увешанными

бельевыми веревками с болтающимися на них тряпками. С помощью Шеймаса Мари приземлилась на специальной площадке в центре городка, прямо перед зданием мэрии.

— Ну как? — поинтересовался Шеймас, видя, как Мари взволнованно покусывает губы.

— Напряженно, — призналась она. — Но мне понравилось!

— Отлично! Идем к четвероглазеньким?

— Мы за этим сюда и прилетели. Возьми корзину.

Мари и Шеймас вышли на улицу и огляделись. Зеленые человечки сновали туда-сюда, не обращая на гостей никакого внимания. У них каждый день были новые клиенты из разных рас и областей, так что какие-то палал никого не удивляли.

У входа в мэрию компьютерный голос на сенсорной панели сбоку от двери запросил у них идентификацию. Сначала Шеймас, а потом и Мари приложили к лазеру ладони с генным знаком, и дверь отодвинулась в сторону. Они вошли в холл, где их встретила флиомка с ярко-крашеными губами и париком густых волос.

— Саймус, — небрежно сказала она, грызя колпачок ручки, — мы же сказали тебе, что у нас нет плат, которые тебе нужны.

— Все у вас есть, — фыркнул он. — Мы не за платами. Это Мариэль. У нее к вам деловое предложение.

— Стон и Блин хорошо о ней отзывались, — она смерила Мари изучающим взглядом. — Ладно. Идите.

Шеймас кивнул Мари на лестницу, и они двинулись дальше.

— Стон и Блин? — шепотом спросила она.

— Ну да. Наверное, связались со своими. О тебе переживают, — предположил Шеймас.

Мари улыбнулась. Она недооценивала этих «гуманоидов».

В кабинете руководства сидел десяток однотипных флиомов. Они расположились за длинным столом и играли в какую-то настольную игру с карточками и камешками. А чем еще этим хитрецам заниматься, когда всю работу за них делают другие?

— Раскинуть на вас партию? — спросил главный у вошедших гостей.

— Мы не играть, Злако. — Шеймас дошел до стола и поставил на него корзину. — Угощайтесь.

— Что это?

— Лазанья, — вмешалась Мари, приблизившись к Шеймасу. — Я сама готовила.

— Лазанья? Та самая, которую ты готовила нашим из Опретауна? — Все четыре глаза этого самого Злако оглядели ее с головы до ног.

«Вообще-то я готовила ее своему шефу, а ваши из Опретауна нагло ее сожрали, сбив меня на своем свейхе!» — подумала Мари, а вслух сказала:

— Да, это то самое блюдо. Как только я узнала, что рядом с нашим поместьем ваша резервация, я не удержалась, чтобы не угостить вас по соседски. Стон и Блин многое сделали для меня.

— Ты для них тоже. Их разжаловали, а недавно взяли под стражу. Скоро над ними состоится суд.

Один из флиомов залез в корзину своими тремя пальцами-сосисками, и по кабинету разнесся аппетитный запах.

— Я сожалею, — виновато произнесла Мари. — Может, у меня получится загладить вину?

— Посмотрим.

Флиомы опустошили корзину в считанные минуты, а потом, поглаживая животы и облизывая пальцы, развалились на креслах. Наконец Злако созрел для разговора и позволил Мари и Шеймасу сесть на диван.

— Мы знаем о вашей идее. Вейц умеет эффектно доносить информацию. Сегодня зроу дадут ответ. Мы хотим долю.

— Получите! — уверенно заявила Мари, чем приковала к себе недоуменный взгляд Шеймаса. Он, наверное, подумал, какая щедрость при голом заде! — Примите участие в строительстве оросительной системы на полях и войдете в долю!

— Мы предоставим материал, — безоговорочно согласился Злако. — Строительством пусть занимаются работяги. А что насчет документального подтверждения нашего официального статуса?

— Этим вопросом занимается Вейц. Зроу обязательно все оформят.

— Без бумажки не получите ни единого метра трубы.

Мари улыбнулась:

— Договорились! Но мы прибыли еще по одному вопросу. Хотим пригласить вас в гости. Мы с Шеймасом, — она взяла его за руку и крепко сжала, — восстанавливаем наше поместье и не можем обойтись

без соседского напутствия. К тому же в нашем саду обильно разрослись ягодные кусты и плодовые деревья. Собираемся их выкорчевывать, а выбрасывать жалко. Может, вам что-то нужно?

Флиомы энергично зашушукались. Шеймас опять вперил в Мари пораженный взгляд, а она еще крепче сжала его ладонь.

— Безвозмездно? — уточнил Злако.

— Естественно! Мы же соседи! — в третий раз напомнила Мари, мило улыбаясь и не забывая хлопать ресницами.

— Завтра мы пригоним машину!

— С вами приятно иметь дело. — Она встала и, отпустив Шеймаса, подошла к Злако. Протянув ему ладонь, Мари пожала ее и добавила: — Коллега!

Тот зардел от гордости.

— Позвольте проводить вас? — Он спрыгнул с кресла и жестом указал на дверь.

— О, это очень любезно с вашей стороны.

Мари направилась вслед за флиомом, помахала остальным и подмигнула Шеймасу. Они вышли на улицу и подошли к свейху. Мари ненадолго остановилась и, с улыбкой посмотрев на бурлящую жизнью улицу, сказала:

— У вас очень уютный городок.словно отдельный мир.

— Не зря его называют резервацией. Здесь живут только флиомы. Там у нас развлекательный центр, там — рынок, там — инкубатор...

— Инкубатор? — переспросила Мари, но тут же вспомнила, как Стон и Блин говорили, что флиомы не живородящие.

— Да, там созревают наши коконы. Как-нибудь я проведу для вас экскурсию. Но после заверения всех бумагуль, — хитро посмеялся он, погрозив пальцем.

Мари тоже посмеялась.

— Что ж, нам пора.

Шеймас, помотав головой, занял место пилота, а Мари села на соседнее.

— Ох, чуть не забыла! — Она снова обратилась к флиому. — Когда мы пролетали над резервацией, я обратила внимание на черепицу ваших кровлей. Скажите, она прочная? Мы с Шеймасом делаем ремонт в замке.

— Да, хорошая черепица.

— А где ее можно купить?

— Ее нельзя купить. Ее изготавливают на юго-востоке, а импорт в Трейсе мало кому по карману.

— Вы же как-то ее раздобыли, — Мари улыбнулась еще шире.

Флиом сделал паузу и вдруг сказал:

— У нас есть немного в запасах. Завтра привезем. Безвозмездно. По-соседски.

— Большое спасибо! — Мари помахала ему пальчиками и перевела взгляд на замершего Шеймаса. — Заводи, — процедила она сквозь натянутую улыбку, — пока этот главнюк не передумал.

Шеймас поперхнулся собственным шоком и, закашляв, поспешил опустил крышу и поднять стекла. Как только раздался щелчок о блокировке салона, он активировал автопилот и поднял свейх над площадью.

— Ты либо гений, либо сумасшедшая, — проговорил он.

Подумав, Мари ответила:

— Я сумасшедший гений.

Они переглянулись и засмеялись.

Глава 23. Наедине

Покинув резервацию флиомов, Шеймас занес руку над панелью для введения координат автопилотирования, но ненадолго замер. Мари заметила его замешательство и спросила, все ли в порядке.

— Не хочешь прогуляться? — вдруг предложил он.

— Даже не знаю, — пожалала плечами Мари. — В замке столько работы.

— Ты заслужила выходной.

Мари замялась. Она действительно устала, хотела отвлечься, отдохнуть, возможно, даже немного выпить.

— Ну хорошо, — улыбнулась она. — Куда отправимся?

— В лес кавров, — спокойно ответил Шеймас, разворачивая свейх.

— Могла бы и не спрашивать, — пробурчала Мари. — Пригласить девушку на прогулку в лес, кишаций чудовищами, это в твоем стиле.

Шеймас молча хохотнул и, вопреки надеждам Мари привезти ее в более миролюбивое место, приземлил свейх прямо перед угрожающей чернотой густых зарослей.

— Идем, тебе понравится, — улыбнулся он, спрыгивая на землю.

— Да я уже в восторге, — голосом, дрогнувшим от подступившего к горлу ужаса, отозвалась Мари, стараясь подчинить себе непослушные ноги.

Шеймас достал из багажного отделения корзину и длинный нож, похожий на мачете, и кивнул Мари на узкую тропу, ведущую в лесную бездну.

— Насобираем ягод. Гилья испечет пирог.

Не отставая ни на шаг, Мари двинулась вслед за Шеймасом. Срубая мешающие ветки и стебли вьюнов, он шел все дальше. Духота осталась за спиной. По мере углубления в лес становилось свежее и прохладней.

Мари почувствовала жгучую боль в плече и увидела впившегося в нее крупного москита. Остановившись, она тихонько окликнула Шеймаса. Он обернулся и, огорченно вздохнув, сказал:

— Мне так жаль. Руку придется отрубить.

— Не смешно. Убери его.

Шеймас смахнул москита и, оглядевшись, сорвал с одного куста

несколько листьев. Растерев их в ладонях, он стал обмазывать руки Мари их соком.

— Это репеллент.

— А почему тебя они не трогают?

— Из-за смешанности крови. Для них я нездоровая пища. А ты лакомый кусочек, — улыбнулся он, плавно переходя на шею и приоткрытую зону декольте.

— Вот тут я сама! — Мари сорвала таких же листьев и закончила свою маскировку самостоятельно, не позволив Шеймасу касаться даже ее ног.

— Ты что, фригидная? Тебе не доставляет удовольствие мужской массаж?

— Нет, я просто селедка с фигошками, — напомнила ему Мари. — Где ягода-то? Я не собираюсь бродить тут до ночи. У меня сегодня свидание.

Шеймас изменился в лице, будто мысль о свидании Мари с Вейцом сводила его с ума.

— Ты не передумала?

— Я не знаю его жену. Так что я перед ней ни в чем не виновата. Мы идем дальше?

Мари вела себя непринужденно и чувствовала, что ее непоколебимость еще больше заводит Шеймаса. Его волосы периодически темнели, полыхая красным — сигналом злости, а на щетинистом лице перекатом стальных шариков играли желваки.

— Нет у него никакой жены, — проворчал он и, развернувшись, пошел дальше.

Мари расплылась в довольной улыбке. Шеймас ревновал ее и делал все возможное, чтобы предотвратить ее флирт с другими мужчинами. Любой женщине будет приятно знать, что у нее есть поклонник, готовый ради нее на все. К тому же у нее отлегло от сердца. Вейц свободен! Не то, чтобы она теплила большие надежды на их совместное будущее. Просто спать будет спокойней, зная, что завтра к ней не явится разъяренная супруга мужа-изменника и не сравнивает ее с городской канализацией.

— Вот она, — Шеймас, выйдя на небольшую опушку, показал на низкие кустики с фиолетовыми плодами. — Сиега. Сочная, сладкая, питательная и лечебная. В толченом виде ее принимают от простуды.

Но в нашей области простуда — заболевание редкое, поэтому нет необходимости ходить в лес.

— А кавры далеко? — Мари села у одного из кустов и принялась его обирать.

— Они могут быть где угодно. Это их дом.

Мари покачала головой.

— Шеймас, тебе нравится пугать и дразнить меня? Ты сам говорил, надо время, чтобы кавры приняли меня. Ты не завел бы меня прямо в их логово.

Он отставил корзину и присел рядом с Мари.

— Ты ведь не чувствуешь от меня опасности, так? — спросил он, тоже сорвав ягоду.

— Нет, — ответила Мари, подняв лицо и робко взглянув в ярко-зеленые глаза Шеймаса, в тени густых крон кажущиеся еще ярче. — Ты оберегаешь меня.

— Как это — быть запечатленной с двумя?

— Это сложно, — честно призналась Мари и, придвинув корзину, ссыпала туда сорванные плоды. — Но интересно. Особенно сравнивать.

— И кто из нас с Лу лидирует?

— Он нежный, романтичный, ласковый предатель. Ты грубый, наглый, невоспитанный друг. Вы оба хороши.

Шеймас засмеялся, и Мари обратила внимание на появившиеся ямочки на его щеках. И как она раньше их не замечала! Они придавали ему некую беспечность, приоткрывали завесу той черствости, которой он оброс в Трейсе, а возможно, и намного раньше. Он наполовину палал, а значит, отчасти такой же взбалмошный, как сама Мари.

Собирая ягоды, она тайком поглядывала на Шеймаса и признавала, что он становится для нее намного больше, чем деловой партнер или друг. Мари сроднилась с его взглядом, улыбкой, голосом. Она привыкла к тому, что у него две пары потертых штанов и две майки, которые он надевает через день после тщательной стирки Гильи. Привыкла к терпкому запаху его пота, сигаретного дыма и машинного масла, которым, очевидно, пропитались даже его волосы. К его небрежным привычкам. На счету Мари были исключительно деловые мужчины в костюмах, туфлях, с брендовыми очками и часами. Те, кто либо не курит, либо предпочитает дорогие сигары. Кто пьет не дешевый эль в забегаловке, а заказывает виски и коньяк долгосрочной выдержки. Кто

ест фуа-гра, а не бычий член, чтобы впечатлить женщину.

— Это тебе! — Шеймас протянул Мари где-то незаметно сорванный цветок, напоминающий что-то между розой и пионом и пахнущий ландышами.

Она улыбнулась, пытаясь вспомнить, когда в последний раз ей дарили цветы, и смущенно приняла подарок.

— Спасибо, — почти шепотом сказала Мари.

Шеймас, которому ухаживания в новинку, растерялся от собственной неуклюжести и тут же сменил тему.

— Корзина полная. Пора возвращаться.

Они вернулись к свейху, под настоящее пекло. Пленка из сока листьев на коже Мари мгновенно подтаяла и превратилась в клей. Ей стало не по себе.

— Долго еще до заката? — спросила она, пока Шеймас убирал корзину в багажное отделение.

— Время есть, а что?

— Здесь где-нибудь можно искупаться?

— Да. У Малинового озера есть чистый, теплый приток. Хочешь искупаться?

— Очень! Детский дом, где я выросла, находился в небольшом городке. Там была речка. Неглубокая, но широкая. Летом мы с мальчишками не вылезали из нее. Я не купалась на реке уже лет тринадцать.

— У нас нет полотенец, — сказал Шеймас.

— На такой жаре быстро обсохнем.

— Как хочешь.

Через полчаса они прибыли на песчаный пляж, усеянный осколками разбитых ракушек. Вода в реке была настолько прозрачной, что Мари отчетливо видела разноцветные камешки и мальков на дне. Не дожидаясь, пока Шеймас позволит ей нырнуть, она на бегу скинула с себя сапоги, рубашку и шорты и бросилась в воду. Вынырнув на поверхность, хватанув глоток воздуха и пригладив за спину намоченные волосы, Мари застонала от удовольствия. Вода была как парное молоко. Улегшись на спину, она прикрыла глаза и дала своему уставшему телу мгновения отдыха и безмятежности. Именно мгновения, потому что вскоре в реку запрыгнул Шеймас и окатил Мари бодрой волной.

Снова вынырнув из глубины, Мари засмеялась и рукой брызнулась

в Шеймаса. По-детски резвясь, догоняя друг друга и громко смеясь, они провели на реке весь оставшийся день. На закате нехотя распрощавшись с водой и обсохнув на берегу, они оделись и вернулись в свейх.

— Ну как? — спросил Шеймас.

— Голодная, — призналась Мари. — Я сегодня даже не завтракала.

— Помню. — Он включил автопилот и направил свейх в сторону гор. — Вейц накормит.

— Что ты цепляешься к нему?

— Вовсе не цепляюсь. Напротив, рад за тебя. Вейц щедрый. Ужином накормит.

Мари улыбнулась и отвернулась к окну. Не прошло и пары минут, как компьютерный голос оповестил о низком заряде двигателя.

— Повезло-о-о, — протянул Шеймас, взглядом выискивая подходящее место для посадки. — Мы разряжены.

Свейх дернуло. Мари пальцами вцепилась в подлокотники кресла. Шеймас приземлил машину посреди пустоши и тяжело вздохнул.

— И что теперь? — испугалась Мари, глядя на усыпанное звездами небо.

— Сейчас поставлю на зарядку.

Шеймас вышел на улицу, достал из багажного отделения энергетическую мини-станцию, размером не больше портативного генератор, залез под свейх и, покопавшись там с проводами, вернулся в салон.

— И сколько ждать? — спросила Мари.

— Часа три-четыре, — не скрывая довольной улыбки, ответил Шеймас.

— Ты это подстроил, да?

— Это ты захотела хлюпаньки! Что за манера постоянно во всем винить меня?! Если бы мы не полетели на реку, нам хватило бы заряда вернуться! Переживаешь за Вейца, топай на свое долбаное свидание пешком! — Шеймас перелез на заднее сиденье и, развалившись на нем, добавил: — А я пока вздремну.

Мари нервно рассмеялась и, откинувшись на спинку кресла, помотала головой. Если бы Шеймас действительно переживал за своевременное возвращение в замок, он позаботился бы о заряде свейха еще на реке. Не может быть, чтобы лучший механик области был столь неосмотрителен. Он знал, что так будет! И Мари кожей чувствовала, как

он лыбится, лежа за ее спиной.

Напряжение между ними росло и, казалось, вот-вот наэлектризуется до мощности молнии. Свидание с Вейцом для Мари было, в первую очередь, гарантией закрепления их деловых отношений, что бы там себе ни нафантазировал Шеймас. Поэтому собрав волю в кулак, она решила было правда пойти домой пешком. Но не успела Мари выйти из свейха, как Шеймас, подскочив, схватил ее за руку и выволок из кресла. Едва Мари сообразила, что происходит, как уже сидела на его коленях. Глаза Шеймаса прожигали ее насквозь, а его сильные руки прижимали к себе ее тонкую талию. Мари чувствовала не только его сбившееся от волнения дыхание и учатившееся сердцебиение, но и стремительное затвердевание кое-чего посерьезней.

— Шейм...

Ее глухой шепот прервался из-за поцелуя — напористого и страстного, точно зверь, сорвавшийся с цепи. От охватившего Мари сумбура у нее закружилась голова. Шеймас был не из робкого десятка и прекращать поцелуй словами: «Извини, это вышло случайно. Это я виноват...», — не собирался. Наоборот, врываясь в рот Мари своим горячим языком, он буквально насилывал ее. Так ее еще никогда не целовали! Мари едва не лишилась сознания, толком не поняв, что с ней произошло: эффект первого контакта с запечатленным или элементарный оргазм. Она чуть не заскулила от судороги, прокатившейся по ее телу. Попыталась ослабевшими руками оттолкнуть Шеймаса, но он, не прекращая поцелуя, перехватил их и заломил ей за спину.

Мари показалось, что их поцелуй, на который она в какой-то момент все же стала смело отвечать, продлился целую вечность, но в то же время — всего миг. Когда Шеймас умерил пыл и отпустил ее руки, легко и нежно посасывая ее губы, она пошатнулась.

Он прекратил, но по-прежнему держал Мари на своих коленях и прижимался к ее лбу своей головой.

— Ты мог просто попросить меня отказать Вейцу, — наконец прошептала Мари.

Шеймас усмехнулся и, запрокинув голову на спинку сиденья, спросил:

— И ты послушалась бы?

— Вот попросил бы — и узнал, — улыбнулась она, разомлевшая и

готовая к чему-то большему.

«Десять процентов заряда батареи двигателя!» — сообщил компьютер.

— До замка хватит, — произнес Шеймас, глядя на Мари.

— То есть мы просто вернемся?

— Я не хочу, чтобы наш первый раз был посреди пустыни, на заднем сиденье полусобранного свейха. Первый раз особенный. Он должен запомниться.

— Да ты романтик, — Мари вздернула бровь.

— Нет, я извращенец, — вполне серьезно ответил Шеймас. — И сегодня я тебя трахну. — У Мари мурашки по коже пробежали. Слова Шеймаса прозвучали как угроза, хоть и интригующая. Особенно после следующего уточнения: — Независимо от того, состоится у вас с Вейцом свидание или нет.

Глава 24. Свидание на троих

Мари плохо помнила, как высвободилась из тисков Шеймаса и вернулась в кресло. Также плохо помнила, как он отключал и убирал на место мини-станцию, а потом заводил свейх, и они возвращались в замок. Если во время полета Шеймас что-то и говорил, то Мари его попросту не слышала. Ее сковало не то возбуждение, не то страх, не то все это одновременно. Но это порочное чувство затуманило ее разум.

Она облизывала и покусывала только что целованные Шеймасом губы и бранила себя за то, что совсем недавно была готова поцеловать жабу, только не его. Целовался он, надо признать, пылко, чувственно и раскрепощенно. Он наслаждался этим процессом и дарил то же наслаждение Мари. Вероятно, безотчетно, стихийно. Сколько Мари помнила поцелуев, все они были механическими. В юности — лишь бы научиться и поскорее почувствовать себя взрослой. Позже, чтобы отточить навык. А потом поцелуи стали каким-то негласным правилом в прелюдии секса. И она, и ее партнеры словно забыли, что поцелуй — это искусство. Он должен быть чем-то независимым.

Украдкой взглянув на сосредоточенного на приборной панели Шеймаса, Мари покраснела и отвернулась к окну. Никогда в жизни не смущалась даже тех мужчин, с которыми спала, а тут вдруг застыдилась того, с кем просто поцеловалась! Шеймас явно знал толк в похоти. Мари даже удивилась, откуда у него такое мастерство, если последние десять лет он провел в Трейсе, а по словам Гильи, его любовниц в замке не бывало. Ответ находился один, и категоричный: гены! Не зря Тальина ревновала мужа даже к усопшей любовнице. Та была из палал — самой горячей расы во Вселенной. Для палал половой акт — творение. А творение подразумевает разгон для фантазии, отрешенность от суеты и полное погружение в этот созидательный процесс. Палал всем своим естеством источали совершенную привлекательность. Может, именно поэтому Мари все так легко давалось. Может, именно поэтому расу палал не только любили, но боялись и ненавидели. Она была способна завоевать Вселенную. И если бы подонок Нэим не уничтожил Палалию, то это наверняка случилось бы.

— Идешь?

Мари расслышала далекий голос Шеймаса и покрутила головой. Свейх стоял посреди двора и фарами освещал погруженный во мрак замок.

— Мы уже прилетели? — удивилась она.

— Если это не общий глюк, то да — мы прилетели, — ответил Шеймас.

Она, как опьяневшая, сошла на землю и поплелась к крыльцу. Шеймас догнал ее у двери.

— Похоже, Гилья нас не дождалась.

— Что? — переспросила Мари, осторожно ступая по темному холлу.

— Завтра в городе квартальная ярмарка. Гилья всегда ее посещает. Уезжает за день, чтобы закупиться с раннего утра, пока товар не расхватали. Так что мы тут одни, — осклабился Шеймас, открывая перед Мари дверь в западную башню.

— Нет, не одни, — облегченно выдохнула она, увидев стоявшего в дверном проеме гостиной Вейца с бокалом в руке.

Мари уприсит Вейца переночевать в замке, что лишит Шеймаса желания хорошенько оттянуться.

— Привет! — обрадовалась она и, ускорив шаг, как можно быстрее приблизилась к Вейцу. Обняв его, Мари даже протрезвела. Он показался ей спасательным кругом.

— Мариэль, мы же договаривались, — с обидой произнес он, отцепив ее от себя. — Я думал, ты хочешь этого свидания.

— Вейц, прости, дружочек! Мы были в резервации флиомов, а на обратном пути у нас разрядился свейх.

— Место, куда я хотел тебя сводить, уже закрыто.

— Ничего смертельного. Мы поужинаем здесь. А в качестве моего извинения прими от меня приглашение остаться в замке на ночь.

На кухне Шеймас загремел посудой. Конечно, нарочно! Мари махнула рукой и шепнула Вейцу:

— Не обращай на него внимания. Располагайся. Я переоденусь и спущусь.

Не зная, как поднять Вейцу настроение, она подтянулась на носках и чмокнула его в щеку. Он расцвел, и Мари под его взглядом упорхнула к себе вверх по лестнице.

Уже в комнате сняв рубашку, она обратила внимание на свое

плечо, воспалившееся от укуса. Оно было горячее и немного ныло. Но в целом рука не отнималась. Мари сменила белье, все еще влажное после купания, надела свое единственное парадное платье — то, в котором ее сослали в Трейс, и то, за которым Гилья трепетно ухаживала, причесалась и вернулась на первый этаж. Шеймас и Вейц сидели за обеденным столом посреди кухни и, что-то обсуждая, посмеивались. Стол был накрыт небрежно — видимо, Шеймасом. Даже хлеб был не нарезан аккуратными ломтиками, а разломан на куски. Тарелки стояли стопкой, а в них лежала куча столовых приборов. На краю — открытая супница, на другом — рагу. Мари тяжело вздохнула, покачала головой и быстро навела порядок на столе. Потом зажгла свечи, что всегда делала Гилья, и налила всем суп.

— Вейц, ты извини, я с тобой буду так разговаривать, хорошо? — уточнила Мари, начав жадно есть. — Я очень голодная.

— Я никуда не спешу. Вся ночь впереди. Кушай, не торопись, — ответил он, улыбнувшись.

Тогда Мари решила сначала набить желудок, а уже потом — за десертом — заговорить о делах. Мало ли, вдруг зроу отказали или выдвинули невыполнимые условия. Мари не очень-то хотелось подавиться. Однако под зорким взглядом Шеймаса все равно кусок в рот не лез. Мари ограничилась чашкой супа, отказала себе во втором и сразу перешла к холодному травяному чаю с воздушным пирожным.

— Ладно, докладывай, — прервала она молчание, устав от одиночных звуков бряканья ложек.

— Ну-у-у, — Вейц хитро посмотрел на Шеймаса, затем на Мари, — они согласились.

— Правда? — сперва не поверила она.

Вейц утвердительно покивал и улыбнулся.

— Конечно, часть тех культур, что ты назвала, мы даже не знаем. Наверное, они из того мира, где ты жила. Но в наших хранилищах достаточно разных семян, чтобы засеять поля. Зроу просят подробный план действий и список лиц, заинтересованных в спонсорской поддержке. Пока я назвал им себя, Тамани и Саймуса.

— Вот спасибо, — пробурчал Шеймас, жуя рагу.

— А разве ты не заинтересован в процветании Трейса? — пожал плечами Вейц.

— Скажи им, что флиомы с нами, — заговорила Мари. — Они

помогут с материалами для строительства. Еще надо поговорить с начальниками транспортно-рейсовых служб. По поводу плана — я все пошагово распишу! Когда они хотят начать?

— На область надвигается дождевой циклон. Как только осадки смягчат землю, начнем обрабатывать поля. Сейчас они как камень, не продолбить.

— Работать придется круглыми сутками, — произнес Шеймас. — Пахать, сеять и прокладывать оросительные каналы. Иначе следующая засуха погубит все ваши ростки. У вас есть столько рабочих рук?

— Будем искать, — вздохнул Вейц. — По правде, — он с тоской взглянул на Мари, — люди отказываются. Не верят. Боятся, что их снова обманут.

— Они поверят! — уверенно заявила Мари. — Как только откликнется один, за ним пойдет второй, третий, пятый, десятый. Они примкнут к нам. Им надо время. А нам набраться терпения. Главное — зроу с нами! Нэим нам пока не страшен. Нельзя упускать такой шанс.

— Если все провалится, нас на куски порвут.

— Не провалится! Выше нос, парни! Это уже наша маленькая победа!

— Молчание Нэима не означает его бездействие, — внес ложку дегтя Шеймас. — Он даст о себе знать так, что вы пожалеете о задуманном.

— Придет день — и он пожалеет, что родился, — ответила Мари и встала из-за стола. Дойдя до шкафа, она отыскала в нем кувшин сделанного Гильей вина и улыбнулась: — Отметим?

Шеймас и Вейц переглянулись и, посмотрев на Мари, улыбнулись, неизвестно, кто из них шире и лучезарней. Она прекрасно понимала, что они оба грезили одним и тем же, каждый надеясь, что именно ему в эту ночь перепадет сладкое.

«Наивные», — подумала Мари, доставая бокалы.

— Возьмите фрукты, — попросила она, уходя из кухни.

Вскоре все трое расположились на диване в гостиной. Шеймасу было предоставлено право разлить вино, и он не жадничал. Бокалы наполнил доверху. Вот только любезностью он не болел, и Вейцу самому пришлось вставать, чтобы взять бокал. Мари же выпала честь получить свой из руки Шеймаса.

— Благодарю, — улыбнулась она, надеясь как можно скорее

выпить, расслабиться, забыть их поцелуй и уползти в свою кроватку.

Шеймас обмакнул палец в вино в своем бокале и, склонившись над Мари, осторожно смазал укус на ее плече. Она вздрогнула от неожиданности и его очередного прикосновения.

— Снимет воспаление, — пояснил он, наслаждаясь испугом в ее выпученных глазах.

Уголок губ Мари неестественно дернулся в знак благодарности, и она поспешила замять конфуз.

— За что выпьем? — Мари подняла бокал и взглянула на рядом сидящего Вейца.

— За нас, — вздохнул он.

— За наше будущее, — уточнила она.

Они звонко стукнулись стеклом и сделали по глотку. Распробовав букет, они улыбками выразили свое восхищение умением Гильи и выпили еще.

— Сильно не налегай, — сказал Шеймас Мари, тоже усаживаясь на диван. — Я хочу, чтобы ты все помнила.

Мари чуть не задохнулась от его нахальства. Он не стеснялся даже собственного друга!

— Кстати, я вам не мешаю? — усмехнулся он, развалившись. — У вас все-таки свидание.

Закинув одну руку за спину Мари, он приобнял ее за плечи. Вейц снова сунулся в свой бокал.

— Твой свейх сорвал наше свидание, — ответила Мари, корпусом повернувшись к Шеймасу. — Но это не значит, что оно не состоится. Правда, Вейц? Мы же его перенесем?

Тот подскочил на ноги.

— Душно у вас тут? Можно окно открыть?

— Открывай, — позволил Шеймас. — Аглы же притихли.

Пока Вейц возился с компьютерной панелью на стене, чтобы убрать с окна пуленепробиваемую пластину, Шеймас не сводил пристального взгляда с Мари.

— Поздно уже. — Она отставила недопитое вино на столик. — Пойду спать. А вы тут развлекайтесь.

Мари попыталась встать, но Шеймас ей не позволил, силой усадив ее обратно на диван и даже не расплескав вино. Неторопливо допив его, он поставил свой бокал рядом с бокалом Мари и притянул ее к себе.

Раздался щелчок, с одного окна опустилась защита, и Вейц распахнул ставни.

— Пусти, — прошипела Мари, тщетно дернувшись в объятиях Шеймаса. — Вейца постыдись.

Он рассмеялся и весело обратился к другу:

— Эй, Вейц, ты же не будешь против, если мы с Мариэль потрахаемся здесь?

Вейц медленно обернулся и, расстегнув верхнюю пуговицу своей рубашки, вальяжно двинулся в их сторону. В его лице промелькнуло что-то между восхищением и хищностью — то, чего раньше Мари не замечала. На секунду ее парализовало. Она перевела взгляд с Вейца на Шеймаса и вздрогнула от его плотоядной улыбки.

— Я же тебя предупреждал, — властно напомнил он.

«Ах вы скоты! — пронеслось в голове Мари. — Не надо было мне оставлять вас вдвоем. Договорились, значит? Попугать меня решили? Ладно! Я тоже не пальцем деланная».

Уверенная в том, что Вейц попросту подыгрывает Шеймасу, Мари расслабилась и засветилась до умиления истомленной улыбкой. Она прильнула к Шеймасу, ноготком провела по его небритой щеке и, слегка укусив за подбородок, прошептала:

— Что ж ты сразу-то не сказал, что намечается тройничок? Я бы трусики не надевала.

Глаза Шеймаса издевательски полыхнули. Одной рукой прижимая к себе Мари, а другой бродя по ее бедру под платьем, он безотрывно смотрел в ее глаза и взглядом кричал: «Сейчас развлечемся!» И хотя у Мари мороз полз по позвоночнику, поддаваться она не намеревалась. Еще не хватало, чтобы эти двое сочли ее трусихой! Мари с детства ненавидела выглядеть слабой.

Обвив шею Шеймаса руками, она припала к его губам с поцелуем. Пылко отвечая ей, он рукой продолжал пробираться к внутренней стороне ее бедра. Она чувствовала каждое движение его шаловливых пальцев, играючи заискивающих по ее коже. А то, что где-то за спиной на это смотрит Вейц, будоражило кровь у нее в жилах.

В какой-то момент на колено Мари легла еще одна ладонь. И явно не Шеймаса. Где находились обе его руки, она точно знала. Одна гуляла по ее спине, другая вот-вот залезет под кружево белья. Значит, третья лапища принадлежала Вейцу!

Борясь с головокружением, вызванным жгучим поцелуем Шеймаса, Мари мысленно задалась вопросом, когда же они спасуют? Но не тут-то было. Мягко раздвинув ноги Мари, Вейц начал пробираться под ее платье по другому бедру, а ее плечо обожгло его взволнованным дыханием. Оторвавшись от губ Шеймаса и кое-как разлепив глаза, она чуть повернула голову, и в тот же миг Вейц впился в ее рот не менее страстным поцелуем.

«Да вы охренели?!» — внутренне вскипела Мари, замерев. Не отталкивая Вейца, но и не отвечая ему, она хлопала ресницами и соображала, как же теперь остановить это безумие? Она сосалась с двумя лапающими ее мужиками! Да, Мари хотела помочь аглам. Но это не означало, что она будет давать всем и каждому, потому что с женщинами в Трейсе — беда! Однако тело предавало ее. Оно стало отвечать на ласки, подчиняясь инстинктам, а не здравому смыслу.

Поцелуй Вейца был так настойчив, что Мари невольно стала на него отвечать. А Шеймас тем временем, добравшись до ее белья, стал поглаживать ее лобок, спускаясь все ниже и вынуждая Мари сильнее раздвигать ноги. Когда пальцы Шеймаса ощутили ее влажность, отступать было поздно. Тело подставило ее, сделав свой выбор в пользу этих двух извращенцев.

Оставив губы Вейца, Мари чуть отстранилась и приоткрыла глаза. Зрачки Вейца сделались вертикальными и глаза стали похожи на кошачьи. Он аппетитно облизнулся, и Мари увидела выступившие у него клыки.

«Ничего себе, расовая особенность!» — подумала она, скорее еще больше возбуждаясь, чем паникуя.

Снова повернувшись к Шеймасу, она опять слилась в поцелуе с ним, а ее рука плавно скользнула по груди и животу Вейца и остановилась на его паху. Его ствол под обтянутыми брюками уже был в боевой готовности, но Мари все равно стала водить по нему ладонью. Сам же Вейц стал покрывать поцелуями ее шею и плечо, медленно стягивая с него лямку платья.

«Один на пять лет старше, другой на пять лет младше, — размышляла Мари, стремительно переставая контролировать себя. — Ну и бутерброд!»

От «бутерброда» ее бросило в жар. Ее щеки запылали от ужаса. Мари собралась подскочить и, наплевав на имидж, закатить истерику,

но Шеймас, отодвинув ткань ее трусиков, ввел в нее палец, отчего Мари выгнулась и, застонав, прикусила губу. В порыве накатившей волны возбуждения она сжала член Вейца так, что тот тоже издал глухой стон у нее над ухом.

— Не так сильно, детка, — прошептал он, и Мари чуть расслабила руку.

Вейц привстал с дивана и, подхватив Мари за ноги, повалил ее на спину. Ее голова оказалась на коленях улыбающегося Шеймаса. Он прочитал страх и недоумение в ее глазах, но облизывая только что побывавший в ней палец, даже не пытался прекратить разворачивающуюся оргию.

Вейц ловко стянул с Мари трусики и, передав их Шеймасу, согнул ее колени. Не успела она хоть отдаленно предположить, что они задумали, как Вейц ртом присосался к ее влажным складочкам, а Шеймас связал ее руки ее же собственными трусиками и запрокинул ей за голову. Склонившись к ее лицу, он осклабился и горячо прошептал:

— Наслаждайся настоящим сексом.

Мари открыла рот, чтобы сказать, что он придурок, но Вейц, поймавший ее набухшую горошину, всосал ее в себя и вынудил Мари вскрикнуть. Напугавшись собственного голоса, она задрожала. Шеймас схватился за ляжку ее платья и, потянув, с хрустом порвал его. Швы ткани давили и царапали ее огнем охваченную кожу, но в тот момент Мари было плевать и на эти посторонние ощущения, и на пришедшее в негодность платье. Она находилась во власти двух мужчин, один из которых классно вылизывал ее киску, а второй опять сводил ее с ума бешеным поцелуем и крепкой ладонью мял ее обнаженную грудь.

Дальнейшее происходило как во сне — диком, нелепом, сказочном.

Вейц, возвысившись над ней и вынув из штанов налившийся кровью агрегат, плюнул на ладонь, смазал конец и осторожно ввел его в раскрывшуюся ему навстречу щелку. Мари застонала прямо в губы целующего ее Шеймаса, а он продолжал ласкать ее грудь и удерживать связанные руки. Поначалу Вейц был медлителен, ритмичен, но с каждой новой минутой он увеличивал темп, усиливал толчки и врывался в Мари до предела.

В какой-то момент он притормозил. Мари уже ни на что не надеялась. Эти двое не отстанут, пока не кончат раза по два. Но она была готова взорваться от неистового желания позволить этой ночью

себе то, чего в приличном обществе стыдятся. Она слишком много пережила в последнее время, так что заслужила самый мощный отрыв. И пусть завтра все горит синим пламенем, сегодня она сделает себя счастливой!

Вейц стащил Мари на пол и поставил на колени лицом к сидящему Шеймасу. Тот одной рукой держал ее связанные руки, а другой подрачивал свой член. И как она не заметила, когда он его вытащил?! Не дав ей ни секунды покоя, Вейц ворвался в нее сзади и продолжил трахать. Мари смотрела на довольного Шеймаса и видела в его лице удовлетворение даже созерцанием того, что ее имеет другой. Ничего себе — запечатление! Луиссар боялся потерять ее, а его братец кайфовал от групповухи!

Стоя на коленях перед стоячим членом, уставшая, сбита с толку, в обрывках платья, Мари чувствовала себя последней шлюхой во Вселенной, и ей было приятно, черт возьми! Никогда в жизни не подумала бы, что ее будут драть два мужика, и никогда не подумала бы, что это будет доставлять ей неземное удовольствие.

Наплевав на остатки стыда, Мари смело подалась вперед и ртом поймала головку члена. Вейц ненадолго уменьшил темп, чтобы она могла как следует ухватиться, и когда Мари заглотила ствол, а Шеймас, зарывав, откинул голову на спинку дивана, Вейц продолжил.

Так они долбили ее до самого конца. Мари сбилась со счету, сколько оргазмов успела испытать за этот акт, но она не сдалась и не прекратила, позволив Вейцу залить спермой ее спину, а Шеймасу — ее грудь. И вопреки тому, что в финале она еле дышала, ничего не слышала из-за непрекращающегося звона в ушах, видела плывущие круги перед глазами и не чувствовала собственного тела, она была абсолютно счастливой.

Но мужчины не бросили ее в таком виде посреди гостиной. Вейц стянул с нее остатки платья, вытер ими ее испачканное тело, а Шеймас на руках отнес ее в душ и помог вымыться. Потом обернул ее мягким пледом и отнес в комнату. Уложив утомленную Мари в постель и напоив холодной водой, он нежно поцеловал ее в губы и прошептал:

— Отдохни. Через пару часов продолжим.

Глава 25. Вейц

Сон у Мари как рукой сняло. Уснешь тут после такого предупреждения! Проводив Шеймаса рассеянным взглядом, Мари натянула тонкое одеяло до самого подбородка и, как только за одним из ее любовников закрылась дверь, уставилась в потолок.

— Ну, Машка, ты и умница! — выругала она саму себя.

Если бы всего месяц назад кто-то сказал ей, что скоро ее собьют на загадочной невидимой машине, перенесут в другой мир, где она станет невестой настоящего императора и узнает тайну своего рождения, а позже будет предана, признана политической преступницей и сослана в мир-тюрьму, наполненный не только опасностями, но и извращенцами, которым она так легко отдастся, Мари покрутила бы у виска тому идиоту.

Что скрывать, Вейц ей понравился еще при их первой встрече. Да и он слюни пускал, глазами ее раздевая. Даже свидание само собой наклюнулось. Но как-то не так Мари себе все представляла. Совсем не так!

Потерев щеки, она закрыла глаза и глубоко вздохнула. Расслабленное тело и напряженный мозг стали бороться друг с другом. Одно доказывало, что новый опыт — нечто потрясающее, другое заставляло Мари чувствовать себя чем-то ничтожным, вроде грязи из-под ногтей.

Следующие пару часов обещанного Шеймасом покоя превратились для Мари в муку. Она ерзала в постели, то садясь, то снова ложась. Ходить она не могла, ноги не слушались, иначе шагами измерила бы комнату вдоль и поперек. Мари опустошила графин, выпив всю принесенную Шеймасом воду, но так и не успокоилась. Прислушиваясь к каждому шороху, она все ждала, что вот-вот распахнется дверь и на пороге появятся Шеймас и Вейц. Но никто не пришел. Время стремительно летело. И хотя в комнате Мари не было часов, она знала, что прошло больше двух часов. Решив, что Шеймас снова пошутил, она все-таки удобно улеглась и, прикрыв глаза, заставила себя поспать.

Ее разбудил ласковый шепот и нежное поглаживание плеча. Мари с трудом повернула голову и приоткрыла один глаз. Рядом с ней сидел

улыбающийся Вейц. Она вздрогнула и, подорвавшись с места, отползла к изголовью кровати. Прикрываясь одеялом, Мари сверлила Вейца недоверчивым взглядом и давала понять, чтобы он держался подальше.

— Ты напугал ее, Саймус, — фыркнул он, через плечо посмотрев на стоявшего позади Шеймаса. Тот, облокотившись на комод, грыз какой-то фрукт, напоминающий яблоко.

— Я? — усмехнулся он. — Ты ее разбудил, а не я.

Вейц снова посмотрел на Мари и примирительно приподнял руки.

— Чего ты боишься, Мариэль?

— Ты еще спрашиваешь? — глухо просипела Мари севшим от злости голосом. — Зачем вы так со мной? — Она посмотрела сначала на Шеймаса, потом на Вейца и снова на Шеймаса. — Как с потаскухой?

Вейц нахмурился, Шеймас спокойно продолжал жевать.

— Разве мы обидели тебя? — произнес Вейц. — Если ты из-за платья, не волнуйся. Я подарю тебе новое.

Мари поперхнулась возмущением, отчего не смогла вымолвить ни слова.

— Оу, ты не из-за шмоток, — Вейц прикусил губу и почесал затылок. — Тогда тебе надо время. Ну, чтобы все обдумать. У меня вообще-то идея созрела...

— Идите на хрен со своими идеями! — выпалила Мари.

Вейц опять взглянул на непоколебимого Шеймаса.

— Ты меня не так поняла, — пояснил он. — Это касается рабочих рук. Я знаю, с чего начать. Поэтому отправляюсь в город сейчас, чтобы ранним утром решить вопрос. Но я не мог уйти не попрощавшись.

— Прощай, — сухо ответила Мари. — А теперь иди.

— Мариэль...

— Что? Вы воспользовались моим доверием и... и...

— И? Что? — Вейц подсел ближе к ней и пристально посмотрел в ее глаза. — Что плохого мы тебе сделали? Тебе было больно? Или неприятно?

— Это бесчестно по отношению ко мне! Я считала вас своими друзьями!

— Так, ладно. Придется задержаться. Я не смогу уехать, зная, что ты ненавидишь меня. Саймус, выйди, пожалуйста.

Шеймас озадаченно хмыкнул, pokrutil в руке «яблоко» и, смачно надкусив, вышел из комнаты. Его уход ничуть не расслабил Мари. Она

боялась напороться на очередную подлянку.

— Поговорим? — спросил Вейц.

Мари окинула его хмурым взглядом и молча кивнула.

— Ты рада своему запечатлению? — неожиданно спросил Вейц.

— Нет, — ответила она, не понимая, к чему он ведет.

— И Саймус не рад. Ты все еще думаешь о Луисцаре?

— Думаю, — не стала лгать Мари.

— Ты хотела бы выбросить его из головы? Бросить вызов Вселенной и доказать, что не Она должна распоряжаться твоей жизнью?

— Д-да.

— И Саймус тоже. Не понимаешь, да? Мариэль, ты не сможешь быть с Саймусом. Он же говнюк, — улыбнулся Вейц, и эта улыбка слегка согрела Мари, тронув лед в ее сердце. — И он не сможет быть с тобой, потому что ты слишком умная для него. Но и друг без друга вы тоже жить не сможете. Понимаешь, вы как две половинки единого целого, и чтобы склеить эти половинки, нужен клей. То есть кто-то третий.

— То есть ты? — Мари стиснула зубы и процедила: — И кто из вас это решил?

— Ты, — вдруг ответил Вейц. — Саймус не стал бы делить тебя с кем попало. Ты хоть и запечатлена с ним, но никогда не залезешь в его голову. А поверь, в ней созревают самые фантастические идеи. Я залип на тебя, как только увидел. И что-то мне подсказывает, я тебе тоже понравился. Саймус знает, что я никогда не обижу тебя. Знает, что я не противен тебе, иначе ты не флиртowała бы со мной тогда в пансионе. Это ты остановила свой выбор на мне, а Саймус лишь слегка подтолкнул тебя.

— Какой заботливый. Помнится, у него еще друзья есть. Он что, под всех меня подложит?

— Нет, — засмеялся Вейц. — У нас с ним особая связь.

— Вы что, геи?

— А похожи?

— Нет.

— Тогда не забивай голову подобными мыслями, — улыбнулся Вейц. — Мы не геи. Мы как братья. Я единственный во Вселенной, кому Саймус доверит свою жизнь. А ты — его жизнь.

— Конечно, — нервно хохотнула Мари. — Он то и дело оскорбляет

меня.

— Ты так и не научилась его понимать. Говоря, что у тебя плохая фигура, он пытается доказать это самому себе, потому что у него член встает, когда он видит тебя. Говоря, что ты дура, он снова пытается доказать это самому себе, потому что его с ума сводит твое мировосприятие. Он злит тебя, чтобы оттолкнуть, потому что боится, что рядом с ним ты пропадешь. Он считает, что недостойн тебя. Хочет, чтобы ты была счастлива. И да, он ревнует тебя ко мне. Я боялся, что он заедет мне в челюсть после того, как отнес тебя в комнату. Он сдержался. Переборол ревность.

— Какое великодушие. И что, клей, ты выполнил свою функцию? Теперь мы с Шеймасом заживем душа в душу?

— Ты разве не поняла, что это только начало? Мы хотим попробовать втроем. И если все получится...

— Это же ненормально! — ужаснулась Мари. — Ладно — один раз! Я постараюсь закрыть на это глаза, думая о будущем Трейса. Но регулярно и даже постоянно... Я не шлюха!

— Никто из нас не считает тебя таковой. Мариэль, мы уважаем тебя.

— Мужчины, уважающие женщину, не жарят ее во все щели на двоих!

— Ну... мы еще не все щели испробовали...

— Вейц! — Мари заорала так, что саму себя испугалась.

— Прости, — опомнился он. — Мариэль, ты необыкновенная. Я таких еще не встречал, тем более здесь — в Трейсе. Когда-то о тебе узнают все. У тебя появятся как поклонники, так и маниакальные фанаты. Так я врагов называю. Мы с Саймусом готовы жизнь за тебя отдать. Мы станем твоей защитой. Ты даже не представляешь, как круто изменила наши жизни. Думаешь, только Саймус здесь дерьмо хлебал? Все аглы проходят через леденящие кровь ужасы. И меня они не обошли стороной. Мы не будем настаивать. Решать, конечно, тебе. Мы с пониманием примем любое твое решение. Ты не торопись, не делай поспешных выводов. Мы подождем, сколько понадобится. Но не отталкивай нас. Не пожелаешь быть с нами в любовной связи, останься хотя бы другом.

— Какая любовная связь, Вейц? Ты самого себя слышишь? От нее рождаются дети. Будь в курсе на будущее. И что они будут думать обо

мне? О вас? Два папы!

— Два папы лучше, чем ни одного. Я в курсе, как появляются дети. Ты что, думаешь, мы вдвоем не сумеем их вырастить? У меня вообще не было родителей, ты выросла в приюте, а у Саймуса, сама знаешь, какая судьба. И он, и я в голос заявим, что лучше бы у нас было по два папы, чем та залупа, что мы пережили.

Мари замолчала. В словах Вейца она нашла зерно истины, а признавать чье-то превосходство Мари умела.

— Я не буду навязывать себя, — добавил Вейц, вставая. — Как решишь, так и будет. Прости, если я чем-то обидел тебя. Надеюсь, это не последняя наша встреча. Поэтому до свидания, Мариэль. Увидимся.

Не дождавшись ее ответа, он ушел. Мари сползла на подушку и, посмотрев в никуда, прислушалась к его удаляющимся шагам. Затем наступила тишина — долгая, звенящая, тяжелая. Мари думала над словами Вейца и признавала, что они с Шеймасом действительно не желали ей зла. Они не насильовали ее. И она была уверена, что если бы остановила их, они не стали бы брать ее против воли. Она сама отдалась им, как бы нелепо это ни звучало. И теперь Вейц предложил ей роман вдвоем, который, судя по всему, обсуждался не за кухонным столом, пока Мари переодевалась, а гораздо раньше.

«Вот почему Шеймас так долго пробыл в городе! — догадалась Мари. — Не из-за помидоров. А из-за меня и Вейца!»

— Спишь? — привел ее в чувство грубый бас Шеймаса.

Мари обернулась. Тот стоял в дверном проеме.

— Вейц уехал.

— Что он натворил? — спросила Мари.

— Лишь не вытер ноги о коврик, — ухмыльнулся Шеймас.

— За что его сослали в Трейс?

— А, ты об этом. — Шеймас прошел на середину комнаты и, сунув большие пальцы в карманы штанов, ответил: — Его не сослали. Его сюда выбросили.

— Выбросили? — насторожилась Мари и опять села в постели, прикрываясь одеялом.

— Ты точно хочешь это услышать?

— Да, я хочу знать, как он оказался здесь? И что вас связывает?

Глаза Шеймаса блеснули огоньком. Долгими, угрожающими шагами он приблизился к кровати и, обжигаяще глядя на Мари,

коленом уперся в постель. Чуть подавшись вперед, Шеймас присел на согнутую ногу и только потом спросил:

— Позволишь?

— Ты уже сел, сама тактичность! — заметила Мари, крепко сжимая в кулаках край одеяла.

— Да я же пошутил про продолжение. Не все так сразу. Мы подождем, пока ты сама попросишь.

— Сейчас умру от чувства благодарности.

— Не надо. Живая ты интересней.

— Хватит! Я у тебя про Вейца спросила.

— Вейц, — вздохнул Шеймас. — Вейц, Вейц, Вейц. Он — выращенный в лаборатории Междумирья гибрид. Отсюда и все его неудачи.

— Что значит — выращенный в лаборатории гибрид? Он что, искусственный?

— Нет конечно, — усмехнулся Шеймас. — Считай его чем-то вроде суррогата. Он полноценный... Хм... Я даже не знаю, к какой расе его отнести. Эти ученые, возомнившие себя выше Вселенной, намешали в нем столько всего, что без бухла не разберешься.

— Они выращивают гибридов?

— Большинство погибает во время экспериментов. Кто-то на первой фазе, другие на второй и так далее. К концу выживают единицы. Потом их готовят к работе на Орден. Вейц оказался бракованным. Не прошел испытание. Вот его и выбросили в Трейс. Лет семь-восемь назад. Совсем пацаном был.

— Зачем Ордену служащие, выращенные в пробирках? — удивилась Мари.

— Потому что обычные солдаты даже под угрозой ссылки отказываются нести службу в особо опасных точках, — пояснил Шеймас. — Гибриды — запрограммированные машины, способные и готовые ко всему, — выход из положения. Вейца готовили к службе миротворцем Трейса. Во время теста на казнь агла он опустил оружие. Сразу брак, суд и ссылка!

— В Трейсе есть миротворцы?

— В нашей области нет. Здесь от них Нэим избавился, когда меня сослали. Функцию миротворцев тут осуществляет его шайка зроу.

— То есть у Вейца даже родителей нет... — Мари была в шоке от

этой новости.

— Его родители — это смешанный биоматериал. Представь, каково это, не зная, кто ты? У него даже генного знака нет, — Шеймас указал на печать на своей ладони. — А на тюремном жетоне в графе «раса» указано «экспериментальная ошибка». Вот кто он. Ошибка, понимаешь?

— Какой кошмар, — прошептала Мари, растерянным взглядом блуждая по комнате. — Но он же как-то нашел в себе силы. У него свой пансион.

— Умный, зараза. Только пришел к этому он после того, как я его из петли вытащил. Его здесь ни во что не ставили. Все относились к нему, как к прокаженному. Стороной обходили. Он ведь зверь. Его боялись.

— Зверь? — нахмурилась Мари.

— Я же говорю, в нем целая коллекция генов. В агрессивном состоянии он трансформируется и перестает себя контролировать.

— Нифига себе. А как вы познакомились?

— Меня тогда Гилья как раз выходила. Мне было глубоко насрать на жизнь. Решив свести с ней счеты, я отправился в лес, прямо в пасть к каврам. А там Вейц в петлю только-только залез. Его отовсюду гнали, вот он и скрылся в лесу, где тоже решил суициднуться. Мы провели там несколько дней, рассказывая друг другу о том, как чудесна жизнь, а потом на нас напали кавры. Это Вейц. Я никогда не победил бы их вожака в одиночку. Он вымотал его, а я лишь свернул шею. — Шеймас пронзительно взглянул на Мари. — Вейца нельзя злить. Но он единственный во Вселенной, кому я доверяю.

— Он не похож на зверя.

— Сейчас он контролирует себя. Тем более, есть, ради кого.

— Ты же не меня имеешь в виду?

— После победы над каврами я вернулся в замок. Вейц остался в лесу. Иногда я навещал его. Но он отказывался возвращаться в общество. А позже в городе умер старый хозяин пансиона. Я быстренько выкупил его и подарил Вейцу. Как только горожане узнали, что теперь он при деньгах и какой-никакой власти, отношение к нему резко изменилось. Перед ним были готовы расстелиться. Но личная жизнь у него не складывалась. Во-первых, та пара женщин, что все же у него была, исчезла. Одна в ужасе удрала от него, когда увидела его обнаженным. Другая свалила, увидев его жетон. Орден внушил всем

боязнь гибридов. Во-вторых, он сам на кого попало не позарится. Вейц — ценитель прекрасного.

Это прозвучало как комплимент, и Мари невольно улыбнулась.

— Есть предположение, что мы влюбляемся за долю секунды, — добавил Шеймас. — В глаза, голос, запах. Если бы не твое двойное запечатление, уверен, тем единственным в твоей жизни стал бы именно Вейц. Так что ты подумай, прежде чем прогонять его. Он бросился в атаку на чудовищ, чтобы спасти меня — едва знакомого ублюдка. Представь, на что он готов ради тебя? Я ведь сдохну когда-нибудь. Ты сама видишь, как я живу. У меня смерть за спиной стоит. Я хочу быть уверен, что рядом с тобой будет настоящий мужик, а не... Лу.

— Не говори так, — с болью прошептала Мари.

— Я и так не стал сквернословить. Но Лу — он и есть Лу.

— Я не о нем. Я о тебе. — Наконец отпустив одеяло, Мари на коленях подползла к Шеймасу и, обвив его шею руками, взобралась на него. — Не смей, слышишь? — прошептала она ему на ухо. — Не имеешь права говорить о своей смерти. — Ее глаза защипало от наворачивающихся слез. Полчаса назад она была готова убить Шеймаса, теперь она боялась выпустить его из своих объятий. — Ты нужен мне, Шеймас.

В этот раз нерешительно, но все же он обнял ее и, притянув к себе, поцеловал.

— Лучше прогони, — прошептал он ей в губы, горячо целуя. — Я не удержусь.

— Так и не сдерживайся. Будь собой, а не тем, кого все всегда хотели в тебе видеть.

Шеймас чуть отстранился, посмотрел в глаза Мари и усмехнулся:

— Ты точно дура.

Повалив ее на кровать, он навис сверху и снова стал целовать. А Мари, нащупав ремень на его штанах, принялась его расстегивать. Она больше не сомневалась в том, что дорога Шеймасу, и хотела делить с ним каждую свободную минуту. Этот мужчина заслуживал ласки, которой его никогда не баловали. И Мари намеревалась доказать ему, что он достоин настоящей любви.

Она стонала и выгибалась под ним, царапая его обнаженную спину и ногтями впиваясь в его ягодицы, когда жаждала, чтобы он ускорял темп. Шеймас хрипло рычал сквозь зубы и мягко кусал ее ушко и шею,

вторгаясь в нее с неистовой силой. В порыве страсти он даже прошептал: «Люблю», — и Мари твердо для себя решила, что отныне этот мужчина только ее!

Она не знала, что будет завтра. Получится ли поднять область с колен? Чем ответит Нэим на их последнюю выходку? Что будет в их отношениях с Вейцом? Найдется ли накопитель, способный доказать вину Нэима и Тальины в их страшном преступлении? Женится ли Луисцар на Лейсандре или все же выполнит свое обещание и попытается вытащить Мари из Трейса? Но она точно знала, что теперь ее дом там, где Шеймас. А Шеймас теперь — ее жизнь!

Глава 26. Задержка

Мари проснулась раньше Шеймаса. Если ее сон вообще можно назвать сном после этой дикой ночи. Шеймас мерно похрапывал, отчего Мари хихикнула. Легонько поцеловав его в висок, она поднялась и отправилась в душ. Помывшись прохладной водой, она ощутила прилив жизненных сил и прямо нагишом занялась приготовлением завтрака. Гильи не было, так что Мари некого было стесняться. Она поджарила тосты, смазала их маслом и ягодным джемом, заварила освежающий травяной чай и взбила сливки, добавив в них собранную накануне сиегу. Разложив все в сервизные чашки, Мари составила их на поднос и поднялась в свою комнату.

Поставив поднос на кофейный столик около кровати, она подлегла к Шеймасу и, слегка укусив его за мочку уха, шепнула:

— Шеймас, просыпайся. Завтрак готов.

Он сонно промычал, пошевелился и, поморщившись, открыл глаза. Лениво потерев их, он улыбнулся Мари и прохрипел:

— Какого хрена?

— Ты такой романтик, — промурлыкала она, пальцем водя по рельефам его груди. — Я тебе завтрак приготовила.

— Чего? — нахмурился он, приподнимаясь на локтях.

Мари развернулась, взяла поднос и поставила его на постель.

— Вот.

Шеймас вытаращился на еду и замер. Минуту в комнате стояла ничем не нарушаемая тишина, потом Мари не выдержала и заговорила:

— Тебе никто никогда не приносил завтрак в постель?

Он мотнул головой, не поднимая лица.

— Обо мне вообще никто никогда не заботился, — буркнул Шеймас, усаживаясь удобнее.

— Но теперь у тебя есть я, — улыбнулась Мари, подав ему чашку чая на блюде и тост с маслом. — И все изменится.

— А ты гольшом готовила? — поинтересовался он.

— Да, ты пропустил много интересного, пока храпел.

— Трейсовские аглы, — глухо выругался Шеймас и занял рот тостом.

Мари засмеялась и, встав, подошла к бельевой сушилке, на которой висела ее рубашка и шорты.

— Уже рассвело, — сообщила она, одеваясь. — Флиомы не будут ждать пекла. Они приедут рано. Надо их встретить.

— Мне еще Стражей кормить. Они без ужина остались, — жуя, вспомнил Шеймас.

— Ты подумал над моим предложением отпустить их? Мне они теперь ни к чему. Защитники у меня есть.

— Я как-то привык к ним.

— На воле им будет лучше. — Мари оделась, собрала волосы в хвост, надела шляпу и сапоги и, подойдя к кровати, наклонилась. — Кушай, не торопись, — с улыбкой сказала она и поцеловала Шеймаса в щеку.

— Погоди... Код для разблокировки...

— Я знаю, — ответила Мари, дефилируя к двери. — Ты его много раз при мне набирал.

Шеймас улыбнулся и настоятельно добавил:

— Только сначала камеры проверь.

Мари сделала, как велел Шеймас, убедилась, что никакой опасности в окрестностях нет, отключила систему защиты и вышла на крыльцо. Вдохнув полной грудью, она почувствовала себя словно заново рожденной. Мир стал казаться краше, жизнь легче и прекрасней. Глядя на пустошь, она видела цветущие сады будущего, слышала детский смех и вдыхала аромат разнотравья. И это вдохновляло ее продолжать бороться.

Мари не ошиблась, флиомы прибыли рано. Два летающих грузовика с прицепами.

— Похоже, они собираются здесь все выкорчевать, — вздохнул Шеймас, как раз выйдя из подвала, где содержались Стражи.

Флиомы целой гурьбой выкапывали разросшиеся кусты.

— А тебе не все равно? — Мари игриво толкнула его локтем в бок. — Ты продал этот замок.

— В ипотеку, — уточнил Шеймас. — И кое-кто до сих пор мне должен.

— Вот мерзавка.

Он засмеялся и, обняв Мари сзади, поцеловал ее в шею.

— Зато моя мерзавка, — прошептал он.

— Смотри, сколько черепицы они привезли, — она кивком указала на щедрый подарок флиомов. — На три замка хватит. С ними можно работать.

— Вот только они не привезли мне помощников. А один я ее лет десять буду менять.

Его слова заставили Мари обернуться. Она закинула руки за голову Шеймаса и хитро улыбнулась:

— Повтори.

— Что?

— Ты собираешься принять участие в восстановлении замка? Ничего себе, нежданчик!

— Сам в шоке, — засмеялся Шеймас и поцеловал ее в губы.

Мари, подтянувшись на носках и прижавшись к нему, с чувством ответила, забыв о яро копающих ее сад флиомах.

— Мы все! — оповестил ее один из них, отряхивая трехпалые руки.

Мари оторвалась от Шеймаса, облизнулась и взглянула на сад. К счастью, флиомы не нагтели. Действительно выкорчевали только лишнее.

— Передайте вашему руководству, что я очень благодарна вам за сотрудничество. На днях Советом зроу будут оформлены документы. Так что скоро нам понадобится материал для строительства. И возможно, кое-какая техника.

— Вам тоже просили кое-что передать. У вас очень вкусная лазанья.

— Спасибо. Я обязательно пришлю еще.

— С вами приятно иметь дело, палал. До свидания.

— До свидания, — улыбнулась Мари.

Как только уехали флиомы, вернулась Гилья. Шеймас взял у нее тяжелые сумки и внес их в кухню.

— Ты, как всегда, набрала всякой ненужной ерунды? — ворчал он, ставя их на стол. — Я регулярно привожу все необходимое. Сдалась тебе эта ярмарка!

— Господин, я такой красивый подсвечник купила! — восторженно заявила уставшая Гилья, ища в сумках покупку.

— Наверное, он творит чудеса, раз ты так отчаянно жертвуешь собой, — Шеймас налил себе стакан воды, но не донеся его до рта, передал запыхавшейся Гилье.

— Благодарю, господин, — ответила она, напилась и продолжила рыться в сумках. — Ох, а это вам, госпожа! — Она вытащила и протянула Мари небольшую коробочку. Покосившись на пьющего Шеймаса, она понизила голос и пояснила: — Тампоны для критических дней. Не знала, какие вам брать. С аппликатором или...

Мари оцепенела. Задрожавшей рукой положив коробочку на стол, она ощутила, как опора уходит у нее из-под ног. Руками упершись в столешницу, она потупила взор на коробочку и тихо спросила:

— Гилья, а теста на беременность у тебя нет?

Шеймас поперхнулся водой и закашлялся.

— Что, простите? — переспросила служанка.

— У меня задержка, — призналась Мари.

Тут же забыв о подсвечнике, Гилья опустилась на стул. А Шеймас, прокашлявшись, уставился на Мари. Она боялась смотреть на него — не то от стыда, не то от того, что только что растоптала все его планы и мечты. Это утро началось с того, что Мари почувствовала себя самой счастливой женщиной во Вселенной. Теперь она чувствовала себя самой несчастной.

Так и не взглянув на Шеймаса, она развернулась и стремительно покинула кухню. Выскочив на улицу, Мари умчалась в глубину сада и, сев под старым фруктовым деревом, обхватила подогнутые ноги руками. Лбом уткнувшись в колени, она тихонько заплакала. Говорят, дети — дар. Они не виноваты в поступках своих родителей, но именно сейчас Мари стало больно от мысли, что, вполне вероятно, она носит под сердцем дитя Луисцара — того самого, кто ради своей матери с ее откровенно сомнительной репутацией отрекся и от брата, и от невесты.

— Мариэль, — послышался взволнованный голос бесшумного подошедшего Шеймаса.

— Уходи! — сквозь слезы ответила она, не поднимая лица.

Он сел рядом и с силой притянул ее к себе. Прижавшись к его крепкой груди, Мари совсем разрыдалась.

— Надеюсь, ты плачешь от счастья, — произнес Шеймас, сняв с нее шляпу и начав гладить ее по голове.

— Какое уж тут счастье!

— А разве ребенок — это проклятье? Я был зачат случайно. И я себя проклятьем не считаю. Наоборот, во Вселенной наконец-то появился красавчик.

Мари всхлипнула и приподняла голову. Взглянув на Шеймаса, она стала успокаиваться.

— Может, моя мать тоже плакала, но вряд ли она считала меня своим несчастьем.

— Дело в том, что я хотела от него ребенка, — шмыгнув носом, сказала Мари. — Правда хотела. Я верила ему. Не предохранялась. А как теперь быть? Рожать от труса и предателя? Это его ребенок, Шеймас. Не твой.

— Не мой, — согласился он. — Но он твой. Думаешь, я брошу тебя из-за ребенка? — Шеймас заботливо вытер мокрые дорожки с ее щек. — Глупая. Какая же ты глупая! Он же и мне не чужой. Поэтому даже не думай об аборте. Это неправильно. Нельзя отнимать невинную жизнь.

— Нэим убьет его, — прошептала Мари.

— А кто скажет ему, что ребенок от Лу? Тем более, возможно, ты паникуешь на пустом месте. Тебя сбили на свейхе, насколько я знаю.

— Да.

— Браслетами лечили?

— Да.

— А какие-нибудь изменения в тебе произошли?

Мари развернула ладонь с генным знаком.

— Он вернулся. И волосы. Они были крашенными.

— Вот видишь. Если вдруг у тебя был нарушен менструальный цикл, он тоже мог нормализоваться и сдвинуться по срокам.

— Не знаю, — воодушевляясь, вымолвила она. — Я много работала. На стрессовой почве мне было не до ведения женского календарика. Я лишь была уверена, что не беременна и не больна, потому что всегда имела под рукой презервативы. Извини.

— За что? Это было до меня, — улыбнулся Шеймас. — Почему ты думаешь, что у тебя задержка, если не ориентируешься в датах?

— Шеймас, прошел почти месяц, как я покинула Землю. Предыдущие месячные закончились недели за две до этого. По-моему, тут и ориентировать не надо. Все ясно! Дотрахалась!

— Учитывай свои телепортации, смену климата, воды, еды. Стресс. Раздражение. Особенно от меня. Мариэль, конечно, я хочу, чтобы твоя задержка не означала беременность от Лу. Но если здесь, — он положил ладонь на ее животик, — малыш, то поверь, он не будет обделен

вниманием и любовью. Я стану его защитой, а ты его уютом. А еще у нас есть Вейц.

Мари снова расплакалась и уткнулась в грудь Шеймаса.

— Луис не принял бы твоего ребенка, — выдавила она.

— Конечно. Ему бы мама не разрешила, — усмехнулся он, поцеловав Мари в темечко.

— Госпожа, — робко обратилась к ней подошедшая Гилья. — Я приготовила вам раствор.

— Что? — Мари отстранилась от Шеймаса и посмотрела на баночку со светло-зеленой жидкостью в руках служанки.

— Я когда-то медсестрой работала. Навыки врачевания есть. Кое-что помню. Вам надо помочиться сюда. И подождать. Если раствор станет синего цвета, вы не беременны. А если красного... Поверьте, это надежнее любого теста.

— И что, можно прямо сейчас? — спросила Мари.

— Да.

Она взглянула на Шеймаса, прочитала одобрение в его глазах и встала. Взяв у Гильи баночку, она зашагала к замку.

— Я нужен тебе? — окликнул ее Шеймас.

— Нет, тебе незачем смотреть, как я писаю в баночку, — буркнула Мари и как можно скорее скрылась подалее от него и Гильи.

Запершись в ванной, Мари поставила баночку на крышку унитаза и минуту молча смотрела на нее, набираясь храбрости, потом все же расстегнула и стянула шорты, а следующую четверть часа, сложив ладони, как в молитве, сидела на полу и немигающе глядела на раствор. Когда он изменил цвет, она, почти не владея собственным телом, вылила его в унитаз, выбросила баночку в мусорную корзину и пошатывающейся походкой вышла из ванной. Шеймас и Гилья ждали ее на кухне, отрешенно глядя на неразобранные сумки с покупками.

— Ну? — Шеймас встал, едва Мари появилась на пороге.

Она слабо улыбнулась и ответила:

— Он стал синим. Я не беременна.

Шеймас расцвел жизнерадостной улыбкой и, метнувшись к Мари, подхватил ее на руки. Оседлав его, она ногами обвила его талию и спилась в его губы страстным поцелуем. Засмущавшаяся Гилья сразу отвлеклась на свои покупки.

— Я же говорил, — прошептал Шеймас, горячо целуя Мари. — Все

будет хорошо.

— Да, — ответила Мари. — Теперь у нас все будет хорошо.

Глава 27. Голос разума и зов сердца

Шеймас занялся ремонтом кровли в тот же день, как флиомы привезли новую черепицу. Мари, все время копошащаяся в саду, частенько с любопытством поглядывала на него. Его натренированное смуглое тело, покрытое влагой от жары, вызывало у нее томные вздохи и дрожь в коленях. Иногда Мари поднималась к нему и едва ли не в приказном порядке требовала его немедленной аудиенции. А Гилья не могла нарадоваться тому, что ее господин и госпожа вместе и счастливы.

Через несколько дней в области похолодало. Небо затянуло тучами и начал накрапывать дождь. Мари надеялась, что выпадет достаточно осадков, чтобы зроу дали старт полевым работам. Из отчета Вейца, привезенного для Мари мальчишкой-почтальоном, она узнала, что уже собрана целая бригада рабочих, а на поля завезена кое-какая техника, одолженная флиомами.

— Я же говорил, что он умный, — с улыбкой подтвердил Шеймас, перечитав отчет.

Мари лишь согласно кивнула. После той ночи она никак не решалась лично встретиться с Вейцом. Общались они исключительно методом переписки и строго по рабочим вопросам. Но она все равно каждый день с замиранием сердца ждала от него новой весточки.

— Вот только к нам никто так и не идет, — вздохнула Мари. — Если разыграется ливень, у нас все верхние этажи зальет.

— Высохнут, — спокойно ответил Шеймас.

Поцеловав Мари, он отправился дальше заниматься кровлей. Она быстро написала ответ Вейцу, отдала его мальчишке, сунула ему несколько монет и проводила до двери.

— Ты часто бываешь у него? — спросила она, когда они вышли на крыльцо. — Как он там?

— Весь в делах. Зроу его очень ценят.

— А другие? Те, что миротворцы?

— Не видел, не знаю.

— Если они будут что-то вынюхивать, сообщи мне, хорошо? — попросила она мальчишку. — И если... Если увидишь Нэима, тоже.

— Да, конечно! — кивнул он, накиннул капюшон плаща и вышел под начинающийся дождь.

Мари поежилась от прохладного порыва ветра и вернулась в замок. Почувствовав слабое, ноющее потягивание внизу живота, она отправилась в туалет, где спустя полминуты завизжала от радости. Быстро помывшись и переодевшись, она выскочила в коридор, столкнулась с перепуганной ее криком Гильей и воскликнула, что она безумно счастлива. А потом Мари бросилась вверх по лестнице.

— Шеймас! Шеймас! — кричала она, влетая в комнату, где он занимался ремонтом ферм. — У меня месячные пришли!

— Первый раз, что ли? — усмехнулся он, не отвлекаясь от работы.

— Ну, Шеймас, ну поддержи меня!

Он бросил на Мари косой взгляд, вытащил изо рта гвоздь и сказал:

— Мужайся!

Она скрестила руки на груди и надула губки.

— Какой же ты засранец, — проворчала она. — Ты же знаешь, как много это для меня значит.

Шеймас цокнул языком и, забив гвоздь, спрыгнул на пол.

— Теперь-то ты спокойна?

— Да! — рывкнула она, обидевшись. — Луису будет слишком много чести, чтобы я от него рожала!

— Мариэль, — Шеймас покачал головой и, подойдя к ней, обнял ее за плечи. — Ты неделю назад делала самый стопроцентный тест. Или ты что-то недоговариваешь?

— Нет, раствор был синим! — заявила Мари. — Но я все равно сомневалась. Вдруг Гилья с составом напутала.

— И все это время ты об этом думала? — он улыбнулся уголком губ и чуть сощурился.

— Угу, — покивала она.

— Вот балда, — вздохнул Шеймас, притягивая Мари к себе.

Она засмеялась и прижалась к нему покрепче.

А на утро следующего дня у Мари появился еще один повод для радости. Не успели они позавтракать, как в замок нагрянули гости — дюжина мужчин разной расы. Сначала те спросили, правда ли, что в поместье палал требуются работники, а после неуверенного ответа шокированной Мари, остолбенели. Она поняла, что ее «Д-д-да!» прозвучало неубедительно и, прочистив горло, ответила четче и тверже:

— Пока мы предлагаем только еду и кров, позже начнем платить.

— Во всяком случае, это лучше, чем комната за пятнадцать кредитов в пансионе Вейца, — согласились они.

— За сколько? — поразилась Мари. — Он же два брал.

— Он поднял цену для здоровых, крепких мужиков. Сказал, если что-то не устраивает, есть альтернатива — вы.

Мари и Шеймас переглянулись и с трудом сдержали довольные улыбки.

— Так что делать-то надо? — спросили мужчины.

— О, работы здесь много, — ответила Мари. — Идемте. Пообедаете и приступите.

С их появлением ей, Гилье и особенно Шеймасу стало намного легче. Не обращая внимания на проливной дождь, рабочие за три дня перекрыли всю черепицу на башнях и приступили к обработке стен и пола. Мари рассчитывала, сколько краски понадобится, и обсуждала с Шеймасом цвета. Его пожелания оставались неизменными: «Мне фиолетово!» Отчего Мари хотелось все выкрасить в тот самый фиолетовый, назло ему.

Постепенно в доме налаживался быт и режим. Гилья была главной по питанию, а также периодически готовила лазанью по рецепту Мари для флиомов. Комнаты для рабочих оснащались мебелью, а в оконных рамах появлялись стекла. Замок теперь окружал не покосившийся забор, а шпалера, по которым вскоре начнут плестись вьюны и превратят их в живую изгородь. Шеймас убрал старые ворота, а на их место установил новые.

— Как тебе? — спросил он у Мари, демонстрируя их автоматическое открывание.

— У тебя золотые руки, Шеймас, — улыбнулась она, глядя на художественную ковку, сверкающую в лучах пробивающегося сквозь тучи солнца. — И сердце тоже. Ты ведь отпустишь Стражей?

Он повертел в руках пульт дистанционного управления воротами и, взглянув на Мари, тяжело вздохнул.

— Ты достала меня с этими Стражами!

— Шеймас, держать их под боком рабочих опасно. Они меня-то до сих пор не принимают, хотя я уже насквозь тобой провоняла. Если бы у нас была возможность смотаться на Землю, я сводила бы тебя в зоопарк. Чтобы ты со стороны увидел, что такое зверь в клетке.

— Мой ответ нет и обсуждению не подлежит! — категорично заявил он и, вручив ей пульт, зашагал к гаражу.

— Шеймас!

— Что-то еще хочешь сказать?! — обернувшись, он развел руками. — По душам — это к Гилье или Вейцу!

— Упрямый осел, — сквозь зубы процедила Мари, провожая его злым взглядом.

Она вернулась в замок и ушла на кухню, где Гилья налила ей чаю.

— Опять поругались? — заметила она, отрезая Мари кусочек ягодного пирога.

— Иногда мне хочется его убить, — призналась та.

— Странно.

— Что странного?

— Ваше впечатление. Я с первых дней за вами наблюдаю. Не подумайте ничего дурного, госпожа. Я не душевнобольная. Я волнуюсь за вас.

— Говори уже, — попросила Мари.

Гилья села рядом с ней и, теребя в руках полотенчику, ответила:

— Запечатление подразумевает собой понимание друг друга с полуслова. У запечатленных не бывает ссор, потому что они чувствуют желания и потребности любимого человека и стремятся их удовлетворить. Они находят компромисс. Я размышляла, почему между вами и господином Саймусом такого нет. Сначала я считала, что вы притираетесь друг к другу. Потом решила, что это особенность вашего двойного запечатления. Но в итоге я пришла к выводу, что вы его победили.

— Кто кого?

— Вы, госпожа Мариэль, победили ваше впечатление. Вы оборвали связь с господином Луиссаром. А в господина Саймуса вы по-настоящему влюбились. Но он мужчина сложный. С ним не всегда легко. И несмотря на то, что в вас собрана вся сила вашей расы, кровь опретов, текущая в нем, порой будет становиться между вами барьером.

— И что ты предлагаешь? — прямо спросила Мари. — Говори, не стесняйся. Раз ты наблюдала за мной, значит, у тебя и идеи есть.

— Вам нужен кто-то, кого вы оба бы любили, и кто любил бы вас обоих. Он стал бы связующим звеном между вами. И тогда вашу цепь уже никто и ничто не порвет.

— То есть ребенок?

— Не совсем. Ребенок — это другое. Это плод любви, который может стать яблоком раздора. Вы знаете, что в особых случаях Совет позволяет совершать нетрадиционные браки среди представителей развитых рас?

— Однополые?

— Нет, — помотала головой Гилья. — Он позволяет одному мужчине иметь несколько жен или одной женщине — несколько мужей. Конечно, это не приветствуется. В приличном обществе осуждается. Но не будем приукрашивать реальность, члены приличного общества хранят в своих шкафах скелетов пострашнее. К чему я веду? Как бы вам сказать... Раз среди законопослушных граждан такое допускается, почему бы аглам не воспользоваться этим законом? Только не ругайте меня. Я зла вам не желаю.

«За что ругать? — подумала Мари. — Знала бы ты, как мы тут отрывались, пока ты свою ярмарку ждала!»

— Простите, если обидела, — добавила Гилья, вставая. — Пейте чай, а то остынет.

Мари поужинала и поднялась к себе. Завалившись в постель, она снова и снова прокручивала в голове совет Гильи, вспоминала самую порочную ночь в своей жизни, думала о Вейце, о его словах про запечатление, думала о Шеймасае и о его словах про доверие Вейцу. Все было сложно и просто одновременно. С одной стороны — репутация и голос разума, с другой — собственное «я» и зов сердца.

Шеймас вернулся поздно. Мари уже спала. Мокрый и холодный, он залез в постель и осторожно прижался к ней. Вздрогнув, Мари распахнула глаза и затаила дыхание.

— Почему ты такой ледяной? — шепотом спросила она и медленно повернулась к подрагивающему Шеймасу.

— Выпускал кавров, — буркнул он, сверля ее своими изумрудными глазищами. — Попал под дождь.

Мари заулыбалась и, обняв его, залепетала:

— Да ты мой хороший! Иди ко мне, я тебя согрею. Ты мой герой!

Шеймас сполз пониже и головой прижался к груди Мари. Она запустила пальцы в его мерцающие волосы и, поглаживая, поцеловала в макушку. Перестав дрожать, Шеймас поднял лицо и спросил:

— Может, заведем собаку?

Она хитро улыбнулась и шепнула:
— А может, третьего не лишнего?

Глава 28. Без претензий и ревности

Предложение Мари повергло Шеймаса в шок. Всю ночь он спрашивал, не розыгрыш ли это. Даже когда Мари засыпала, он будил ее и уточнял, насколько она тверда в своем решении. Только когда Мари, рассердившись, сказала, что передумает, если Шеймас не даст ей поспать, он отстал.

Однако в ближайшие дни у них не было возможности съездить в город, чтобы сообщить новость Вейцу. Закончились дожди, и требовалось кое-что подделать в замке, а также посеять семена на плантации и выкопать яму под бассейн, пока почва была влажной и податливой.

Мари знала, что на полях тоже начались работы, но никак не могла вырваться, чтобы посмотреть. Ей очень хотелось поскорее облагородить дом и сад, хотелось принимать у себя не только рабочих, а женщин, детей, стариков и просто гостей. Они уже успели отремонтировать верхние этажи, но нижние по-прежнему выглядели убого, а еще Мари не устраивал фасад. Мрачно-серые стены она хотела осветлить и отдекорировать художественной штукатуркой. Она идеально подошла бы к новенькой, сверкающей светло-синей черепице и золотистым шпильям.

— Как думаешь, Гилья, — обратилась Мари к служанке, когда та крутилась между шкапами и плитой, — вот такие флажки — не перебор? — Она показала Гилье свой корявый рисунок, на котором изображались разноцветные флажки, украшающие покосившийся замок. — Художница из меня — огонь!

— Что это? — с улыбкой поинтересовалась Гилья.

— Я подумала, что за замок без флага? — пожала плечами Мари. — Но флаг подразумевает независимость, а я хочу быть с народом. Поэтому я решила сделать много маленьких флажков, символизирующих палал цветом наших волос. С Шеймасом советоваться бесполезно. Его даже не интересует, где у нас будет бассейн. Готов разбить его прямо на террасе.

Гилья засмеялась.

— Съездите отдохните. Вам обоим нужно развеяться. Заодно

купите кое-какие продукты. А я пригляжу за рабочими. — Она поставила противень с запеканкой в жарочный шкаф и, обернувшись, озадаченно посмотрела на Мари. — Простите, госпожа, я никак не могу найти ваше платье. То, в котором вы прибыли в Трейс. Хотела выстирать и приготовить его для поездки в город, но оно как сквозь землю провалилось.

— Я его выбросила! — ответила Мари, сердце которой аж перевернулось.

— Почему? Такое красивое...

— Его подарил мне Луис. Не хочу иметь с ним ничего общего. К тому же твои платья намного интересней. Одно из них я и надену!

Жизнь в Трейсе постепенно меняла приоритеты Мари. Теперь ее мало интересовал модный гардероб, прическа, маникюр, дорогие украшения. Пошитые Гильей платья уже не казались фермерскими и отлично сидели на фигуре Мари. Она действительно округлилась, что сделало ее более женственной. Грудь стала пышнее и приподнялась, чуть поправились бедра, появились щечки. И хотя у Мари здесь не было ни косметики, ни средств для волос, ни элементарного лака для ногтей, она все равно следила за собой: делала различные маски и пилинг по рецептам Гильи, приноровилась бриться опасной бритвой и привыкла к своим родным ноготкам.

Надев приталенное платье длиной до колена и вырезом горловины «подкова», изящно подчеркивающим зону декольте и шею, Мари взбила свои вьющиеся от природы волосы, влезла в туфли и возвратилась в кухню, где взяла у Гильи список и отправилась на поиски Шеймаса.

Он сидел на новой кованой скамейке у крыльца-террасы и скучающе луцил орехи, наблюдая за лазающими на крыше гаража рабочими.

Мари тяжело вздохнула и, сбежав вниз по ступенькам, проворчала:

— Вы опять забили на бассейн? Шеймас, ты же обещал, что вы выкопаете яму, пока земля сырая!

Он молча закинул в рот еще орешек. Мари закатила глаза и, развернувшись, направилась в сад, чтобы перед отъездом проверить свои грядки и клумбы. На полпути к саду ее внимание привлекла возвышающаяся на заднем дворе куча. Завизжав от радости, Мари бросилась назад и с разгона кинулась в объятия Шеймаса.

— Шеймас, прости, прости, прости меня! — Буквально душа его

руками, Мари расцеловывала его лицо. — Какой же ты молодец! Ты из-за бассейна сегодня встал до рассвета?

— Нет, я встал из-за утреннего стояка, но ты дрыхла. Пришлось выпускать пар с лопатой в руках.

— Ты что, копал его в одиночку? — поразилась она, оседая к нему на колени.

Шеймас дожеввал орешек, проглотил и, дотянувшись до бутылки с водой, пригубил горлышко. Наблюдая за тем, как глотки один за другим льются в его рот, и вверх-вниз скользит его кадык, Мари ощутила непреодолимое желание отдаться ему прямо здесь и сейчас. Шеймасу удавалось сводить ее с ума самыми, казалось бы, обыденными и ничем не примечательными вещами.

— Даже не думай, — произнес он, облизнувшись. — Я так вымотался, что сейчас ничем не отличаюсь от того бревна с загнутым сучком.

Мари посмотрела на указанное срубленное дерево, ожидающее своей распилки, и расхохоталась.

— Ладно, — покачала она головой. — Ты заслужил отдых. Я хочу облететь поля. А Гилье нужны продукты. За штурвалом я!

— О, нет! Я ведь еще так молод!

Мари легонько толкнула его в плечо и поцеловала в губы.

Шеймас вывел свейх из ангара и, приземлив его за воротами, позволил Мари сесть за панель управления. Напомнив ей инструкцию по управлению машиной, он откинул спинку своего кресла и удобно улегся в него. Разволновавшаяся от предстоящего полета Мари поглубже вдохнула и аккуратно подняла свейх над землей. Задав необходимую скорость и высоту, она направила его в сторону полей, над которыми вздымалась пыль.

Техника, похожая на луноходы, вспахивала, удобряла и засеивала землю. Рабочие, разделившись на кучки, занимались прокладкой оросительных каналов. Жизнь здесь забурлила, что не могло не радовать. Пролетая над пашнями, Мари вытягивала шею, чтобы получше все разглядеть, и светилась довольной улыбкой. Рядом, скрестив руки на груди, мирно похрапывал Шеймас. Мари не стала будить его, понимая, как он устал. Он совсем не жалел себя, работая с утра до ночи и без выходных. На днях он признался, что восстановление замка — его долг. Мари видела, как ему стыдно за то, во что он

превратил наследство отца. Пусть он не признавался в этом в силу своего упрямства, но это читалось в его глазах.

Убедившись в активном старте работ, Мари взяла курс на город. Только подлетая к границе, она разбудила Шеймаса и спросила, где лучше приземлиться. Он указал на взлетную площадку около центральной площади, откуда было рукой подать и до рынка, и до пансиона Вейца.

Заглушив двигатель, Мари о подол платья потерла вспотевшие ладони и взглянула на Шеймаса. Он выжидающе смотрел на нее.

— Давай сначала на рынок, — попросила она, нервничая из-за главной причины, по которой они прилетели в город.

— Дай мне список, — потребовал Шеймас. — Я сам все куплю. Иди к нему.

— Спасибо, — прошептала Мари. Отдав ему записку Гильи и выйдя на улицу, она спросила: — Шеймас, ты не обижаешься?

— Напирая вдвоем, мы все испортим, — ответил он. — Так что разумнее подождать, когда ты дозреешь. — Он шагнул к Мари и легонько поцеловал ее. — Я приду через час.

Мари покивала, проводила его взглядом, преисполненным тепла и благодарности, и посмотрела на пансион, большой вывеской маячивший в соседнем квартале. Дав себе несколько минут на передышку, она сделала первый нерешительный шаг и двинулась навстречу судьбе.

В ресторанчике пансиона полдничали постояльцы. Здесь было немного душно и шумно. За одним из дальних столиков Мари увидела так же парочку зроу. Ее появление отвлекло их от разговора. Мари сделала вид, что совершенно не заинтересована в них, и прошла к ресепшену, находящемуся вне обеденной зоны. Парень, облокотившийся на стойку, отрешенно смотрел на маленький настольный вентилятор и, казалось, вот-вот зевнет.

— Мне нужен Вейц, — сказала Мари, от волнения элементарно забыв поздороваться.

Парень окинул Мари изучающим взглядом своих двухзрачковых глаз, словно одновременно смотрел на нее и следил за тем, что делается в ресторане. Отростки на его лысой голове, заменяющие волосы и напоминающие тонких червячков, зашевелились. Мари передернуло. Она уже привыкла к тому, что ее окружают представители разных человекоподобных рас, каждая из которых имеет свои отличительные

способности, но внешность некоторых ее по-прежнему пугала и настораживала. Хотя позже выяснялось, что это вполне безобидные люди и куда лучше и миролюбивей опретов и зроу!

— Палал, — шипяще произнес он.

— Да, я Мариэль, — кивнула она.

— Вейц у себя. Второй этаж, номер двадцать девять.

— Благодарю.

Мари не стала пользоваться лифтом и поднялась на два пролета по лестнице. На большом подоконнике в коридоре сидела группа подростков. Они шутили и смеялись, но притаились, когда мимо них прошла Мари. Она чувствовала, как они пялятся на нее, и от этого ей стало не по себе. Отвыкла от людных мест и пристального внимания, пока жила в отдаленном замке.

«Вот так я и превращаюсь в Шеймаса», — подумала она, остановившись перед приоткрытой дверью с номерным знаком «29» в конце коридора. Из комнаты доносился голос Вейца.

— Поняла меня? — с мягкой требовательностью спрашивал он у кого-то. — Чтобы впредь такого не повторялось. Я не позволю обирать моих постояльцев. Цену на аренду устанавливаю я. Если не хочешь отправиться на работу в прачечную или на поле, будь добра, проявляй уважение к руководству и честность по отношению к гостям.

— Я поняла, — ответила незнакомка.

Мари не заметила в ее голосе чувства вины, скорее она спешила отвязаться и сказала Вейцу то, что он хотел услышать. Донеслись звуки приближающихся шагов. Из комнаты вышла низкорослая девица в униформе. Несмотря на то, что у нее были огромные, раскосые глаза, уходящие на виски, они казались меньше из-за ее чрезмерно высокого лба и белых волос в тон цвета кожи. Окинув Мари оценивающим взглядом, она деловито зашагала к выходу.

— Мариэль, — изумленно произнес появившийся в дверном проеме Вейц.

Она взглянула на него и, почувствовав, как лицо заливают краска, смущенно улыбнулась:

— Привет.

— Привет, — в ответ улыбнулся Вейц. — Что-то случилось? Где Саймус? — Он выглянул в коридор.

Увидев его, подростки соскочили с подоконника и заторопились к

лестнице.

— Пошел по делам. Скоро подойдет. Я могу войти?

— Да... Да, конечно, — заметно заволновавшись, сказал Вейц и пропустил Мари в комнату.

Она состояла из двух секций. Кабинет был обставлен без особых изысков, но со вкусом: добротный стол из темного дерева, кресло, вазон с раскидистой пальмой, диванчик, книжный шкаф. На окнах — жалюзи, на стенах — картины и карты в раме. Дверь во вторую секцию тоже была приоткрыта. Там Мари заметила наводящую порядок горничную.

— Хорошо у тебя, — сказала она, остановившись посреди кабинета.

Вейц почесал затылок. Эта привычка превращала его в робкого мальчишку, смущающегося от любого комплимента и доброго слова о себе.

— Я случайно услышала ваш разговор, — добавила Мари, не зная, с чего начать. — Недобросовестная служащая?

— Не первый раз, — ответил Вейц.

Из спальни вышла горничная, держа перед собой узел с постельным бельем.

— А я говорю вам, увольнять ее надо! — вмешалась она. — Считает, если вы без генного знака, то не имеете права руководить. Сначала взвесила бы свой мозг!

Мари улыбнулась. Женщина взглянула на нее и тоже улыбнулась:

— Простите, я закончила.

Она вышла и закрыла за собой дверь. Между Мари и Вейцом тишиной завибрировал воздух. Ни она, ни он не решались заговорить первыми. Наконец Мари взяла инициативу на себя.

— Мы пролетали над пашнями. Как тебе удалось собрать рабочих? Не думаю, что они работают за еду и кров, как в моем замке. На поле труд тяжкий.

— Зроу им платят, — коротко ответил Вейц.

— Разве в областной казне есть столько денег?

— Ее пополнили спонсоры.

— Флиомы?

— Не только. Еще Тамани, Саймус, я.

Мари удивленно вздернула брови и усмехнулась:

— Ни ты, ни Шеймас словом не обмолвились.

— Такие мы, — улыбнулся Вейц. — Все это — твоя заслуга. Ты не побоялась гнева Совета и вдохновила всех нас.

— Я лишь наговорила вам шаблонных фраз ободрения. Нельзя вытянуть из кого-то смелость, если ее заведомо в нем нет.

— А в тебе есть?

Этот вопрос пронзил Мари. Наверное, есть, раз она все-таки пришла. Перестав заламывать пальцы, она сорвалась с места и двумя шагами преодолела разделяющее их с Вейцом расстояние. Не дав ему опомниться, Мари обвила руками его шею и впилась в его рот долгожданным поцелуем. Вейц запылал огнем. Подхватив Мари под бедра, он усадил ее на край стола и, ладонями блуждая по ее талии и спине, горячо отвечал на поцелуй.

Мари вспыхнула диким желанием. Задрвав подол платья, она ногами обхватила бедра Вейца и, не прекращая поцелуя, схватилась за ворот его рубашки. Когда на пол отлетела оторвавшаяся верхняя пуговица, Вейц резко отстранился и остановил руки Мари.

— Нет! — шепотом сказал он, взглянув на нее затуманенными возбуждением глазами. — Нельзя...

Переводя сбившееся дыхание, Мари произнесла:

— Я хочу увидеть тебя.

— Тебе не понравится.

— Откуда ты знаешь?

Мари потянула за полочки рубашки, и пуговицы одна за другой со звоном ссыпались на пол. Медленно стянув рубашку с плеч Вейца, Мари опустила взгляд на его хорошо натренированное тело с манящими рельефами груди и живота. Перед ней оголилась кожа, какой она еще никогда не видела. Обычная человеческая плавно переходила в змеиную — именно такой была первая ассоциация Мари, — потом снова в человеческую. Два типа кожи будто переплетались друг с другом. Но «змеиная» отличалась светло-голубым оттенком, мерцающим в свете дня. Поэтому Мари не могла точно назвать ее змеиной. И рыбной чешуей это тоже не назовешь.

Мари кончиками пальцев провела по груди Вейца и восхищенно прошептала:

— Ты прекрасен.

Вейц, по всей вероятности, услышав о себе такое впервые, застыл. Мари прильнула к его телу и стала покрывать его легкими поцелуями.

— Я гибрид, Мариэль.

Она подняла лицо и, притянув его к себе, ответила:

— Ты шедевр, Вейц.

Секунду он не шевелился, а потом набросился на Мари с яркой страстью. Снова подхватив ее под бедра, он понес ее в спальню. Повалив ее на кровать, Вейц, сдернул с себя рубашку и рукой залез под платье Мари. Она, целуя его, расстегнула широкий ремень его брюк и, сунув руку под резинку трусов, взялась за стремительно напрягающийся член. Вейц издал стон и слегка прикусил губу Мари. Испугавшись самого себя, он навис над ней. Снова вертикальные зрачки, острые клыки и капелька крови в уголке его губ. Мари облизнулась, поняла, что эта кровь ее, но лишь улыбнулась. Ее возбуждение было сильнее любой боли, особенно такой незначительной, как случайный укус хорошего мальчика.

— Не останавливайся, Вейц, — с мольбой попросила она, дыша так, что ее грудь ритмично вздымалась, приковывая вождеденный мужской взгляд. — Я хочу тебя.

Вновь накинувшись на нее, он быстро стянул с нее платье, вылез из своих брюк и, поцелуями одаривая тело выгибающейся под ним Мари, зубами порвал ее трусики. Ну вот, опять! С такими самцами скоро ей будет совсем нечего носить. Хотя Мари тоже лишила рубашку Вейца всех пуговиц.

Их обнаженные тела сплетались не в сексе, а в настоящем танце любви. Вейц сдерживался, Мари чувствовала это и решила постепенно в будущем позволять ему все больше и больше, пока не познает всю его мощь, зашкаливающую в этом молодом теле.

Извиваясь, постанывая и даже покрикивая, Мари отдавалась Вейцу, не чувствуя себя изменницей или распутницей. Стыд исчез, на его место пришла уверенность. Она знала, что Шеймас и Вейц готовы делить ее без претензий и ревности. И все они, все трое, не были никакими половинками, они были нерушимым целым — одной жизнью, одной душой, одним дыханием.

Почувствовав приближение оргазма Вейца, Мари не дала ему выйти. Крепче сцепив ноги за его спиной, она позволила ему заполнить себя. Пульсируя в ней и сбивчиво дыша ей в ухо, Вейц содрогался всем липким от пота телом. Прижимая его к себе, Мари гладила его по волосам на затылке и шептала:

— Все хорошо, милый. Так и должно быть.

Отдышавшись, Вейц сполз с Мари и, улыбнувшись, спросил:

— Больше не считаешь меня чурбаном?

Она засмеялась и, ответив: «Беру свои слова обратно», — поцеловала его.

Глава 29. Предупреждение Нэима

В дверь постучались. Вейц приподнялся, но Мари задержала его за руку.

— Я сама.

Встав с постели, она обернула свое влажное тело не менее влажной простыней и, придерживая края на уровне груди, дошла до двери. Откинув назад взлохмаченные волосы, она встретила гостью. Ею оказалась та самая горничная, которую отчитывал Вейц. Посмотрев на тяжело дышащую и разморенную Мари и, вытянув шею, заглядывая в спальню, где на кровати лежал обнаженный Вейц, она потеряла дар речи.

— Ты что-то хотела? — хозяйским тоном спросила Мари.

— А-а-а... Эм-м-м... Да... Там вас спрашивает Полукровка.

— Принеси ему обед и холодный освежающий чай. Мы спустимся, как только закончим, — Мари захлопнула дверь перед ее обалдевшим лицом и вернулась в спальню. — Пусть знает, что ее хозяин, который без генного знака, покорила сердце единственной палал! — Скинув простыню, она взобралась на улыбающегося Вейца и тоже улыбнулась. — Теперь эти пустоголовые курицы будут мне завидовать, а тебе строить глазки. И только попробуй приударить за какой-нибудь юбкой. На цепь посажу.

Вейц улыбнулся еще шире.

— Ты пришла, — довольным тоном сказал он самому себе. — Пришла ко мне.

— Побывав за свою жизнь в четырех мирах, один из которых, к сожалению, уничтожен, именно здесь, в чертовой тюрьме на окраине Вселенной, я встретила того, кто возрождает во мне безбашенную девчонку. — Мари вздохнула. — Как говорится, от судьбы не уйдешь. Пусть Вселенная засунет свои запечатления в свою черную дыру, да поглубже. Я сильнее ее.

— Я тебя обожаю.

— Правильно. Лучше обожай меня, потому что ненавидеть меня опасно. Я изощрена на месть. Нэим, Тальина, Лейсандра, Луиссар еще не знают, с кем связались. Придет день — и они будут рыдать горькими

слезами. Моя сила растет. Я уже не одна. Со мной жаждущий крови Полукровка, самое потрясающее творение без генного знака, целая резервация флиомов, многочисленная стая смертоносных кавров, и совсем скоро ко мне примкнут зроу. Они пожалеют, что не убили меня в младенчестве. Справедливость восторжествует.

— Ты видела их, да? — спросил Вейц, догадавшись, к чему клонит Мари.

— Давно они заходят в твой ресторан?

— Дней пять. Просто приходят, делают символический заказ и сидят. Следят за мной.

— Почему ты не говорил? — обеспокоенно спросила Мари.

— Они не трогают меня.

— Потому что ты среди людей. А окажешься один, они сделают то, что им прикажут.

— Вряд ли они рискнут. Совет мной дорожит. Мне кажется, они ждали вас. Хотят подразнить. Показать, что я у них на крючке. — Вейц сел и положил руки на талию Мари. — Недавно кое-что случилось. Саймус наверняка уже прочитал газету.

— Что?

— Идем вниз. Узнаешь.

— Хорошо. Только сначала в душ, — ответила Мари.

— Ванная там, — Вейц указал на смежную дверь.

Мари глянула на нее, молниеносно обдумала спонтанно родившуюся мысль и улыбнулась Вейцу:

— Пойдешь со мной?

— Я?

— Ну кто же еще, Вейц?! Или ты боишься воды?

— Нет. Конечно нет.

— Тогда почему я тебя уговариваю? — Мари языком скользнула по его губам и, медленно встав, поплыла в ванную.

Вейц недолго посидел в полном оцепенении, потом последовал за Мари. Она уже открыла воду и встала под струю, когда он появился за ее спиной. Зеркальная стена позволяла Мари видеть, как Вейц нерешительно крадется сзади, взглядом блуждая по ее спине и бедрам. Она могла только предполагать, какие развратные мысли роились в его голове в тот момент.

Приблизившись к Мари, Вейц обнял ее сзади. Губами припав к ее

шее, он заставил ее запрокинуть голову на его плечо. Одна его рука легла на ее грудь, другая неспешно опустилась вниз. Когда пальцы Вейца проникли между ее ног, Мари закрыла глаза и прикусила губу.

«А парень-то ненасытный!» — промелькнуло в ее голове.

— Не могу поверить, что это не сон, — прошептал он, массируя горошину ее клитора.

Мари слегка повернула голову и, приоткрыв глаза, спросила:

— Значит, я снилась тебе?

— Каждую ночь, — ответил Вейц и, развернув Мари, усадил ее на себя.

С силой прижав ее спиной к зеркальной стене, он накрыл ее рот властным поцелуем.

— Вейц, — шепнула она, — я хочу видеть тебя.

— Что? — Он замедлил и прекратил поцелуй и в некоем непонимании посмотрел на Мари.

— Я хочу видеть твое лицо. От начала и до конца.

Он хмуро улыбнулся, но не стал настаивать на обратном. Удерживая Мари на себе, Вейц вошел в нее и опустил взгляд. Мари взяла его за подбородок и подняла лицо.

— Смотри на меня, Вейц, — попросила она.

Преисполненный уверенности в своей мужественности, он расправил плечи и, стиснув зубы, стал вторгаться в Мари, с каждым толчком яростнее, жестче, резче. Постанывая и жаждая поцелуем впиться в его губы, Мари все же сдерживалась, ни разу не отведя взгляда и не заметив, чтобы это сделал Вейц. Она видела, как постепенно набирая обороты, он меняется. Сначала ярче стала радужка его голубых глаз, затем сузились и вытянулись зрачки, потом Вейц разомкнул челюсти, оголив появившиеся клыки, а к финалу его мерцающая кожа ослепительно засветилась. Вейц напоминал Мари не зверя, а хищное растение: безобидный бутон, способный раскрыться и превратиться в красивейший цветок, который может убить. От этого у нее мурашки бежали по коже. Долгие годы думая, что она — объект похоти скучных офисных планктонов, к тридцати годам отращивающих пивное брюшко и ухлестывающих за сотрудницами, позабыв о женах и детях, она вдруг влюбила в себя, возможно, единственного в своем роде подобного гибрида во Вселенной. Это не могло не пугать. И это не могло не возбуждать.

Они вышли из ванной уставшие, мокрые и счастливые.

— Класс, — проворчала Мари, отыскав на полу свое разорванное белье. — Я вернусь домой с голой жопой.

Вейц, застегивая пуговицы новой рубашки, молча улыбнулся. Мари и раньше не стеснялась ругательных слов, которые милым девочкам нельзя даже в мыслях произносить, а живя с Шеймасом, и подавно нахваталась от него не самых лучших манер. Надев платье на голое тело и туфли, Мари взбила влажные волосы и взглянула на одевающегося Вейца. Его глаза на миг померкли. Он понимал, что скоро Мари вернется в замок, и начал скучать заранее. Она взяла его за руку и с улыбкой сказала:

— Я приняла решение, Вейц. И я не передумаю. Мы попробуем втроем. Но у меня есть условие. Вы не должны ставить меня перед выбором между вами. Если это сделаешь ты, я выберу его. А если он — тебя. Если же вы оба это сделаете, то я, вопреки боли, брошу вас обоих.

— Это правильно, — согласился Вейц.

Мари облегченно выдохнула.

— Тогда идем. Шеймас наверняка уже пообедал.

Они спустились вниз. Вейц ненадолго отлучился к ресепшену, а Мари отправилась в ресторан. Зроу ушли. За их столиком уже сидели другие гости. А Шеймас с мрачным видом листал газету и курил за столиком у окна.

— Ты все купил? — поинтересовалась Мари, подойдя к нему и положив руку ему на плечо.

— Почти, — коротко ответил он. — Где этот эгоист?

— Не называй его так, — нахмурилась Мари.

Вейц отдал какие-то распоряжения администратору и присоединился к Шеймасу и Мари.

— Привет, — кивнул он другу, остановившись около столика.

— Как у тебя язык поворачивается разговаривать со мной? — рыкнул тот и, закрыв газету, отложил ее.

На первой полосе Мари увидела торжественную фотографию Луисцара и Лейсандры, а над ней крупным шрифтом надпись: «Покушение на императора Опретауна в день его помолвки».

— Что это? — обомлела Мари, беря газету в руки. — Статье уже неделя.

— Все еще будешь просить меня не называть его эгоистом? —

Шеймас затаился сигаретой.

— При чем тут Вейц? — Мари швырнула газету на стол.

— Я думал, самый тупой из нас троих — я! Ты правда не понимаешь? На Лу совершено покушение. Аглами. В день помолвки.

— Он жив. Тут же написано, никто не пострадал. Наверное, Нэим опечалился тем, что Лейсандра выходит за другого.

Шеймас покачал головой и, встав из-за стола, выпрямился.

— Все выглядит так, словно это мы организовали покушение. Я и ты. Лу нам обоим обещал вытащить нас из Трейса. Но не сдержал обещание. К тому же предал ваше запечатление.

— Он не поверит в этот бред, — поспорила Мари.

— Он поверит всему, что скажет ему его мамочка. А та поверит всему, что ей скажет Нэим! — Шеймас повысил голос. — Он предупредил нас! Если мы не приползем к нему на коленях, он ударит по-настоящему. Только не по Лу. А по нему! — Он указал на Вейца пальцами, которыми зажимал дымящуюся сигарету. — Да, Вейц, я видел, что за тобой следят. Они выскочили, когда я вошел.

— Нэим не станет так рисковать, — продолжала Мари. — Мы ведь можем сдать его и Лейсандру Тальине.

— Серьезно? — От злости на лице Шеймаса заиграли желваки. — Я же говорил, что Нэим не бездействует. Вы меня не слушали! Он все тщательно проверил. У меня нет связи с внешним миром. Единственный способ передать послание Тальине — флиомы. Но Стон и Блин до сих пор под стражей! Нэим понял, что мы беспомощны. И сейчас он играет с нами, как кот с мышами.

— Он не убьет нас. Тальина не даст.

— Нас — нет! А его?!

Мари перевела взгляд на Вейца. Тот нервно озирался по сторонам, чувствуя себя некомфортно под взглядами любопытных посетителей.

— Так, давайте выйдем и успокоимся, — предложила Мари и зашагала к выходу.

Через минуту они ушли во внутренний дворик пансиона, где никого не было. Шеймас докурил и затушил окурок сигареты носком ботинка.

— Ты эгоист, Вейц, — процедил он. — Допустим, ты хрен положил на то, как я переживу твою смерть. А о ней ты подумал? — Шеймас кивнул на руки обхватившую свои плечи Мари. — Она с замиранием

сердца ждет каждое твое письмо, потом по десять раз читает и едва ли не в засос целует. Как я должен сообщить ей о твоей смерти? «Доброе утро, милая! Вейца убили! Идем завтракать, заодно помянем!» Если ты решил сдохнуть, давай я тебя убью! Только не эти паразиты!

— Шеймас, хватит! — вскрикнула Мари. — Они просто следят!

— До сегодняшнего дня следили. Теперь они знают, что мы получили предупреждение. Сейчас мы должны лизать Нэиму зад. В противном случае наша сегодняшняя встреча может оказаться последней.

— Не говори так! — У Мари начиналась паника. Схватившись за голову, она стала вышагивать из стороны в сторону. — Мне кажется, мы что-то упускаем. Что-то важное. Оно прямо перед самым носом. Нэим не может быть всемогущим.

— Не имеет значение, что мы упускаем. Сейчас важно, что мы видим!

— Неужели он держит Стона и Блина в Междумирье, только чтобы заблокировать нашу внешнюю связь? Никогда не поверю. Ему проще сослать их Трейс.

— Они что-то знают, — наконец заговорил Вейц. — Им нельзя сюда. И убить их нельзя. У них есть союзники. Нэим действительно не всемогущий. Но его слабое место знают только те двое.

Мари и Шеймас переглянулись.

— Надо вытащить их оттуда, — заявила она.

— Как? — развел руками Шеймас.

— У меня остались кое-какие связи с солдатами Междумирья, — сообщил Вейц. — Нет гарантии, что они помогут. Много лет прошло. Но попытаться стоит.

— Сначала мы защитим тебя! Ты не останешься здесь ни на минуту. Ты едешь с нами в замок!

— Нет, Саймус!

— Трейсовские аглы, неужели это из-за немощных старперов в пансионе?! Они уже одной ногой в могиле! — брызжа слюной, заорал Шеймас.

— Не только из-за них. Я не вытащу флиомов из-под стражи Ордена, если буду прятаться. Вы хотите остановить Нэима? Или будем дальше вздрагивать всякий раз, когда его миротворцы будут глазеть на нас, как на обед? Саймус, дай мне день. Всего один день.

— Ты можешь не протянуть и ночи.

— Я могу за себя постоять.

Шеймас тяжело вздохнул и поднял лицо к небу.

— Ты мог сказать. Вместе мы что-нибудь бы придумали.

— У вас и без этого много забот, — произнес Вейц. — Я тоже не сидел сложа руки, иначе не выяснил бы, что Нэим боится тех двух флиомов. Мариэль права, мы что-то упускаем. Упустим сейчас, и другой шанс может не представиться нам еще десять лет. Один день, Саймус. И я, так и быть, приеду к вам.

Тот посмотрел на друга и прошипел:

— Если сдохнешь, не приглашай меня на похороны. Я не приду.

— Мы все в опасности, — вмешалась Мари, приковав к себе мужские взгляды. — Ты прав, Шеймас. Луис поверит Тальине. Он родного брата считает предателем и изменником. Что тогда говорить обо мне? А раз так, скоро он возненавидит нас, если уже не возненавидел. И тогда Тальина даст свое согласие на наше убийство. Нам нужно вытащить Стона и Блина из Междумирья. Лучше умереть в борьбе, чем в страхе.

Вейц с улыбкой хмыкнул.

— Клянусь, один день — и я приеду, — повторил он Шеймасу и протянул свою ладонь.

Тот ответил на рукопожатие и, притянув Вейца к себе, похлопал его по плечу.

— Береги себя, дружище.

— И ты. Береги себя и ее.

Шеймас отпустил друга и, сделав шаг назад, сказал:

— Подожду в свейхе.

Он покинул дворик, и Вейц приблизился к Мари. Он взял ее за руку и улыбнулся:

— Я буду в порядке.

— Ты молчал неделю, Вейц, — с горечью вымолвила она.

— Я подумал, что если все сделаю сам, то впечатлю тебя.

— Мальчишка! — Мари крепко прижалась к нему. — Ты впечатлил меня еще в день нашего знакомства. Своими ушами.

Вейц засмеялся.

— Все будет хорошо, Мариэль. Теперь у меня есть, как минимум, две причины жить. Первая — я скоро буду безмерно богат, и вторая —

скоро все девушки Трейса будут моими.

Теперь засмеялась Мари. Отстранившись, она подтянулась на носках и нежно поцеловала Вейца.

Глава 30. Последняя капля

Сквозь сон Мари услышала какие-то неясные, далекие звуки — что-то между стуком и грохотом. Приподняв голову, она взглянула на открытую дверь. В коридоре горели свечи, поэтому в комнате царил полумрак. Шум стих.

— Не спится? — сонно промычал Шеймас.

Мари опять легла и, повернувшись к нему, подмяла под собой подушку.

— Показалось, — выдохнула она, убедившись, что никаких посторонних звуков нет.

— Если хочешь, я активирую защиту.

— В этом нет необходимости. Да и рабочие нас не поймут, если мы отгородимся от них.

— Наверное, кто-то из них оголодал, забрел на кухню и что-то уронил.

— Да, скорее всего, ты прав, — улыбнулась Мари, но в тот же миг улыбка сошла с ее лица, потому что до ее слуха донесся не только грохот. Топот множества ног и панические крики.

Они с Шеймасом соскочили с кровати. Мари накинула на себя халат, а Шеймас выбежал в коридор в тонком трико.

— Саймус! — кричал Эксул откуда-то снизу. — Сюда! Саймус!

Он помчался к лестнице, Мари поспешила за ним. Спустившись на первый этаж, они увидели парней из телепортационной зоны. Те в сопровождении разбуженных рабочих тащили носилки.

— Что случилось? — ужаснулась Гилья, по пути завязывая пояс своего халата.

Шеймас замер посреди коридора. Мари остановилась в паре шагов от него.

— Шеймас? — осторожно спросила она.

— Назад! — вскрикнул он, обернувшись. — Вернись в комнату, Мариэль!

Гилья вышла вперед и, обойдя Шеймаса, закрыла рот рукой, сдерживая вопль.

— Куда его?! — заорал Сегас.

— Кого они принесли? — Мари шагнула вперед.

— Уйди, Мариэль! — скомандовал Шеймас, схватив ее за плечи.

— Куда?! — повторили вопрос Цем.

Гилья отняла руку от лица и взволнованно сказала:

— Туд-да... На кухню... — Сама вбежав в кухню, служанка загремела посудой, наспех сбрасываемой со стола. — Погодите, я постелю чистую скатерть! Перекладывайте его, аккуратно!

Мари сумела выглянуть из-за плеча Шеймаса и увидела на носилках окровавленного Вейца. Парни прошмыгнули с носилками вслед за Гильей, но Мари хватило мига, чтобы узнать Вейца — по его ушам, по участкам его мерцающей кожи на оголенном до пояса теле.

Ахнув, Мари ощутила, как земля уходит у нее из-под ног. Вцепившись в руки Шеймаса, она поборола нахлынувшее от потрясения головокружение, но ей стало так тяжело дышать, будто грудь сдавили со всех сторон. Ртом хватая воздух, она задрожала и вскоре заорала во все горло.

Шеймас прижал ее к себе, поцеловал в лоб и, оттолкнув, потребовал:

— Не смей приближаться!

Мари рукой оперлась о стену и, свесив голову, заплакала. В ушах возник непрекращающийся звон — смесь голосов из кухни.

— Он жив?! — требовательно спросил Шеймас.

— Дышал, — нервно ответил Эксул. — Мы не знаем... Кажется, он весь переломан... От ноги вон ничего не осталось... Вдребезги...

Давясь слезами, Мари опустилась на пол и плечом навалилась на стену.

— Замолчите! — приказала Гилья. — Дайте прослушать пульс! — Наступила безмолвная тишина. Она длилась несколько секунд, после чего служанка сказала: — Он жив! Но не знаю, как долго протянет... Ребра сломаны... Голова разбита... Руки, ноги... Наверняка у него множественные ушибы внутренних органов... Его словно трактором переехали.

— Почему вы не отправили его в госпиталь?! — вскрикнул Шеймас.

— Потому что миротворцы оцепили его и запретили медикам приближаться к Вейцу! Если хоть кто-то из них окажет ему помощь, его казнят!

— Трейсовские аглы! — выругался Шеймас, и раздался звон разбитого фарфора. — Гилья, что тебе нужно?!

— Мне?! — дрогнувшим голосом вымолвила та. — Господин, я не хирург. Я даже не знаю, как у него расположены внутренние органы... Возможно, у него сломана спина... Я... я... я...

— Возьми себя в руки, Гилья! Однажды ты спасла меня! Ты знаешь, что делать!

— Я могу лишь обработать его раны... Но у него могут быть внутренние кровотечения... У него уплотнение в брюшной полости... Хотя оно может быть анатомической особенностью гибридов его вида...

— Что тебе нужно?! — напористой повторил Шеймас.

— Браслеты! — заявила Гилья. — Хотя бы один, но самый мощный! Лечебные камни в наших браслетах давно израсходовали энергию. Ими даже разбитую коленку не залечить.

— Но браслеты можно достать только в госпитале или лазарете, — произнес Цем.

— Значит, перебьем миротворцев и возьмем то, что нам нужно! — сказал другой.

— Нет! — рыкнул Шеймас. — Долго и рискованно. Я знаю, где достать браслет! Гилья, сделай все возможное и невозможное, чтобы он протянул час-другой. Я скоро вернусь!

Он выскочил из кухни и, не возвращаясь в комнату, чтобы одеться, рванул к выходу. Всхлипывая, Мари посмотрела ему вслед и кое-как поднялась на онемевшие ноги. Рукой опираясь о стену, она доплелась до двери и заглянула в кухню. Белая скатерть, на которой лежал Вейц, уже пропиталась его кровью, и та капала на паркет. Его грудь почти не двигалась. Дыхание было едва уловимым.

Гилья металась от шкафа к шкафу, доставая банки и мешочки с травами и порошками, а также давала задания парням: требовала принести холодную воду и согреть горячую, принести чистые полотенца из прачечной и капельницу из ее комнаты, таз, жгуты и ровные дощечки для наложения временных шин.

Все происходило как в кошмарном сне, от которого Мари мечтала избавиться, но этого не происходило. Вейц истекал кровью у нее на глазах.

«Зачем я поддержала тебя, дурака? — ругала она саму себя, глотая слезы. — Надо было силой тащить тебя в замок!»

— Госпожа, уйдите! — прикрикнула Гилья, заметив ее на пороге кухни.

— Палал, какого хрена?! — Эксул метнулся к ней и выволок в коридор.

Мари потрясенным взглядом пробежалась по его майке и рукам.

— Это... его кровь? — шмыгая носом, выдавила она.

— Уйди к себе, палал! — Он подтолкнул ее к лестнице. — В таком состоянии ты будешь только мешать!

Мари утерла слезы и, поморгав, сглотнула.

— Шеймас... Догоните его кто-нибудь. Пожалуйста. Не оставляйте его одного. Он наделает глупостей.

— А ты?

Дрожащей рукой Мари отыскала ленту в кармане халата и, собрав волосы в хвост на затылке, сказала:

— Я в норме! — Она обошла Эксула и вошла в кухню. — Что нужно делать, Гилья?

— Вы уверены, что справитесь? — насторожилась та, хотя сама дрожала как осиновый лист на ветру.

— Командуй!

Гилья кашлянула и, рассеянным взглядом проводив из кухни мужчин, поспешивших на подмогу к Шеймасу и на оборону замка, которая может понадобиться, сказала:

— В подвальных камерах есть наручники и цепи. Остались от Стражей. Принесите.

Еще двое переглянулись, но заторопились выполнить просьбу. А Мари подкравшись к столу, осторожно обхватила ладонями вялое запястье Вейца.

— Зачем тебе наручники и цепи? — тихо спросила она, борясь со слезами.

— Я, может, и не специалист в узкопрофильной медицине, но знаю о непереносимости гибридами наркотиков. Слабое обезболивающее ему не поможет, а сильное только наркотическое. Вколю ему дозу — и он умрет от аллергической реакции раньше, чем от ранений. Сейчас у него болевой шок. В любой момент он может очнуться. Ненадолго. Или надолго. — Гилья подвинула к столу этажерку с приготовленными средствами, материалами и инструментами. — Его будет ломать от жуткой боли, и он может навредить себе и нам.

Мари склонилась над Вейцом, аккуратно погладила его по разбитой щеке и прошептала:

— Держись, дорогой.

Гилья, услышав это ласковое обращение, на мгновение замерла.

— Будете меня ассистировать, — сказала она через секунду.

Разведя порошки и заварив травы, Гилья принялась обрабатывать ушибы и ссадины. Мари, смачивая мягкое полотенце в обеззараживающем растворе, вытирала кровь с тела. Полотенца летели на пол одно за другим, так же, как и ватные тампоны, остатки шелковых нитей, кусочки бинта. Гилья постоянно повторяла быть осторожней, ворчала, что парни могли нанести ему куда больший вред, чем избившие его сволочи.

— Принесли его, как мешок с зерном. Нельзя так с раненым.

— Кажется, он приходит в себя, — проговорила Мари, заметив, что грудь Вейца стала вздыматься чаще. — Гилья, это хорошо?

— И да, и нет. Цепи!

Парни подбежали к столу, закрепили концы цепей на ножках и принялись надевать на Вейца наручники, присоединенные к другим концам.

— Осторожней! — прикрикнула Гилья. — Эта нога сломана. И та рука тоже.

— Оставьте! — Мари оттолкнула их, когда они собрались заковать сломанную руку. — Он ею даже мухе не навредит.

— Госпожа, это опасно, — забеспокоилась Гилья, но Мари ее не слушала.

Держа Вейца за запястье, она гладила его по голове и всматривалась в лицо. Вскоре его веки задрожали, рот приоткрылся, и он хрипло вздохнул. Распахнув один глаз (второй заплыл от воспаления), Вейц попытался сфокусировать зрение. Сосуды в глазном яблоке лопнули, и оно почти полностью было красным.

— Вейц, Вейц, — зашептала Мари, не обращая внимания на текущие по ее щекам слезы. — Слышишь? Все будет хорошо. Потерпи, родной. Шеймас скоро привезет браслет, и тебе сразу станет легче.

Вейц содрогнулся в конвульсии.

— Отойдите, госпожа! — заорала Гилья, оббегая стол.

— Что это? — ужаснулась Мари, выпрямившись.

— Отойдите! — настойчивее повторила служанка и едва схватила

ее за руку, как Вейц выгнулся и взвыл от боли.

Пальцы его сломанной руки сомкнулись на запястье Мари мертвой хваткой. Вены на его шее и плечах вздулись, зрачок стал вертикальным, вылезли клыки.

— О, нет! Он трансформируется! — Гилья потянула Мари на себя, но та не могла освободиться от хватки Вейца. — Помогите мне! — крикнула она застывшим в стороне мужчинам.

Те не успели подбежать на помощь, как Вейц утробно зарычал и, взмахнув другой рукой, разорвал цепь. Последнее, что запомнила Мари, это как Вейц резко сел и занес когтистую руку над ней. В следующее мгновение все померкло.

Приходила в себя Мари медленно и болезненно. Голова раскалывалась, а еще адски жгло щеку и першило в горле.

— Тише, тише, — услышала она шепот Шеймаса. — На, попей.

Мари почувствовала на своих губах соломинку и присосалась к ней. Сделав несколько глотков, она выдохнула и приоткрыла глаза. Она лежала на своей кровати в комнате. Шеймас сидел рядом. Одетый в майку и штаны.

— Вейц? — первым делом спросила она.

— Я привез браслет. Он будет в порядке. — Шеймас через силу улыбнулся. — Гилья наложила тебе швы и готовит мазь. Надо избавиться от этого до того, как Вейц очнется.

— Швы? — недопоняла Мари и поморщилась от резкой боли. На щеке что-то мешало. Она приложила к ней ладонь и нащупала повязку. — Что это?

— Ты мне скажи.

Мари попыталась вспомнить произошедшее, но все было как в тумане. Она четче помнила историю своей расы, чем события последней ночи.

— Я же сказал тебе уйти к себе. Никогда не слушаешь!

— Что случилось, Шеймас?

— Ты получила неплохой хук справа от лапищи гибрида. Ударилась головой и отключилась.

— Он же случайно... Я хотела помочь. Понадеялась на память расы. Должна же я хоть что-то знать, уметь.

Шеймас покачал головой и, сжав руку Мари в своих ладонях, произнес:

— Память расы не так работает, Мариэль. Она как энциклопедия по истории в твоей голове. Ты помнишь и знаешь ее зарождение, особенности, быт, культуру, гибель. Но ты не властна над привитыми навыками и умениями. Ты не можешь знать медицину, инженерию и остальное. Это индивидуальные качества, а не общие.

Мари огорченно вздохнула.

— Как он?

— Получше.

— Долго я была в отключке?

— Уже утро, — сообщил Шеймас.

— Где он?

— Там же. Гилья запрещает переносить его, пока кости не окрепнут.

Мари приподнялась. Шеймас подложил ей под поясницу подушку. Она удобно села.

— Где ты достал браслет?

— У флиомов. Где же еще?

— Что они запросили взамен? Деньги их вряд ли заинтересовали.

Шеймас немного помолчал.

— Ничего важного, — ответил он, пытаясь улыбнуться.

— Так я и поверила. Говори.

— Свейх.

Свейх! Тот самый, который Шеймас собирал много лет, чтобы однажды отправиться на поиски накопителя — единственной улики против губителей Палалии!

— Ты отдал его? — спросила Мари.

Шеймас кивнул.

— А что еще мне оставалось? Жизнь Вейца для меня важнее, чем наказание Нэима.

У Мари снова защипало глаза. Стиснув зубы, чтобы сдержать слезы, она отдышалась и процедила:

— Я уничтожу его. Не знаю, как, но я сделаю это.

Шеймас нервно потер щетинистый подбородок и грустно усмехнулся:

— Знаешь, Мариэль, я ведь не хотел Вейца спасать. Тогда, в лесу. Собирался мимо пройти. Сколько помню, отец всегда был занят. Мы с Лу были предоставлены сами себе. Вернее, я сам себе. У Лу была

любимая мамочка, преподаватели, тренеры, собственная свита придворных. Но отца ему заменял именно я. Или мне так казалось. Лу тянулся ко мне. Хотел быть похожим на меня, я чувствовал это. И способствовал его шалостям. Даже вопреки небольшой разнице в возрасте, я всегда был намного старше. Рано пришлось повзрослеть, живя под одной крышей с Тальиной. А Лу оставался ребенком. И я нес негласную ответственность за него. Заботился. Сослав меня в Трейс, Нэим лишил меня не трона, который мне был не нужен, не императорского величия. Он лишил меня целей, а одной из них был Лу. Наверное, именно эта потеря оказалась для меня самой болезненной. Я каждый день засыпал и просыпался с мыслью, что именно сегодня Лу придет за мной и скажет, что я свободен. А когда последняя искорка надежды угасла, я встретил Вейца. Что-то щелкнуло внутри меня. Словно Вселенная подала знак: «Шеймас, посмотри, это твой второй шанс!» Вейц стал мне другом, братом. Он любит меня по-настоящему, а не на словах, как Лу. Экспериментальная ошибка... — Глаза Шеймаса заблестели, и он отвел взгляд. — Будь проклят Орден! Но в этой экспериментальной ошибке больше человечности, чем во всех нас вместе взятых! Я позволял Нэиму издеваться надо мной, но не позволю трогать Вейца. Это была последняя капля. Хватит терпеть. Пора дать отпор.

— Что ты собираешься делать? — напряглась Мари.

Шеймас пристально посмотрел ей в глаза и зло прошипел:

— Убивать.

— Не горячись. Надо дождаться, пока Вейц придет в себя. Узнать, что он выяснил и какие условия поставил Нэим.

— У него одно условие — поработить нас.

— Но цель другая. Нэим злит нас, чтобы мы ответили агрессией. Это лишь усугубит наше положение, а его выставит жертвой обстоятельств.

— Ты поступай, как тебе подсказывает сердце. А с меня хватит! — Шеймас наклонился, крепко поцеловал Мари в губы и встал.

— Остановись! — с мольбой попросила она, вцепившись в его руку. — Не надо, Шеймас.

— Я уже все решил, — он высвободился из ее хватки и, развернувшись, вышел из комнаты.

Тяжело вздохнув, Мари зажмурилась от усилившейся головной

боли. На пороге появилась Гилья с подносом в руках.

— Сильное у меня сотрясение? — тут же спросила Мари.

Служанка поставила принесенную мазь и чистый бинт на тумбочку и ответила:

— Не нравится мне ваш тон. Что вы задумали, госпожа?

— Объявить войну миротворцам — самоубийство. Я не могу потерять Шеймаса.

— Я не пущу вас!

— А я не спрашиваю, — Мари встала с постели и пошатнулась от головокружения. — Позже мной займешься. Будь с Вейцом!

— Госпожа...

— Иди к Вейцу!

Мари переоделась в рубашку и шорты и, борясь со слабостью и болью, спустилась вниз. Проходя мимо кухни, она мельком глянула на лежащего на столе Вейца. Особых изменений в нем она не заметила. Но камни на его браслете сияли, значит, лечили.

Выйдя на улицу, Мари увидела, как Шеймас на скорости выезжает за ворота, оставляя за мотоциклом клубы пыли и песка.

— Мы пытались остановить его, палал! — сказал ей подошедший Эксул. — Упертый! Взял оружие и рванул в город.

— Давайте за ним! — Мари взглянула на небольшой фургончик с облупившейся краской. — Ваш?

— Наш.

— Едем!

Уговаривать парней не пришлось. Как друзья Шеймаса они поехали за ним безоговорочно.

— Как вы нашли Вейца? — спросила Мари, когда они уже ехали по пустоши. Мотоцикл Шеймаса давно скрылся из вида, но они и так знали, куда ехать.

— Его оставили у дверей телепортационной зоны. Ребята с ночной смены подняли нас. Мы в госпиталь, а тот оцеплен. Вспомнили о Гилье и поехали к вам.

— Спасибо, — произнесла Мари. — Вы спасли ему жизнь.

— Он наш друг. Это даже не обсуждается.

Остальной путь они ехали в безмолвии. Все были уставшими, невыспавшимися, расстроенными и злыми. В городе фургон остановился перед двухэтажным зданием с вывеской «Дом правосудия»

области зроу». Рядом с каменным крыльцом стоял припаркованный мотоцикл Шеймаса, а из самого здания донесся выстрел.

Мари вздрогнула. Первой выскочив из фургона, она вбежала вверх по ступенькам и влетела в холл. Со второго этажа вниз спешили зроу — более солидные на вид, чем прислужники Нэима. Раздался еще один выстрел, и Мари помчалась на звук. Отыскав распахнутую дверь одного из здешних залов, она увидела стоящего посреди помещения Шеймаса. В обеих его руках было по бластеру. У хаотично расставленных игровых столиков валялось два трупа. Миротворцы, повыскакивавшие из-за них, прижались к стенам. Некоторые тоже нацелились на Шеймаса. Он снова занес руку, прицеливаясь, но Мари выскочила вперед и встала перед бластером.

— Нет, Шеймас! — заорала она.

— Это сделали они, Мариэль! И живыми они отсюда не выйдут!

— На их место придут другие! — Мари не сдвинулась ни на шаг. — Это не выход, Шеймас! Так мы ничего не решим!

В зал медленно вошли парни из телепортационной зоны и другие зроу.

— Что здесь происходит? — спросил один из них.

Шеймас покосился на него через плечо и ухмыльнулся:

— И вонючий областной Совет здесь.

— Вообще-то вонючий областной Совет здесь работает! А что ты тут устроил, Саймус?! Давно за решеткой не сидел?!

— Да, я помню, как вы любите закрывать меня за то, что я избавляю область от этого дерьма!

— Это миротворцы! Благодаря им в Трейсе соблюдаются законы!

— Кем?! — взревел Шеймас, повернувшись к членам Совета и разведя руками. — Вами?! Мной?! Или ими?! Сегодня ночью они до полусмерти избили Вейца, которого вы так обожаете! Они оцепили госпиталь и лазарет, запретили врачам приближаться к Вейцу! И жив он до сих пор, только благодаря этим парням, флиомам и моей служанке! На основании чего было совершено это бесчестное и трусливое нападение?!

Члены Совета замерли. Мари заметила, как часть миротворцев потупила лица в пол.

— Это правда? — спросили у них из Совета.

Те промолчали, поэтому заговорила Мари:

— Правда.

— Вы еще кто?

— Я Мариэль, хранительница памяти расы палал.

— Неужели? Та самая Мариэль, о которой рассказывал Вейц? Можно ваш жетон?

Мари хлопнула себя по карманам шортов и в ужасе опомнилась, что потеряла его. Причем давно. А ведь парни из телепортационной зоны предупреждали ее всегда держать его при себе.

— Вот ее жетон, — Шеймас сунул один бластер в кобуру на бедре и вытащил из кармана своих штанов жетон. — Нашел в своей мастерской, — пояснил он Мари.

Она облегченно выдохнула. Двое членов Совета изучили данные Мари, и один с улыбкой сказал:

— Измена против Ордена за оскорбление членов Совета? Они там под дурью, что ли?

— Вам виднее, — ответила Мари. — С вашим братом у меня тоже натянутые отношения.

Ей вернули жетон и посмотрели на миротворцев.

— Кто участвовал в нападении на Вейца? — Все отмолчались. Главный обернулся и подозвал двух вооруженных конвоиров: — Отнять оружие и запереть в камерах. Всех! Вызвать свободных миротворцев из соседних областей для усиления. Приступайте! А вы, — он посмотрел на Мари и Шеймаса, — поднимитесь-ка к нам. Есть разговор.

Мари и Шеймас переглянулись. Она улыбнулась уголком губ. Трупы начали казаться ей чем-то самой собой разумеющимся. Тем более, трупы негодяев, едва не убивших Вейца. Вооруженная рука Шеймаса слегка расслабилась.

Они поднялись вслед за членами Совета и вошли в зал переговоров с круглым столом.

— Присаживайтесь, — им указали на стулья.

Мари села первой. Шеймас, которому все это совсем не нравилось, сел чуть позже. Секретарша принесла большой графин с водой и чистые стаканы. Мари немного попила и выжидающе посмотрела на таравившихся на нее зроу.

— Так это вы обладаете даром убеждения? — спросил у нее главный.

— Я просто не люблю плыть по течению, — ответила она. — С

рождения борюсь за свое место и право жить в этой Вселенной.

— Память вашей расы восстановлена?

— Да.

— Вы знаете, кто причастен к уничтожению Палалии?

— Всех и каждого. За это и пострадал Вейц.

Зроу вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Очень горько осознавать, что среди наших соплеменников есть чудовища, способные сжечь целый мир с высшей расой.

— Вы всегда знали, что Шеймас не лжет, так? Знали, чем тут занимается Нэим? И что его бандиты — никакие не миротворцы? Вам не стыдно занимать руководящие должности? — Мари окинула их презрительным взглядом.

— Хотелось верить в лучшее. Но становится только хуже. Вейц — это находка для нашей области. Парень не должен был втянуться в вашу войну с Нэимом. Кто угодно, только не он.

— Однако это случилось. И поверьте, Нэим не остановится. Он же не бессмертный и уже не первой свежести. Ну проживет он еще лет пятнадцать-двадцать. А что будет, когда он умрет? Все всплывет. А виновными в творящемся здесь беззаконии останетесь вы. Ведь это вы его допускаете.

Зроу прошелся по ней задумчивым взглядом и поинтересовался:

— Что с вами случилось? — Он указал на ее щеку.

— Перешла дорогу Нэиму. Тем, что появилась на свет.

— Мы с моими коллегами много часов провели за обсуждением новшеств в нашей системе и пришли к единогласному решению предложить вам место в областном Совете. Как вы смотрите на это?

Мари поймала на себе пристальный взгляд Шеймаса.

— А Вейц? — спросила она.

— Ему тоже будет сделано аналогичное предложение.

Подумав, Мари подалась вперед, скрестила пальцы на столе и сказала:

— У меня будет условие!

— Озвучьте.

— Пока у власти Нэим, мы будем на тонущем корабле. Он будет перекрывать всем нам кислород. Его надо убрать. И я не об убийстве, — сразу уточнила Мари, пока зроу не зашушукались. — Ни я, ни вы, ни Шеймас не замараем руки в его крови. Но вы должны доказать мне, что

я могу вам доверять. В Междумирье под стражей находятся два флиома. Разжалованные агенты разведывательного подразделения Опретауна Стон и Блин. У них что-то есть на Нэима. Вытащите их в Трейс — и я вступлю в ваши ряды.

— Почему вы уверены, что те флиомы способны разоблачить Нэима, а не сделать хуже нам?

— Вейц кое-что выяснил и сегодня должен был связаться с солдатами Междумирья по вопросу нелегальной ссылки Стона и Блина. Ему помешали. Его едва не убили. Это не просто так.

В зале повисла звенящая тишина. Шеймас продолжал сжимать бластер, зрору многозначительно переглядывались, а Мари сверлила напористым взглядом главного. Наконец он встал и, выпятив грудь, заявил:

— По рукам! Поднимите Вейца на ноги, а мы вытащим тех флиомов из-под стражи. Вы правы, Мариэль. Нэима надо убрать. Он позор нашей расы. Пришла пора платить по счетам.

Глава 31. Выходи за меня!

Мари и Шеймас перестали разговаривать друг с другом. Она не могла отойти от того, что он снова убил, а он, по всей видимости, пребывал в шоке от того, как она умеет решать вопросы без применения силы. Она вернулась в замок в фургоне, а он на своем мотоцикле. Она сразу ушла к Вейцу, а он скрылся в своем гараже.

— Как он? — спросила Мари у Гильи, меняющей компресс на голове Вейца.

— Поправляется, — улыбнулась служанка. — Мы заменили запачканную скатерть чистой простыней. Но пока я не решаюсь перекидывать его на мягкую постель. Пусть кости срастаются на ровной поверхности.

Мари взглянула на капельницу, подсоединенную к руке Вейца.

— Витамины, — пояснила Гилья. — Вам тоже нужно.

— Да, наверное, — согласилась Мари, присаживаясь рядом со столом. — Голова болит. Он приходил в себя?

— Нет. Но ему лучше, госпожа. Не беспокойтесь. Он набирается сил.

— Тогда снимите наручники и цепи. Он же не животное.

Гилья неохотно послушалась: вынула из кармана передника ключ и освободила Вейца. Затем подала Мари жетон Вейца. Та молча сжала его в кулаке.

— Вы снова поссорились с господином Саймусом? — поинтересовалась она, взяв баночку с мазью и подсев к Мари.

— Он убийца, Гилья, — произнесла та, подставляя ей свою щеку. — Я не могу закрывать глаза на такое.

— Мы живем в страшном мире, во время смуты. Каждый борется, как может и умеет. Господин Саймус никогда не поднимет руку на невинного. — Гилья сняла повязку и принялась наносить мазь на царапины. — В такие моменты ему тяжелее всего. Отворачиваясь от него, вы способствуете закрытию его раковины, через которую ему очень трудно пробиваться. Господин Саймус выглядит грозно, но в глубине души по-прежнему живет мальчик, познавший враждебность, как единственное отношение к себе. Вы умны, хитры и находчивы. Так

помогите ему отложить оружие. Научите его жить в обществе. — Служанка наложила новую повязку и улыбнулась. — Вы влюблены в Вейца, да? Меня не касаются ваши отношения. Я не хранительница памяти своей расы. У меня нет лютых врагов. И в Трейс я загремела не случайно. Но я старше вас и опытнее. В вас троих я вижу безграничную силу. Вы способны вершить великие дела, если будете вместе. Врозь вы пропадете. Я знаю господина Саймуса и Вейца. Они сделают вас самой счастливой женщиной во Вселенной. А вы их. Вы это заслужили. Только прошу, не закрывайтесь друг от друга, прислушивайтесь, читайте между строк и протягивайте руку помощи. Вейц подставился, считая, что поступает правильно. Господин Саймус стрелял по той же причине. Идеальных людей нет. Все ошибаются. Ошиблись и они. Не ругайте их за это. Кто угодно, только не вы.

Гилья погладила Мари по руке и отошла к плите. Взяв тарелку, она положила в нее овощное рагу, нарезала ломтики ржаного хлеба и налила стакан свежего сока. Поставив все это на поднос, она повернулась к Мари.

— Отнесу господину Саймусу.

— погоди, — Мари встала и взяла у нее поднос. — Я сама. Спасибо, Гилья. Ты уже не первый раз открываешь мне глаза на элементарные вещи. Что бы я без тебя делала?

Служанка смущенно улыбнулась и молча вернулась к Вейцу, чтобы сменить компресс.

Мари вышла во двор, освещаемый тусклым светом пока единственного установленного фонарного столба. Двери в гараж были распахнуты, Шеймас копался в каком-то двигателе. Мари поставила ужин на имеющийся здесь стол и медленно приблизилась к Шеймасу. Он видел ее, но не подал вида. Она нерешительно положила свою ладонь поверх его запачканной машинным маслом руки и произнесла:

— Я с тобой, Шеймас.

На мгновение он замер, а потом выпрямился и с закравшимся сомнением взглянул на Мари.

— Я просто боюсь потерять вас, — добавила она.

Шеймас кивнул и признался:

— Я тоже боюсь потерять вас.

Мари шагнула вперед и прижалась к его груди. Прислушавшись к его участившемуся сердцебиению, она закрыла глаза и ощутила, как

головная боль отходит, притупляется.

— Я люблю тебя, Шеймас, — прошептала она. — Больше жизни люблю. И всегда буду это повторять. Даже когда ты будешь бесить меня.

Он засмеялся и поцеловал Мари в голову.

В гараж вбежал один из рабочих. Запыхавшись, он хрипло кашлянул и воскликнул:

— Там!.. Там Вейц очнулся!

Схватив Мари за руку, Шеймас поспешил в замок. Они быстро примчались в кухню. Гилья поила Вейца через соломинку. Он был вполне спокоен, клыки и когти не выпускал. Держась за руки, Мари и Шеймас подошли к столу.

— Где я? — сипло спросил Вейц, с трудом приоткрывая глаза.

— В замке! — ответил Шеймас.

— А почему так твердо? У вас кончились матрасы?

— Ты на кухонном столе.

— Только не ешьте меня. А то я знаю, какой ты проглот, Саймус.

Мари горько засмеялась и, склонившись над Вейцом, погладила его по голове.

— Такой лакомый кусочек, как ты, принадлежит исключительно мне, — сказала она. — Не трать силы, милый. Поспи.

Вейц, видимо, толком не разглядев повязку на щеке Мари, не спросил о ее происхождении, а в следующее мгновение уже уснул.

— Иди отдыхать, Гилья, — обратилась Мари к служанке. — Я посижу с ним.

— Тебе тоже надо поспать, — сказал Шеймас.

— Позже.

— Тогда дежуришь вахтами. Я сменю тебя через три часа.

— Договорились, — улыбнулась Мари и, поцеловав Шеймаса, села рядом с Вейцом.

Шеймас и Гилья приглушили на кухне свет и ушли, а Мари продолжила гладить Вейца по руке и голове, мысленно молясь, чтобы он поскорее поправился, и мечтая, как она будет наслаждаться муками Нэима, когда те достигнут его.

Некоторое время Мари держалась, но вскоре все же поддалась усталости и уснула. Ее разбудил Шеймас. Она спала, положив голову на стол и держа Вейца за руку. Подняв ее, Шеймас отнес ее в комнату. Но

через полчаса Мари снова проснулась и спустилась.

— Моя очередь.

— И часа не прошло. Иди спать, Мариэль, — улыбнулся Шеймас. — Он в порядке.

Она подставила к столу еще один стул и села.

В очередной раз разбудив ее, Шеймас указал ей на диван. Мари потеряла глаза, не веря увиденному.

— Ты принес его?

— Не могу смотреть, как ты мучаешься. Идем, ложись.

Шеймас помог ей улечься, взбил подушку и накрыл одеялом.

— Теперь тебе спокойнее? — улыбнулся он, сев рядом. — Совсем голову потеряла. О себе тоже нужно думать.

— Шеймас, — обратилась к нему Мари, взяв его за руку, — не ругай его, когда он оклемается. Он рискнул ради нас.

— Ты просишь о невозможном.

— Все возможно, было бы желание. Отныне будем действовать сообща. Вместе принимать решения и делать шаги. Я тоже хороша: согласилась на предложение зроу, не спросив твоего мнения. Это было некрасиво с моей стороны. Наши с тобой отношения давно переросли дружеские, и мы уже стали больше чем любовники, связь которых обедняется до секса. Мы вместе, а это значит — никаких «я».

Изумрудные глаза Шеймаса остекленели. Он крепче сжал руку Мари и произнес:

— Выходи за меня.

— Что? — занервничала Мари. Сон как рукой сняло.

— Я хочу жениться на тебе. Ты согласна стать моей женой?

— И моей, — подал уставший, хриплый голос Вейц.

Мари и Шеймас засмеялись и, поднявшись, подошли к столу.

— Как ты себя чувствуешь, герой? — Мари склонилась над ним.

— Чудесно. Похоже мне все-таки удалось впечатлить тебя.

— О, ты впечатлил нас всех! — сказал Шеймас, сунув большие пальцы в карманы штанов. — Только, пожалуйста, больше не надо.

Вейц взглянул на Мари.

— Я задел тебя.

— Ерунда, — отмахнулась она. — Царапинка. Гилья творит чудеса. Через пару дней не останется и следа. — Про сотрясение Мари решила не говорить ему и, конечно, почувствовала, как Шеймас сверлит ее

напористым взглядом. Придется объяснить ему, что иногда маленькая, безобидная ложь имеет место быть даже там, где все сообщается.

— Так ты согласна стать нашей женой? — переспросил Вейц.

— Разве можно отказать, когда просят сразу двое? — улыбнулась Мари. — Один с головы до ног в машинном масле, а другой в виде отбивной? Ни одна девушка не устоит.

Они засмеялись.

— Только без церемоний, — поставила условие Мари. — Кольца, небольшое застолье с танцами в кругу близких и...

— ...брачная ночь, — засветился Шеймас.

— Кольца? — удивился Вейц.

— В мире, где я жила, супруги носят обручальные кольца. Как символ. Я хочу, чтобы у нас тоже были. — Мари перевела взгляд на Шеймаса. — Только новые. Пусть Тамани постарается раздобыть.

— Сделаю, — кивнул он и, шагнув к Мари, поцеловал ее. — Заодно смотаюсь в город, договарюсь в Регистрационном Центре о дате. Вейц, не разлеживайся. Даю тебе три дня, не больше. Постарайся прийти в норму, чтобы на собственной свадьбе быть фигурантом события. Впрочем, думаю, брачную ночь ты тоже хочешь не только лицезреть со стороны...

— Шеймас, — мягко перебила его Мари, — ты только об этом и думаешь.

— Потому что это самое сладкое в церемонии бракосочетания, — он облизнулся.

— Иди прими душ, жених, — Мари легонько толкнула его.

Шеймас ушел, а она села рядом с Вейцом. Он попросил пить, и Мари заботливо напоила его. Вскоре он снова уснул. Шеймас вернулся в кухню чистым и мокрым, с полотенцем вокруг бедер. Достав из холодильника бутылку с водой, он тоже попил.

— Вы серьезно про свадьбу? — спросила у него Мари, пересев на диван.

— Откуда неуверенность? — Шеймас присел рядом.

— Не знаю, — пожала плечами Мари. — Иногда мне кажется, что я вот-вот проснусь, а все это и вы — сон.

— Мне тоже. Боюсь проснуться в Опретауне, во дворце с Тальиной.

Мари улыбнулась:

— То есть Опретаун — твой кошмар, а Трейс — райский уголок?

— Не имеет значения, где мы живем. Важно, кто рядом.

Мари забралась к нему на колени и прошептала:

— Я рядом, Шеймас. Я не сон. И я безумно тебя люблю.

— Это-то и пугает. Ты перестала говорить о Лу, будто избавилась от вашего запечатления. А вдруг со мной будет то же самое? Все пройдет, как наваждение? Впервые в жизни меня кто-то полюбил... Меня!

— Ты считаешь, что недостойн меня? Не спорю, я женщина мечты, — подшутила Мари, — но я ведь тебя не из-за запечатления полюбила. Я влюбилась в твою душу, Шеймас. А она светлая. Просто израненная. И я залечу все эти раны. — Она нежно поцеловала его.

— В мирах столько мужчин, а ты выбрала меня, — вымолвил Шеймас. — Я даже ухаживать не умею — ни за собой, ни за домом, ни за женщиной.

— А мне не нужны мыши из серой массы. Однотипные и одноразовые, от которых клонит в сон. Ты заряжаешь меня, Шеймас. Заряжаешь бодростью, страстью, злостью. Это делает меня живой. Эмоции намного важнее букета цветов и постановочного ужина при свечах. И ты даришь мне эти эмоции. Рядом с тобой у меня не возникает желания сказать: «Блин, ты мужик или нет? Сделай хоть что-нибудь яркое!» Наоборот, иногда мне хочется закричать: «Шеймас, пожалуйста, хватит! Ничего не делай!»

Он усмехнулся, и Мари скользнула замороженным взглядом по его мерцающим волосам, по морщинкам у его глаз, по его небритости, которая делала его собой. Да, она выйдет за него! Выйдет за них!

Наутро Шеймас уехал по предсвадебным делам, а Вейца с позволения Гильи перенесли в комнату Мари. Она сварила для него бульон и, остудив, покормила. Немного поев, Вейц снова уснул. Гилья убедил Мари, что это хорошо. Его кости быстро срастались, с тела исчезали синяки и ссадины, рана на голове тоже затягивалась.

Шеймас вернулся поздним вечером. С ним в замок прибыл городской портной, чтобы снять мерки для пошива свадебного платья и костюмов. Мари пребывала в полной растерянности. Ремонт в замке, нападение на Вейца, предложение зроу, и тут свадьба! Все смешалось в некий хаос, но мысль о скором бракосочетании все же согревала сердце. Волнуясь, Мари обсудила с портным свои пожелания в отношении

платья и, проводив его, вошла в гостиную, где Шеймас пил холодный чай.

— Ты так быстро все организовал, словно заранее готовился, — улыbnулась она, подсев к нему.

— Я просто хочу поскорее узаконить наши отношения и по праву назвать тебя своей, — ответил он. — Регистрация через четыре дня. При себе иметь жетоны и приподнятое настроение. Завтра в замок придут еще рабочие. Восточная и южная башня уже отремонтированы, мы можем принимать людей. Приедут целые семьи с детьми. Все, как ты хотела. Некоторые мужчины работают на полях, а их жены будут работать у нас. Им хватит работы в замке, в саду и на плантации. Уже появились ростки, за посевами надо следить. На следующей неделе привезут птицу и скот. Не знаю, когда ты за все это со мной считаешься, — вздохнул Шеймас. — У тебя и так задолженность по ипотеке.

Мари засмеялась и повалила Шеймаса на диван. Сев сверху, она откинула волосы за спину. В полумраке комнаты его лицо казалось еще более загадочным.

— Выходит, что свадьбу мы сыграем в нашем замке?

— Да, за четыре дня рабочие успеют все доделать. Кстати, ты видела, твои выюны уже плетутся по шпалерам. Завтра подключу разбрызгиватели, чтобы они питали почву. И я заказал те флажки, о которых ты мечтаешь. Хоть мне и не нравится эта идея. А еще у меня большой заказ от зроу. Придется пару дней поработать в поле. Справишься без меня?

— Ты ненормальный, Шеймас.

— Значит, справишься, — улыbnулся он, руками залезая под ее рубашку. — Ну что, до свадьбы «ни-ни»? Или?..

— Я не выдержу четыре дня, — шепнула Мари и впиалась в его рот жадным поцелуем.

После пережитого несчастья секс вышел на твердую «троечку». Мари прекрасно понимала Шеймаса: ему было не до красивых игр. И радовало, что он тоже понимает ее усталость и вчерашнее сотрясение. Но ожидание, что в гостиную в любой момент может кто-нибудь заглянуть, все же придало интиму искорку огонька. Наверное, именно так чувствуют себя молодые девицы, к которым глубокими вечерами в окна залезают парни. Шалить приходится как можно тише, чтобы не

услышали родители. Мари это было незнакомо. В детских домах секс среди подростков — норма, а в некоторых — даже среди воспитателей. Там никто особо никого не стеснялся и не прятался. Зачастую Мари даже удивлялась, как она, живя в таком распущенном окружении, сохранила невинность до двадцати!

Зато теперь наверстывает упущенное...

Отдышавшись, Мари начала одеваться.

— Я лягу с Вейцом, — сказала она с толикой боязни, что Шеймас обидится. Похоже, ей еще предстоит избавляться от некоторых комплексов и ложных опасений.

— Да, конечно, — улыбнулся довольный Шеймас и, подложив руку под голову, следил за тем, как Мари одевается. Ревность ничуть его не трогала.

— Ты останешься здесь? — удивилась она, помня, что его собственная комната свободна.

— Лень тащиться наверх. А здесь хорошо: удобно и пахнет тобой.

Мари улыбнулась, поцеловала Шеймаса и, пожелав ему спокойной ночи, ушла в свою комнату. Укладываясь в постель, она случайно разбудила Вейца.

— Ты как? — шепотом спросила Мари, ложась рядом с ним.

Вейц приподнял покалеченную руку и сжал слабый кулак.

— Работаю, — улыбнулся он, опустив руку. — Думаю, дня через два встану на ноги.

— А через четыре у нас свадьба.

— Так долго ждать, — вздохнул Вейц.

— Ничего себе — долго! Обычно к свадьбам неделями готовятся!

— Обычно на свадьбе два виновника торжества, а не три.

Мари хихикнула и, обняв Вейца, прижалась к нему.

— Спокойной ночи, дорогой, — пожелала она и мечтательно закрыла глаза.

В тот момент, когда Луисцар отказался от Мари, боясь гнева Совета, ее жизнь, подобно ветке, сломалась. Постепенно она срослась и теперь крепла, придавая Мари уверенности в себе. Отношения с двумя мужчинами вдруг стали чем-то само собой разумеющимся. И Мари знала, во всем виноваты их сумасшедшие чувства. Настоящие, крепкие чувства!

Заслышав размеренное дыхание вновь уснувшего Вейца, Мари

приподнялась на локте и погладила его по щеке. Аккуратно убрав с его лица упавшую прядь длинной челки, Мари пальцами прошла по его шее, груди и мерцающей коже.

— Гибрид, выброшенный в Трейс за непослушание, — задумчиво прошептала она, и в голове словно что-то щелкнуло. — Какое вранье!

Мари соскочила с кровати и попятилась от нее, как от огня.

Вейц распахнул глаза. Его зрачки стали вертикальными. Мари кинулась к комоду, в котором Шеймас хранил один из бластеров и, выдвинув ящик, вынула оружие. Не успев активировать заряд и развернуться, она оказалась прижата к стене навалившимся телом Вейца. Дышал он тяжело, еще был слаб. Но встать и обезоружить Мари сумел. Отбросив бластер в сторону, он закрыл ей рот ладонью до того, как она закричала, и прошипел на ухо:

— Уберу руку, если пообещаешь не орать.

Затрясшись, Мари судорожно покивала и поморгала в знак согласия. Вейц отнял ладонь от ее лица, но продолжал прижимать ее к стене.

— Ты чертов шпион из Междумирья, — процедила она, содрогаясь от ужаса своей правоты. — С самого начала на Нэима работал? Поэтому не рассказывал о его романе с Лейсандрой Шеймасу?

— Я никогда не работал на Нэима, — ответил Вейц, пошатываясь из-за покидающих его сил. — И шпионом не был. Я был миротворцем под прикрытием.

— Одна и та же хрень!

— Тише! Выслушай меня.

— А потом ты убьешь меня?

Вейц убрал руки и, отпустив Мари, шагнул назад.

— Хорошо ты головой ударилась, — мрачно заметил он. — Как я могу убить тебя, если я тебя люблю?

— Неужели? — Мари медленно повернулась и покосилась на приоткрытую дверь.

Вейц тоже посмотрел на дверь, но запирать ее не кинулся. Отойдя к кровати, он с глухим стоном сел и усмехнулся:

— А ведь я чувствовал, что ты догадаешься. Слишком умная для Трейса. Что ж, пришло время рассказать. Потерять тебя я не хочу.

От возмущения Мари потеряла дар речи.

— В каждой области есть миротворцы под прикрытием. Без них

никак. Орден должен знать, насколько честны с ними их подчиненные и что на самом деле творится в Трейсе. Почему бы не назначить на эту должность гибрида? Никто не подумает, что он действующий солдат Междумирья. Орден не стал бы так легко разбрасываться дорогостоящим ресурсом.

— Ты шпионил.

— Называй это так. Но это была служба. Пока я не понял, что дела здесь обстоят иначе, чем докладывают Ордену. Совету не понравилось имя Нэима в моих отчетах. С меня потребовали доказательства. Достать их я мог только через Саймуса.

— Накопитель, — догадалась Мари.

— Да, — кивнул Вейц и поморщился от приступа боли. — Я следил за Саймусом и...

— Ты вовсе не хотел кончать с собой! Это был спектакль, да?

Недолго помолчав, Вейц признался:

— Я был натренирован подчиняться Ордену. С меня потребовали накопитель, о котором твердил Саймус. Я изучил его. Понял, что с ним не так-то легко подружиться. А когда удалось, я выяснил, что накопитель у Нэима. Круг замкнулся, мои отчеты сыграли против меня. Тогда я стал ненужной экспериментальной ошибкой.

— Шеймас доверяет тебе. Как ты мог?

— Я люблю его! — заявил Вейц. — Да, познакомился я с ним подло. Преследовал свои цели. Хотел наказать настоящего преступника. А потом подружился с Саймусом. Он стал мне братом. И ты не представляешь, как эта ложь выедаёт меня изнутри. Глядя на него, я хочу рассказать ему свое истинное прошлое. Но... я боюсь потерять его, Мариэль. Он дорог мне.

— Думаешь, после этого я тебе поверю? — Мари прошла по Вейцу осуждающим взглядом.

— Я не рассказывал Саймусу о Нэиме и Лейсандре, потому что Нэим шантажировал меня. Он знал, кем я был поначалу в Трейсе и зачем я познакомился с Саймусом. Только Нэим не знал, что все эти годы я тоже продолжал искать доказательства. Вот откуда у меня связи с Междумирьем. Стон и Блин знают, где этот проклятый накопитель! — Вейц тяжело вздохнул. — Иди, расскажи ему. Какая теперь разница, узнает он или нет. Я лжец. Ты бросишь меня. А без тебя я не вижу смысл жить дальше.

Поджав губы, Мари обхватила плечи руками и отвернулась. В комнате воцарилось безмолвие, спустя полминуты нарушенное появившимся на пороге Шеймасом. В руке он крутил выпавший из кармана Мари жетон Вейца.

Глава 32. Стон и Блин

— Ты потерял, — произнес он, бросив жетон Вейцу. — А кто тебе разрешал вставать? — Подойдя к нему, Шеймас помог ему подняться и обойти кровать. Уложив Вейца обратно в постель, он потрепал его по волосам и сказал: — Спи давай, шпион недоделанный. И будь добр, не кидайся больше на нашу будущую жену. Это в моей манере.

Немигающе глядя на Шеймаса, Вейц нервно сглотнул, а Мари открыла от потрясения рот.

— Вы все выяснили? Спать хочется, — Шеймас широко зевнул. — Но пожалуй, сегодня мы будем ютиться тут втроем. А то вы так до утра будете друг с другом детскими секретиками делиться. — Он лег на другой край кровати и выжидающе посмотрел на замершую Мари. — Ты идешь?

— Ты знал, — выдохнула она.

— Я сын бывшего императора Опретауна. Богатый сын. А за деньги можно почти любую инфу купить. Даже в Трейсе. Ложись спать. Ненавижу пустую болтовню.

Мари покосилась на застывшего Вейца.

— Да не укусит он тебя. Ложись! — настойчивее повторил Шеймас.

На непослушных ногах доплетаясь до кровати, Мари легла между мужчинами, но оставила максимально возможное расстояние между собой и Вейцом.

— Ты в Трейсе, Мариэль, — добавил Шеймас. — Здесь у всех тайны. Людьюми нас делают не ошибки, а выбор, принятый после их совершения. Когда у нас появятся дети, что ты скроешь от них? Ложь Вейца? Или мои убийства? Нутро подсказывает мне, что Вейц в выигрыше.

Покрепче прижавшись к нему, Мари головой уткнулась в его грудь, но даже не видя лица Шеймаса, почувствовала, как он безгласно, одним губами, что-то говорит Вейцу, в возможно, еще и улыбается. Псих!

Утром Мари проснулась в объятиях Вейца. Он гладил ее по голове, а его глаза блестели от неподдельного счастья. Шеймаса в комнате уже не было. Мари не стала отталкивать Вейца, но и кидаться с поцелуем не

спешила.

— Вы идиоты, — сонно пробормотала она вместо пожелания доброго утра. — Особенно твой друг.

— Да, Саймуса сложно назвать нормальным, — с улыбкой согласился Вейц.

— Даже Стон и Блин говорили, что он всегда был странным.

— Тебе не нравится, что он простил меня, поверил и доверился?

— Я боюсь, что он простит Луиса, — призналась Мари, сев в постели. — Я знаю, он не вернется в Опретаун, даже если его оправдают, а Тальину посадят за решетку. Он останется здесь с нами. Но Луис может стать его слабым местом.

— Давай не будем думать о том, что может не произойти вовсе. Скоро наша свадьба. Если, конечно, ты не передумала.

Мари засмеялась и, пальцами уложив взлохмаченные волосы, ответила:

— Миротворец под прикрытием звучит возбуждающе. Остается надеяться, что больше у тебя сюрпризов нет.

— Нет, — улыбнулся Вейц. — Зато теперь ты знаешь, как наши судьбы связаны от одного-единственного накопителя.

Мари взяла Вейца за руку.

— Мы найдем его! А сейчас давай-ка я помогу тебе спуститься к завтраку.

— Лазанью сделаешь?

— Вы заразились вирусом флиомов? — приподняв бровь, улыбнулась Мари. — Прямо эпидемия.

— Вкусно готовишь.

— Ты еще не знаешь, как вкусно я режу колбасу! Пальчики оближешь!

Вейц засмеялся, но тут же схватился за заболевшую грудь. Ребра дали о себе знать.

Мари встала, влезла в халат и помогла Вейцу подняться. Поддерживая его под руку, она повела его на кухню.

Прощать сложно. Особенно прощать самого себя. Мари понимала, что Вейцу намного сквернее на душе, чем Шеймасу и, тем более, ей. Но она хорошо помнила совет Гильи во всем поддерживать друг друга и замечала его плоды. Она не зря видела в Шеймаса светлую душу. Без красивых речей и «мишуры» он превосходил своего «правильного»

младшего брата абсолютно во всем! У того даже молодая невеста завела любовника втрое старше себя. А Шеймас хорошо знал, как сделать так, чтобы у его любимой не возникло желание искать кого-то на стороне. Вейц был прав, в его голове созревают самые фантастические идеи, и никогда не узнаешь, о чем он думает.

Как и сказал Шеймас, в замок стали прибывать новые рабочие с семьями. Здесь стало веселее и уютнее, когда его украсили женские улыбки и детский смех. Мари больше не приходилось работать. Она лишь руководила и заботилась о Вейце, кормя его, выводя на прогулки, помогая мыться и переодеваться. Шеймас целыми днями пропадал то в городе, то на поле. Возвращаясь поздними вечерами, он валился с ног, и Мари приходилось кормить и мыть еще и его. Но ее даже забавляла эта забота. Она относилась к этому, как к репетиции перед заботой о будущих детях. Материнство — это должность без выходных, праздников и отпусков. А раз папы детей будут слишком заняты (один — своими железками, другой — политикой и бизнесом), Мари могла рассчитывать только на помощь Гильи.

Свадебные наряды и кольца привезли за день до даты церемонии. Мари еще не видела платья прекраснее. Спрятав его в комнате Гильи, чтобы женихи не видели, она не могла на него насмотреться. Темно-бордовое с пышными юбками, тонкими бретельками и тугим корсетом, украшенным множеством сверкающих страз. Гилья ахнула при виде этого волшебного платья.

— А почему вы выбрали темный цвет, госпожа? — спросила она, когда Мари примеряла его перед зеркалом.

— В мире, где я выросла, обычно невесты надевают белое. Но белый — цвет невинности. А я далеко не невинна. — Мари покрутилась вокруг своей оси. — Люблю бордовый. В моей прошлой квартире портьеры были такого же цвета.

— А какого цвета костюмы ваших мужчин?

— Бордового, — улыбнулась Мари. — Вот такие у меня капризы.

— А кольца вы видели? — Гилья восхищенно хлопнула в ладоши. — Там так камни сверкают, аж слюнки текут. Тамани умеет удивить.

— Ага. Наверное, Шеймас приставил ему дуло бластера к виску.

Гилья засмеялась.

— Госпожа, я так рада за вас! Завтра вы выйдете замуж!

— Честно, мне не верится, — Мари помахала перед собой ладонями. — Не упасть бы в обморок.

Гилья избавилась от улыбки, глубоко вздохнула и сказала:

— Ни господин Саймус, ни Вейц не пользовались здесь успехом среди дам. Теперь о них жужжит вся область. Вы стали звездой сплетен и новостей. Всем интересно, что же нашла в этих мужчинах единственная чистокровная представительница высшей расы палал, хранительница ее памяти и истинная принцесса Палалии? Скоро все женщины Трейса будут вздыхать по вашим мужчинам. Вы с поразительной легкостью меняете все вокруг себя.

— У меня нет конкуренток, — уверенно ответила Мари, разглядывая себя в отражении. — Если только ты, Гилья, — улыбнулась она.

Служанка отмахнулась и, засмеявшись, ответила:

— Скажете тоже! Они для меня сыновья. Ладно, схожу проверю, как там идут приготовления. Поверьте, замок будет сверкать!

— Не забудь проследить, чтобы хорошо вымыли и наполнили бассейн чистой водой. Я хочу, чтобы гости имели возможность искупаться.

Гилья кивнула и оставила Мари наедине с платьем. Еще недолго покружившись в нем, Мари переделалась. Когда она заплетала волосы в небрежную косу, служанка вернулась в комнату. На ее лице отразилась тень ступора и неясного беспокойства.

— Там флиомы, госпожа, — сообщила она. — Спрашивают вас.

— Что-то рано они с поздравлениями. Ты отправляла им приглашение? Не ошиблась в дате?

— Вы не поняли. Там Стон и Блин.

Сказал бы это кто-то другой, Мари ни за что не поверила бы. Да, она поставила категоричное условие зрору, но не ожидала, что они так скоро выполнят свою часть уговора. Стон и Блин на свободе! Условно, разумеется, так как свобода в Трейсе понятие объективное.

Мари быстро повязала косу лентой и направилась вслед за Гильей. В замке суетились горничные, на кухне хлопотали повара, всюду бегали играющие дети. Обходя их, Мари дошла до гостиной. Гилья остановилась.

— Они там, — указала она на дверь.

— Хорошо. Распорядись, чтобы им принесли обед.

Гилья поспешила на кухню, а Мари поглубже вздохнула и вошла в гостиную. Закрыв за собой дверь, она посмотрела на двух знакомых флиомов. Они сидели на диване и таращились на Вейца, занявшего широкое кресло напротив.

— Парни! — радостно воскликнула Мари, чем привлекла их внимание.

Стон и Блин в тех же бежевых комбинезонах, потертых и запачканных, поднялись с дивана.

— Как я рада вас видеть! — Мари подошла к ним и остановилась, не зная, обнять их, пожать им руки или просто улыбнуться.

— Привет, Мариэль, — ответил Стон. — Вот уж не думали, что еще увидимся с тобой.

— Разве я могла бросить вас в тюрьме?

— А Трейс не тюрьма?

— Только не говорите, что здесь хуже, чем под стражей Междумирья или в Опретауне, — проворчала она. — Да вы присаживайтесь.

Флиомы снова сели на диван, а Мари, дойдя до кресла, села на подлокотник и взяла Вейца за руку.

— У вас намечается какое-то торжество? — поинтересовался Блин, оглядывая украшенную цветами гостиную.

— Завтра моя свадьба. Наша свадьба, — уточнила Мари, улыбнувшись Вейцу.

Стон и Блин переглянулись. Этот взгляд Мари уже видела, когда расспрашивала их о Шеймасе.

— Я знаю, что он гибрид и служил миротворцем под прикрытием, — сказала она, догадавшись, о чем они думают. — Не надо красноречиво стрелять глазками. Значит, вы знали, за что был осужден Шеймас, но скрыли это от меня.

— Мы тебе жизнь спасли, — ответил Стон. — Что бы ты сделала, узнай правду там, в Опретауне?

— Наломала бы дров, — призналась Мари.

— Вот именно. Помнишь мои слова: «Мы сказали ровно столько, сколько нужно сейчас»?

— А еще ты сказал послушаться Нэима и отречься от памяти расы.

— Ну хватит! — вмешался Блин. — Не будем же мы вспоминать события двухмесячной давности!

— Трехмесячной, — поспорил Стон.

— Двух!

— Трех! Я считал!

Мари закатила глаза и покачала головой. В гостиную вошел Шеймас. Флиомы вмиг утихли и, повскакав с дивана, согнулись в почтительном поклоне.

— Господин! — в голос поприветствовали они Шеймаса.

— Кончайте представление, инкубаторские! — усмехнулся он. — Вы всегда меня терпеть не могли! — Он дошел до кресла и поцеловал Мари. — Привет, котенок! Эй, Вейц, — обратился он к другу, — я был в твоём пансионе. Уволил одну горничную, а другую временно поставил во главе техперсонала.

Вейц открыл было рот, чтобы возмутиться, но Мари перебила его:

— Правильно сделал!

Шеймас сел в соседнее кресло, и все трое замерли в ожидании слов флиомов, во все восемь глаз пялящихся на Мари и ее женихов.

— У вас что, отношения на троих? — глухо вымолвил Стон.

— Да. А вы спите вместе, — напомнила Мари.

Тот шлепнул губами и умолк. Они снова сели.

— Поздравляем, — улыбнулся Блин, не сводя заинтересованного взгляда с Шеймаса. — Не могу поверить, что снова встретил вас, господин. Столько лет прошло. Вы так возмужали.

— У меня уже есть невеста, зелененький, — ответил Шеймас. — Подкати к кому-нибудь другому.

— Перестаньте, — мягко ругнулась на них Мари. — Теперь мы в одной лодке. Когда вас телепортировали?

— Сегодня, — ответил Стон. — Нас сразу в Дом правосудия отвели, там сказали, что мы нужны палат. В сопровождении конвоя нас привезли сюда.

— И как вам Трейс?

— Ожидали худшего. Оказывается, здесь бурная аграрная промышленность. До нас доходили другие слухи о Трейсе. Но вы же не ради экскурсии вытащили нас из Междумирья? И не из-за свадьбы?

— Вы вешали мне лапшу на уши. Про то, что Нэим разжаловал вас из-за меня. Ничего не хотите рассказать?

— Вы уже сами все поняли, — произнес Стон. — Только теперь нас точно убьют.

— Не убьют. Вы можете остаться у нас или перебраться в резервацию вашей расы. И тут, и там безопасно, — уверила их Мари. — Так что выкладывайте.

Стон вздохнул.

— Когда мы получили высший допуск в разведывательном подразделении Опретауна, перед нами открылось много дверей. У нас появилась привилегия бывать в самых отдаленных мирах. В каждом из них есть наши информаторы. Пару лет назад по делу мы попали на Землю. Встретившись с тамошним информатором, мы выяснили, что Нэим как-то связан с землянами. Поначалу мы не придали этому значения. А потом по другому делу мы побывали в архиве Междумирья. Блин случайно наткнулся на личное дело господина Шеймаса, и мы узнали, за что он был осужден и сослан в Трейс. Начался складываться какой-то неясный пазл. Мы снова отправились на Землю и встретились с тем информатором. К тому времени он выяснил, что на Земле Нэим хранит что-то важное. И мы стали копать. Мы быстро поняли, что вляпались в опасную заварушку, поэтому стали копировать информацию для союзников, на случай, если нас убьют.

— На Земле Нэим прятал меня, — произнесла Мари.

— Не только, — добавил Стон. — Мы получили сообщение от информатора. Он узнал, что там Нэим хранит накопитель — единственное доказательство его причастности к уничтожению Палалии. Мы отправились на встречу, чтобы получить имя и адрес того, кто владеет этим накопителем. Но нарвались на аглов и, удирая от них, сбили тебя. А что было дальше ты знаешь. Встретиться с информатором нам так и не удалось, мы вернулись в Опретаун, и нас разжаловали.

— Вы хотите сказать, что накопитель находится в моем городе? — потрясенно пробормотала Мари.

— Находился. Сейчас мы в этом не уверены.

— Разве для Нэима не было рискованно прятать и меня, и накопитель в одном месте?

— Проще придумать сказку для Ордена про связь с одним миром, чем с несколькими. Нэим и так подзамарался, когда господин Шеймас обвинил его в преступлении.

— Накопитель до сих пор там, на Земле, — заговорил Вейц, приковав к себе все взгляды. — Иначе Нэим не держал бы вас под стражей. Что-то мешает ему забрать его. Возможно, за ним следят.

— Логично, — согласился Стон. — Если вам все еще нужен этот накопитель, мы дадим вам имя, местонахождение и кодовое слово для связи с информатором.

Мари встала и, подойдя к книжному шкафу, вытащила из его ящика ручку и листок. Положив их перед Стоном, она сказала:

— Пиши. Завтра у нас свадьба, а потом мы начнем думать, как попасть на Землю и встретиться с вашим информатором.

Стон начал записывать, а Вейц сказал:

— У нас есть свейх. Флиомы же одолжат нам необходимые для телепортации платы?

— У нас нет свейха, — признался Шеймас.

— Что?! Куда ты его дел?!

— Мне кое-что было нужно.

— Ты обменял его на какую-то безделушку?! Саймус, ты в своем уме?!

— Он обменял его на твой браслет, — Мари указала на руку Вейца, и тот ошеломленно замолчал. Стон подал листок Мари, и она бегло прочитала незнакомое имя некоего Егора Ирокеза, знакомый адрес ночного клуба «Гранд» и кодовую фразу. — Я знаю этот клуб! Мы с коллегами там часто бывали. «Трейсовские аглы»? — Она приподняла брови.

— Ну да. Ругательство — то, что надо для кодового слова.

Шеймас взял у нее бумагу и спросил:

— Ты знаешь этого человека?

— Имя незнакомое. Но если он завсегдатай клуба, то возможно, я знаю его в лицо.

— Даже если этот гибрид прав, — Стон кивнул на Вейца, — и Нэим не может забрать накопитель, времени у вас все равно мало. Его могут передать другому лицу или украсть аглы.

Постучавшись, в гостиную вошла Гилья с подносом в руках. Поставив обед на столик, она улыбнулась:

— Угощайтесь.

Увидев лазанью, Стон и Блин заулыбались.

— Не стесняйтесь, — улыбнулась им Мари. — Вы любите лазанью, а я вам должна.

— Да, она лучше тюремного пайка.

Флиомы принялись есть, причмокивая от удовольствия, а Мари

отозвала в сторону Шеймаса и Вейца.

— Сожги бумагу, — попросила она, и Шеймас чиркнул зажигалкой. — Имя я запомнила, а адрес знаю. Думаете, это правда? Не ловушка?

— Слишком много совпадений, — подтвердил Вейц, глядя на браслет.

— Тогда какой план? — спросил Шеймас.

— Сейчас я предлагаю отложить решение этого вопроса еще на один день, — сказала Мари. — Не хочу смешивать нашу свадьбу с Нэимом. А потом начнем искать путь на Землю. Поговорим с флиомами, подключим зроу. Кто знает, может, нам помогут даже из Междумирья.

— Согласен, — кивнул Вейц, не отрывая взгляда от браслета.

— Что ж, я тоже не жажду портить день свадьбы войной с Нэимом, — добавил Шеймас.

Мари облегченно выдохнула и, улыбнувшись, сказала:

— Идите. Вам надо поговорить. А я провожу парней, когда они пообедают, и отправлюсь на жуткие женские процедуры по красоте. Ведь завтра я должна блистать.

Шеймас обнял ее за талию и, притянув к себе, поцеловал.

— Я буду скучать, — прошептал он ей в губы и, отпустив, шагнул назад.

Мари обвила шею Вейца руками.

— Не переживай, милый, — произнесла она. — Твоя жизнь важнее какого-то свейха. Мы справимся. — Она поцеловала его и, отпустив своих женихов, вернулась к Стону и Блину.

Глава 33. Свадьба

Свадьба — волнительное событие в жизни каждой невесты. А уж когда женихов двое — волнительно вдвойне! Мари толком не спала ночь и нервничала с раннего утра. Сначала ей не понравился оттенок лака для ногтей, пришлось перекрашивать. Потом прическа показалась кривой, и Мари потребовала вызвать другого парикмахера. Она долго не могла определиться с духами, перенюхав не меньше десятка и запутавшись в запахах. Мари издергалась даже из-за своего загара, считая его неравномерным и споря со всеми женщинами, помогающими ей собираться.

В Трейсе не было норм и правил проведения брачных церемоний. Главное — зарегистрироваться формально и получить новые жетоны с исправленными данными. А все остальное — на усмотрение брачующихся. Мари решила, что церемонию проведет Гилья. Она это заслужила. Мари сама написала речь, но за утро несколько раз исправила ее. В последний момент она вычеркнула клятвы, которые изначально хотела зачитать женихам и услышать от них то же самое. Нет, все эти шаблоны — чепуха! Мари желала искренности. Она без клятв и обещаний верила своим мужчинам.

Замок сиял чистотой и новизной. Праздничная атмосфера царила даже во дворе и в саду. Запели откуда-то появившиеся птицы, зацвели первые цветы, зажурчали подключенные Шеймасом разбрызгиватели и фонтанчики. На заднем двореке дымилась грильница, где жарилась дичь, в бассейне хлюпались визжащие дети, туда-сюда бегали горничные.

К полудню в замок стали прибывать гости. За воротами выстраивались ряды разных машин. Гилья едва поспевала распоряжаться, куда отнести подарки. Коробками, свертками и пакетами была заставлена вся гостиная. Вот такая вышла тихая свадьба в кругу самых близких. Оказалось, что у Шеймаса и Вейца этих близких гораздо больше, чем они думали. Хотя надо учесть, что многие явились из чистого любопытства. Не пропустили торжество и зроу, а также приехало несколько представителей Советов из соседних областей.

Обеденными столами было заставлено два церемониальных зала и

малый зал для рабочих и прислуги, имеющей право на застолье. Также были накрыты столы во дворе и в саду. Куда бы ни отправился гость, он всюду мог угоститься из изобилия приготовленных блюд и напитков. А тронный зал был украшен непосредственно для торжественной части мероприятия. Цветочная арка у регистрационного стола, манеж для живого оркестра, скамейки со спинками для гостей, ковровая дорожка и множество свечей.

Конечно, некоторые гости секретничали и перемывали Мари кости. В этом она не сомневалась ни на секунду. Обязательно найдутся те, кто сочтет ее дамой легкого поведения, не обреченной моралью. Найдутся и те, кто обсудит ее женитьбу на гибриде. Да и о «подвигах» Шеймаса все были наслышаны. Бандит, хватающийся за оружие при каждом шорохе и не умеющий вести себя в обществе. Поводов для сплетен было предостаточно. Но меньше всего Мари зависела от чьего-то мнения. У каждого свой рай и ад, свои причины принимать сумасшедшие решения и свой путь, пройти который могут далеко не все. Мари преодолевала свой путь с теми, кто был ей дорог, кого она любила. А остальные — фон, который меняется быстрее, чем события в ее жизни.

— Женихи ждут, — сообщила вошедшая в комнату служанка. — Гости тоже.

Мари в последний раз взглянула на себя в зеркало и, вдохнув полной грудью, в сопровождении горничных отправилась в тронный зал. От дикого волнения она не чувствовала собственных ног, а перед глазами все плыло. Ладони нещадно потели, а сердце билось так, будто пыталось пробить грудную клетку.

Не все гости собрались на церемонии бракосочетания. Большинство гуляли по замку — парами или группками. При виде Мари они останавливались и с улыбками поздравляли ее, одаривали комплиментами и желали всего самого светлого. И Мари поймала себя на мысли, что здесь, в Трейсе, аглы искреннее опретов. Ей довелось побывать на балу в Опретауне — на празднике роскоши и яда, как смело назвал его Луиссар. От того дня у нее остались самые неприятные воспоминания, а в этот день все было иначе. Люди были добрее, наряды проще, улыбки чище. И это преступники!!! Вот и вся разница между высшим обществом и осужденными заключенными в сообществе развитых миров с высшими расами Вселенной.

— Мариэль! — разведя руки для объятий, встретил ее Тамани,

когда до зала осталось несколько шагов. — Какая честь! Не знал, что подарить вам, поэтому сегодня все вино и ром за мой счет!

— Благодарю, — улыбнулась Мари, отстраняясь от его навязанных объятий. — Простите, не хочу помять платье, — оправдала она свое нежелание обниматься с Тамани.

— Знаешь, голубушка, я навел справки о Хари.

«О каком еще Хари?» — насторожилась Мари.

— Нет такого. Никто о нем не слышал.

— Ах, Хари! — вспомнила она выдуманного ею скупщика. — Но вам удалось выгодно перепродать мои украшения?

Тамани хитро осклабился. Конечно удалось!

— Еще раз поздравляю! — быстро сменил он тему разговора.

Мари молча кивнула и двинулась к залу. Встав перед дверями, она дала себе минуту отдышаться и кивнула слугам. Они медленно отворили двери, и оркестр заиграл плавную мелодию. Под множеством взглядов представителей разных рас Мари поплыла навстречу своим женихам, ждущим ее у алтаря. Как же идеально на них сидели пошитые костюмы — бордовые с золотыми нитями! Как же соблазнительно белоснежные воротники рубашек подчеркивали их загорелую трейсовским солнцем кожу! Как же блистали их начищенные туфли! Оба высокие, подтянутые, сексуальные — и только ее. Вскоре выйдя из этого зала, Мари с уверенностью назовет их своими мужьями и отныне будет связана с ними навеки.

Шеймас. Он же Саймас. То, с какой страстью он смотрел на Мари, сводило ее с ума. Медленно ступая по ковровой дорожке и глядя на него, она с улыбкой вспоминала, как впервые узнала о нем. От Луисцара. Обезумевшая одержимостью запечатления, она возненавидела Шеймаса, считая, что он подонок, предавший любящего брата. Вспоминала, как впервые встретилась с ним. Он произвел эффектное впечатление первой марки. Уже тогда она решила, что будет держаться от него подальше. Ага, и самый лучший способ — выйти за него замуж. От этих мыслей Мари едва не рассмеялась. Может, и рассмеялась бы, если бы Шеймас не выглядел столь серьезным. Больше не в старых штанах и майке. Всегда топорщившиеся волосы были аккуратно уложены, но все равно остались приподнятыми. Мари надеялась, что его парикмахер остался жив. Глаза-изумруды Шеймаса искрились предвкушением, естественно, брачной ночи! Вряд ли он был

в восторге от формальностей и гостей. В отличие от Вейца.

Мари перевела взгляд на своего второго жениха. Не имея опыта с женщинами, он не побоялся флиртовать с ней уже при их первой встрече. Можно сказать, что он влюбился уже тогда. Сначала с восхищением разглядывал Мари, не веря, что перед ним хранительница памяти расы палал. Потом открыто заигрывал с ней, с надеждой уточняя, запечатлелась она с Шеймасом или нет. А позже все-таки осмелился пригласить ее на свидание. Робкий романтик, который, вероятно, согласился влезть в политику только, чтобы впечатлить ее. В итоге это привело к процветанию всей области. Мари снова чуть не рассмеялась.

Едва Мари дошла до них, как они протянули к ней свои руки. Она вложила в них свои тонкие, хрупкие пальчики и взошла вверх по ступенькам. Встав под аркой, Мари улыбнулась Гилье. Та утирала слезы счастья.

— Потрясающе выглядишь, — прошептал Вейц, склонившись к Мари.

— Без платья лучше, — добавил Шеймас.

Мари тихо хихикнула. Оркестр затих. Служащий регистрационного центра подал Гилье электронную пластину, и она, вздохнув, заговорила:

— Дорогие мои, как же я рада, что вы нашли друг друга! Пообещайте мне, что никогда, ни при каких обстоятельствах вы не усомнитесь и не отвернетесь друг от друга.

«Да уж, лучше бы ты читала по листочку!» — подумала Мари, понимая, что Гилью слышат все гости.

— Никогда! — первым отозвался Вейц. — Я клянусь любить Мариэль всю свою жизнь и даже дольше. Клянусь быть верным другом Саймусу. Клянусь делать все во благо нашей семьи.

«Вау!» — мысленно выдохнула Мари. В отличие от Луисцара, который, заискивая перед Советом, когда-то сразил ее своим признанием в любви, Вейц говорил то, что шло от сердца.

— Обещаю быть защитником Мариэль, — заговорил Шеймас. — Защитником нашей семьи. Преданным мужем, заботливым отцом, не самым примерным старшим братом.

На глаза Мари едва не накатились слезы. Шеймас и Вейц были не двумя мужчинами, а одним, словно дополняя друг друга. Этой церемонией они не только брали ее в свои жены, но и формально

закрепляли свои братские узы.

Забыв все клятвы, которые она репетировала, Мари сказала первое, что пришло в голову:

— Клянусь проследить за тем, чтобы они сдержали свои обещания.

Весь зал разразился смехом. Со слезами на глазах расхохоталась и Гилья. Не выдержал даже служащий регистрационного центра, едва не выронив шкатулку с кольцами.

— Будьте счастливы, родные мои! — Гилья взяла шкатулку и протянула ее Шеймасу — по старшинству.

До церемонии Мари видела только макет колец. И только сейчас увидела, что их четыре. Два больших — мужских, и два тонких — женских. Все инструктированы сверкающими белыми камнями и алмазной огранкой.

Шеймас аккуратно взял одно колечко и, глядя Мари в глаза, медленно надел его на ее палец.

— Люблю тебя, — прошептал он.

Мари взволнованно улыбнулась, тоже взяла кольцо и надела его на палец Шеймаса. Она поражалась его хладнокровию. Даже на собственной свадьбе он был совершенно спокоен. Не дрожал, и ладони ни капли не вспотели. Вот это закалка духа!

— И я люблю тебя, — произнесла Мари и неспешно повернулась к Вейцу.

Он взял второе тонкое кольцо и еще медленней Шеймаса надел его на тот же палец Мари. Едва два колечка соприкоснулись, как у всех на глазах, соединились в единое целое.

— Ух ты! — не сдержалась Мари и взглядом отыскала Тамани в толпе гостей. Он в знак безгласного тоста поднял бокал с вином, и Мари благодарно ему кивнула. Такое украшение, явно сделанное в чудо-лаборатории Междумирья, не так-то просто достать!

Мари взяла последнее кольцо и надела его на палец Вейца. Потом подняла на него затуманенный взгляд и заметила на его лице тень вполне объяснимой печали. Он, как и она, не верил в реальность происходящего.

— Я люблю тебя, Вейц, — сказала она, погладив его по щеке.

— И я люблю тебя, Мариэль, — ответил он, улыбнувшись.

Поцеловав ее руку, он отпустил ее, и они снова повернулись к Гилье. Та положила на стол перед ними электронную пластину с тремя

выведенными красными кругами. Мари и Шеймас приложили к двум кругам ладони с генным знаком, а Вейц подушечку большого пальца. Сканирование заняло от силы пару секунд, после чего служащий центра выдал им новые жетоны и убрал старые.

Мари с трепетом посмотрела на обновленные данные. Теперь она замужем. В жетоне не значилась дата регистрации, вместо нее под именами ее мужей имелась графа «Репродуктивная совместимость». Восемьдесят шесть процентов с Шеймасом и... девяносто девять с Вейцом! Мари взглянула на Вейца и смущенно улыбнулась. Похоже, в своем жетоне он прочитал то же самое. Печаль с его лица как рукой сняло.

— Объявляю вас семьей! — торжественно заявила Гилья, и зал загудел рукоплесканием.

Оркестр вновь затянул романтическую мелодию, а Шеймас, притянув Мари к себе, горячо поцеловал ее.

— Восемьдесят шесть процентов тоже неплохо, — прошептал он, улыбаясь.

— Бросишь курить — все может измениться, — лукаво ответила Мари и словно по течению переплыла в объятия Вейца.

— Значит, мне суждено стать отцом, — улыбнулся он.

— Значит, суждено, — Мари нежно поцеловала его и добавила: — Это будет усовершенствованная и самая неуязвимая раса во Вселенной.

Из зала они выходили под бурные аплодисменты и море крикливых поздравлений, которые продолжились в коридоре и холле. Кое-как протиснувшись в обеденный зал, они заняли свои места за столом, но успели лишь немного выпить игристого вина, как к ним подошли флиомы — Злако, Стон и Блин.

— Примите наши поздравления! — обратился к молодоженам Злако. — И подарок. — Он положил перед ними небольшой футляр.

— Подарки передаются прислуге, — ответил Шеймас, а Мари поторопилась замасть конфуз его грубости:

— Большое спасибо! Нам очень приятно!

— Не откроете? — спросил флиом.

Мари заметила, как Стон и Блин подмигивают ей. Осторожно взяв футляр, она приподняла крышечку и увидела пластиковый круг с выгравированными насечками.

— Что это? — недоуменно спросила она.

— Ключ от свейха! — оцепенев от удивления, пояснил Вейц.

Все трое резко встали. Шеймас выхватил ключ и, нахмурившись, посмотрел на флиомов, будто ожидая подвоха.

— Мы довели ваш свейх до совершенства. Установили в нем недостающие платы и провели два успешных испытания. Можете не о чем не волноваться. Эта ласточка доставит вас в любой уголок Вселенной.

Мари лишилась дара речи. Кое-как собравшись с мыслями, она сказала:

— Не знаю, как благодарить вас. Это самый важный подарок для нас.

— Благодарите Стона и Блина. Они рассказали, что это вы поспособствовали их освобождению.

— Спасибо, парни, — положив руку на грудь, произнесла Мари, смотря на флиомов.

— Да не за что! — улыбнулся Блин. — Отправляйтесь в свадебное путешествие, куда душа пожелает!

— Только будьте осторожны, — уточнил Стон. — За аглами охота.

— Мы вас не подведем! — ответил Вейц и протянул руку для пожатия.

Все трое флиомов ответили на его рукопожатие.

— Ваш стол там, — Мари указала вправо. — Там лазанья.

— Счастливой вам семейной жизни! — пожелал им Злако и повел Стона и Блина к столу.

Мари переглянулась сначала с Вейцом, потом с Шеймасом и спросила:

— И что теперь?

— Да ну его, этот праздник! — ответил Шеймас. — Может, рванем на Землю? Помнится, ты как-то заикалась про тамошние зоопарки. Лично мне очень любопытно, что это и как отрываются земляне. Ведь место не имеет значения.

— Важно, кто рядом, — договорила Мари. — Вейц?

— Я «за»!

— Тогда сбежим, — заговорщицки понизила голос Мари и, приподняв юбки платья, изящно двинулась к выходу, протискиваясь сквозь непрерывный поток гостей.

С трудом отбившись ото всех, Мари вышла из замка. Шеймас и

Вейц, подхватив ее под обе руки, повели ее к воротам. Сверкающий свейх стоял прямо за ними.

Шеймас сел за панель управления, а Вейц помог Мари занять заднее сиденье — ее пышное платье мешало бы пилотированию, — а сам сел рядом с Шеймасом.

— Давай, умная голова, вводи координаты! — сказал ему друг, активируя панель управления с помощью электронного ключа.

Вейц отыскал в ящике под панелью каталог и, полистав его, ткнул пальцем в нужную строчку:

— Вот. Координаты землян.

Шеймас ввел нужные цифры, и на экране появился запрос точного места прибытия.

— Дай-ка я! — Мари пролезла между креслами и ввела свой старый адрес, надеясь, что банк еще не лишил ее квартиры. — Шеймас, сможешь приземлиться на крыше дома?

— Смогу даже в подвале, — подмигнул он и поцеловал Мари. — Готовы? Уважаемые пассажиры, подтяните подтяжки брюк и бретельки лифчиков, вы воспользовались телепортационным рейсом Полукровки! Понимаем, что выбора у вас не было, и все же благодарим...

— Шеймас! — засмеялась Мари, вернувшись на сиденье. — Заводи уже!

Он активировал систему защиты и объявил:

— Мы отправляемся в свадебное путешествие!

Глава 34. Свадебное путешествие

Физически перемещение из Трейса на Землю никак не ощущалось. После подъема и разгона до нужной скорости свейх обьяло перламутровым облаком, и как только оно рассеялось, Мари увидела крыши бетонных многоэтажек своего города, тонущего в вечерних сумерках.

— Режим безопасности включен? Нас не видно? — забеспокоился Вейц, глядя на перекресток, гудящий автомобилями.

Шеймас посмотрел на панель приборов.

— Да.

Свейх медленно парил над городом, который еще недавно Мари считала не только своим настоящим, но и будущим. Двадцатипятиэтажная «свечка» медленно приближалась, а Мари уже вглядывалась в окна своей квартиры и размышляла, попадет она в нее или нет. В утерянной сумке вместе с документами и мобильником была не единственная связка ключей. Еще одну — запасную — Мари держала в электроцитке.

Шеймас приземлил свейх на крыше дома, как и договаривались, и повернулся к Мари:

— Что дальше?

— Идемте, — улыбнулась она.

Крыша свейха поднялась, стенки опустились. Шеймас и Вейц спрыгнули и помогли спуститься Мари. Она потянула их к запертой двери. К счастью, кодовый замок на ней еще не установили, а навесной сняли после того, как подростки дважды его сорвали. А с временным внутренним Мари могла справиться двумя шпильками, извлеченными из своей прически. Этому она еще в детском доме научилась. После соответствующего щелчка, она победно выдохнула и посмотрела на своих мужей. Шеймас молча наблюдал за ее действиями, а Вейц стоял на краю крыши и смотрел на город.

— Вейц, — окликнула его Мари. — Тебя ждем.

Он обернулся и вернулся к Мари и Шеймасу. Втроем они спустились на этаж, где Мари вызвала лифт. Никто из соседей не встретился им ни здесь, ни у квартиры Мари на седьмом этаже. Она

достала связку ключей из незапертого электрощитка и открыла дверь. Замки не поменяли, квартиру не опечатали, значит, ни банку, ни полиции не было дела до пропажи Мари.

— Входите, — пригласила она мужей вслед за собой.

Щелкнув выключателем, Мари зажгла свет в прихожей и полной грудью вдохнула родной запах. За эти месяцы здесь никого не было. Хорошо, что Мари не держала кота или рыбок. Сдохли бы от голода.

Ладонью проведя по зеркальной дверце шкафа-купе, Мари двинулась вглубь квартиры. На ходу сняв туфли, она прошла в просторную кухню. Возле мойки по-прежнему лежали две перевернутые чашки, которые Мари помыла перед уходом из дома. Она помнила, как в одной из них был соус, а в другой мясной фарш для лазаньи. Если бы тогда она поленилась их ополоснуть, то сейчас тут была бы плесень и вонь.

Мари взяла пульт и включила кондиционер, потом прошла в гостиную, которую разглядывали Шеймас и Вейц. Они молчали: давали Мари время на ностальгию.

На стенке-горке и кожаных диванах виднелся слой пыли. Удивительно, что даже с закрытыми окнами она беретса словно из ниоткуда. Мари никогда не запускала квартиру, она любила ее и регулярно убиралась.

В других комнатах все тоже будто замерло в ожидании скорой «смерти» и медленно покрывалось пылью.

Отодвинув дверцу платяного шкафа, Мари присела перед низким сейфом. Набрав на нем нужный код, она открыла его и вытащила небольшую пачку наличных сбережений. Карта осталась в сумке, но даже если бы она была у Мари, счет наверняка уже опустел. Списание оплаты по ипотеке и коммунальных услуг происходит автоматически. Мари с грустью посмотрела на копии рабочих документов, флешки, диски и даже дискеты, которые хранила в сейфе, будучи единственным доверенным лицом своего шефа, и подумала, что надо бы как-то передать их ему перед отъездом.

— Что ты делаешь? — спросил вошедший в спальню Вейц.

— Нам понадобятся деньги. — Мари захлопнула сейф, встала и протянула пачку мужу. — Посоветуешь, во что мне переодеться? На мне близко не клубное платье, да и оно может обернуться проблемой, если нам придется убегать от аглов.

В комнату вошел Шеймас. Пройдя к шкафу, он быстро перебрал планки с блузками, юбками и прочими нарядами Мари и вытянул короткое черное платье без бретелек.

— Ну нет, — засмеялась она. — Всегда считала его проститутским.

— А нам сегодня леди и не нужна, — улыбнулся Шеймас, вплотную шагнул к Мари и прижав платье к ней.

Устоять перед просьбой мужа Мари не могла. Тем более в клуб она отправится не одна. Если к ней кто-то пристанет, Шеймас и Вейц быстро приструнят того самоубийцу. Получив согласную улыбку Вейца, она взяла платье и направилась в ванную. Не то чтобы она стеснялась своих мужей, с которыми давно случилось самое интимное. Просто этот день, день свадьбы, был особенным. И Мари трепетала от каждого нового шага.

Задержавшись в гостиной, она взяла трубку стационарного телефона и, набрав номер службы доставки, заказала кое-какие продукты. Она не знала, как долго они пробудут на Земле, но лучше запастись самым необходимым.

Переодевшись и распустив волосы, Мари заострила внимание на пустой ванне-джакузи. От развратных мыслей у нее запылали щеки.

«Нет! Я еще не настолько пьяная!»

Вернувшись в гостиную, она посмотрела на часы. Было девять вечера. Клуб открывался в десять. В запасе был час. Мари включила телевизор, нашла музыкальный канал — потому что показывать мужьям фильмы и шоу, где все говорят на незнакомом им языке, смешно. А музыка на любом языке — музыка. Достав из кладовой метелку для сбора пыли, она быстро пробежалась по квартире, чувствуя на себе пристальные взгляды Шеймаса и Вейца, но не зная, как еще побороть волнение. Потом освободила холодильник от просроченных продуктов и принесла в гостиную три хрустальных бокала на тонких ножках. Выбрав в своем мини-баре самое вкусное вино, Мари протянула его и штопор Шеймасу. Он молча откупорил бутылку и наполнил бокалы.

— За нас? — спросил он.

— За нашу миссию, — ответила Мари. — За нас выпьем, когда накопитель будет у нас на руках.

Они стукнулись и сделали по глотку. После фирменных вин Тамани, это показалось какой-то кислятиной.

Раздавшийся звонок курьера ознаменовался пополнением

холодильника свежими продуктами. Не проверяя содержимое пакетов, Мари заплатила курьеру чуть больше положенного и поспешила распрощаться с ним. Вейц помог ей разобрать покупки.

— У тебя уютная квартира, — сказал он, тем самым приободрив ее. — Здесь хорошо.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Я работала как проклятая, чтобы иметь все блага этой цивилизации. Года через три планировала взять хорошую тачку.

— Ты много зарабатывала? — поинтересовался он, сняв пиджак и подвернув рукава рубашки. Открыв воду, Вейц принялся мыть фрукты.

— Да, — ответила Мари, с интересом наблюдая за ним. Из кабинета донесся сигнал включившегося компьютера. Шеймас не терял время даром. — У меня была хорошая зарплата, — призналась Мари. — Плюс премиальные в полтора оклада, ежемесячные командировочные выплаты и немалый процент от каждой успешной сделки. Еще я работала над привлечением клиентов, и это тоже накидывало десятку сверху.

— Вот откуда у тебя опыт делового общения.

— Я пропиталась работой, — Мари сделала еще глоток вина и, сев на угол стола, скрестила ноги. Платье едва прикрывало попу, так что бедра были обнажены. И сидя в таком положении Мари вдруг осознала, как сильно загорела в Трейсе и действительно стала пышнее и сексуальнее.

Вейц умело покромсал апельсин на дольки и, приблизившись к Мари, подал одну ей. Она не стала брать ее пальцами, а приоткрыла рот и позволила мужу накормить ее.

Из кабинета послышалась загружаемая на компьютере игра. Мари засмеялась.

— Иногда ко мне приходили подруги, — сказала она. — У некоторых уже семьи, дети. И одна из них всегда брала с собой девятилетнего сына. Не с кем было оставить. Чтобы чем-то занять его, я купила ему диски с играми. Кажется, онигодились не только ему.

Вейц улыбнулся и повернулся к плите. Он неплохо ориентировался на кухне, быстро находил нужное, и вскоре в сковороде заурчал омлет с сыром и зеленью. Мари нравилось наблюдать за ним, но она все же опомнилась, что надо бы помочь. Вместе они накрыли на стол, и Вейц окликнул Шеймаса.

— Саймус, идем ужинать!

— Вы приготовили ужин?! — крикнул он через всю квартиру, и в динамиках раздался имитированный игрой выстрел.

— Ну ты же не умеешь готовить ничего, кроме бычьих членов. И те у тебя оставляют желать лучшего. Так что мы взяли эту миссию на себя. Идем!

— Да, мамочка! — отозвался он, но присоединился к столу только минут через десять. Уж больно хотелось ему отыграть уровень. — А это что? — спросил Шеймас, указав на неразобранный пакет.

— Кока-кола, сникерсы, попкорн, — пояснила Мари, накладывая ему салат, — отравы, вызывающая сердечные заболевания, гастрит, рак желудка, хроническую аллергию, смерть.

— А у тебя нет более гуманного способа избавиться от нас? — усмехнулся он и сел.

Мари хихикнула. Они поужинали в самой милой и непринужденной обстановке, попивая вино и слушая рассказы Мари о ее прошлом. А когда стрелки часов показали половину одиннадцатого, она вызвала такси. В ожидании машины Вейц успел убрать со стола и приунуть.

— Что с тобой, милый? — спросила Мари, взяв его за руку.

— Я не могу пойти с вами. У землян нет таких ушей.

Мари улыбнулась и поцеловала его в щеку.

— Глупенький. Мы поедем в ночной клуб. Там все либо пьяные, либо под кайфом, либо им на всех плевать. Знал бы ты, какие тут делают пластические операции. Поверь, никому не будет дела до твоих ушей. Впрочем, как и до наших волос. Они мерцают и меняют цвет в зависимости от нашего эмоционального фона. Так что невообразимым чудом на Земле как раз-таки являемся мы с Шеймасом. Мы поедем только вместе!

Вейц заметно воодушевился.

— Обязательно надевать пиджак? — поинтересовался он.

— Нет, — пожал плечами Мари. — Такое тело нельзя прятать под плотной тканью.

Вытащив из обувного ящика коробку, Мари вскрыла ее и улыбнулась своим туфлям с ремешками и на длинной шпильке. Бегать в них, конечно, неудобно, но Мари очень захотелось пойти именно в них. А на случай бегства всегда можно разуться и рвануть босиком.

Обувшись, она выпрямилась и, откинув волосы назад, обернулась. Замершие Шеймас и Вейц не сводили с нее хищных взглядов, и до Мари дошло, в какой непристойной позе она только что перед ними стояла. Растерянно побродив по их лицам, она улыбнулась и беззаботно сказала:

— Пора! Сейчас я покажу вам, как разряжаются земляне.

Шеймас и Вейц не набросились на нее. Вряд ли они волновались так же, как Мари, скорее всего понимали ее обоснованное волнение. Ей требовалось время и чуть больше выпивки. К тому же они не забывали о накопителе. В любой момент им мог завладеть Нэим.

Мари заперла квартиру, спрятала ключи в электрощитке и вывела мужей на улицу. Таксист — не первой свежести кавказец, знающий русский язык ненамного больше Шеймаса и Вейца, — лениво зевнул, даже не глядя на усевшихся сзади пассажиров, и поехал в пункт назначения. Из динамиков его магнитолы доносилась заунывная музыка, вызвавшая недоумение в лице Шеймаса. Вейцу она была безразлична, он смотрел в окно, и в его небесно-голубых глазах отражались огни разноцветных светодиодных вывесок.

На полпути до клуба на колено Мари легла тяжелая ладонь Шеймаса. Обжигаящим, плавным движением он скользнул вниз и легко забрался под ее платье. Она резко остановила его руку и шепотом попросила:

— Перестань.

Шеймас схватил ее за пальцы и силой положил их на свой пах, где брюки едва не рвались от натяжения.

— Ничего, потерпишь, — игриво улыбнулась Мари, нарочно проведя ладонью вдоль напрягшегося члена.

Он протяжно вздохнул и, стиснув зубы, отвернулся к окну.

Машина притормозила на парковке. Мари заплатила таксисту, поблагодарила его и представила своим мужьям трехуровневое здание: ночной клуб «Гранд». Возле него толпились те, кто не мог позволить себе престижный отдых, но надеялся на удачу.

— Как вам? — поинтересовалась Мари.

Вейц неоднозначно повел плечами. Он уже делал так, когда Мари просила его проводить ее к Нэиму. Не хотел обижать правдой.

— Просто фантастика, — сухо сказал Шеймас, разозлившись из-за дискомфорта в штанах.

— Я знаю, что ночные клубы есть в развитых мирах, — ответила Мари, но не стала упоминать, что посещала один из них, когда путешествовала с Луисцаром по Опретауну.

Конечно, в том клубе все было иначе. Туда люди приходили пообщаться, потанцевать и отдохнуть. В «Гранде» это лишь прелюдия к сексу, которого здесь хотят все — от крутых бизнес-боссов до невзрачных домохозяек. И алкоголь, как Мари уже успела сравнить, на Земле оставлял желать лучшего, каким бы фирменным он ни был. Даже едкий дым сигарет отличался. От того, которым коптил Шеймас, не слезились глаза.

Взяв Шеймаса и Вейца за руки, Мари повела их за собой. На смене были ее знакомые охранники. Они пропустили ее без требования карты гостя, которую Мари так же потеряла вместе с сумкой.

Заведение было переполнено. За длинной барной стойкой бармены едва успевали обслуживать гостей. Официантки в коротких юбках виртуозно дефилировали между танцующими. Судя по внешнему виду отдыхающих, Мари понимала, что они завернули сюда после утомительного трудового дня. Сгрудившиеся кучкой мужчины в пиджаках с жуткими карманами — риелторы. Громко смеющиеся девицы в нелепых платьях — очевидный закрытый клуб молодых мамочек. За вип-столиками — итальянские пиджаки, ослабленные галстуки, поблескивающие «Ролексы», сигары, виски. На танцполе — оригинальные дизайнерские юбки, лабутены и мартини. Здесь ничего не изменилось, только музыка казалась громче. У Мари аж уши заложило. Перекрикивая шум, она позвала мужей к бару.

Шеймас с легкостью отпихнул в сторону спящего лицом в пепельнице клиента, и Мари протиснулась к стойке. Обративший на нее внимание бармен спросил, что ей налить, но Мари сразу перешла к делу.

— Мне нужен Егор Ирокез!

Почему у информатора флиомов такой странный позывной, ей было неинтересно.

Бармен окинул ее взглядом, заметил возвышающихся у нее за спиной мужчин и улыбнулся:

— Он еще не приехал!

Мари пальцем поманила Вейца и попросила деньги. Он вынул из кармана пачку, и Мари осторожно вытянула из нее одну купюру. По

столу подвинув ее к бармену, она подмигнула ему:

— Дай знать, когда он появится! Мы зайдем столик на балконе. Организуй нам приятный вечер.

— Само собой, — ответил он и окликнул официантку.

— Что он сказал? — спросил Вейц, когда Мари повела их с Шеймасом к лестнице.

— Информатора еще нет, так что будем ждать.

Поднимаясь по ступенькам, она кожей чувствовала, как мужья пялятся на ее виляющую попу, но в атмосфере клубного опиума ей даже хотелось выглядеть желанной до умопомрачения.

— Тот, — она указала на столик с полукруглым кожаным диванчиком у самых перил.

Шеймас медленно, но крепко обнял ее одной рукой за талию и притянул к себе.

— Трахнуть бы тебя, — процедил он и дразняще лизнул ее губы.

— Хорошо, — улыбнулась она и принялась задирать платье.

— Ты что творишь? — возмутился Шеймас, отпустив ее и одернув ее платье.

— Выбирая между залом и туалетом, я предпочту зал. Раз уж тебе невтерпеж.

Послышался издевательский смешок Вейца. Он похлопал Шеймаса по плечу и, сев на диван, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

На балконе было занято еще несколько столиков. Как и предупреждала Мари, никто из отдыхающих не обращал на них никакого внимания. В клубах ищут одиночек — женщин, мужчин — неважно. А компания из двух мужчин и одной женщины уже выглядела состоявшейся и в дополнении не нуждалась.

Официантка не задерживалась. Принесла лимон, оливки и шоколад, она поинтересовалась, что гости будут пить. Мари сделала заказ за себя и своих мужей. Все равно они не знали местных напитков, впрочем, как и языка. Мари заказала себе и Вейцу шампанское, Шеймасу — коньяк и сигары, и самые лучшие коктейли на всех.

— Машка! — к столику подлетела блондинка в ярко-желтом платье и обнажила свои белоснежные зубы за темно-красными губами. — Вот так сюрприз!

Мари не шевельнулась. Она предполагала, что может напороться на знакомых, вот только не настолько близких. Надо же было встретиться с

той самой подругой, которой она пообещала сходить на девичник ее приятельницы!

— Ты куда пропала?! — развела та руками и едва не выронила клатч. — Мы с девочками сидим там, внизу. Увидели тебя и поспорили. Думала, перекрасишься — и мы тебя не узнаем? — Она погрозила пальцем.

— Что это за человекоподобное существо? — спросил Шеймас, склонившись к Мари.

Она улыбнулась, и ее подруга решила, что улыбка предназначалась ей.

— Я спрашивала о тебе у твоих коллег. Мне сказали, ты уехала за бугор. Почему не предупредила?

— Да не знаю, — вымолвила Мари. — Все как-то внезапно случилось.

— Что ей надо? — спросил Вейц.

— Подруга. Говорит, будто официально я считалась уехавшей за границу.

— За какую границу?

— В другую страну. Здесь страны типа областей Трейса.

— И кто так умело уладил твое исчезновение? — риторически произнес Вейц. — Нэим? Зачем?

— О, вы говорите на иностранщине! — взвизгнула блондинка. — Значит, это правда?! Это твои друзья?! Машка, ты должна все мне рассказать! Можно к вам присоединиться?

Она шагнула к Шеймасу, но он и пальцем не пошевелил. Тогда блондинка обошла стол и улыбнулась Вейцу. Тот нехотя уступил ей место, а сам, встав у перил, взгляделся в танцпол.

— Ты что, замуж вышла?! — подруга схватила Мари за руку и уставилась на кольцо. — Блин, Машка! — Она посмотрела на Шеймаса, закинувшего руку за спину Мари. — Вы даже волосы одинаково выкрасили. Вот это любовь. — Казалось, что подруга вот-вот заплачет от напускной сентиментальности. — Поздравляю! Хоть ты и стерва! Могла бы меня предупредить!

Официантка принесла напитки, и присоединившаяся к Мари приятельница уверенно отхлебнула коктейля.

— Кстати, Витька Дрозд тоже здесь, с нами. Узнает о тебе, офигеет. Вообще прекрасно! Именно в этот вечер, в этот час в клубе

оказался еще и бывший ухажер Мари, с которым у нее не дошло даже до поцелуя в щечку. Мало того, что он навязчивый зануда, не дававший ей прохода, так еще и отпустивший к своим тридцати двум годам пивное пузо и редкую рыжую бородку, что делало его похожим на дровосека-пропойцу. Жил с мамой, работал на фастфуде, плакал на «Титанике», вышивал крестиком. Окончательно и бесповоротно Мари послала его за месяц до своего исчезновения. До этого она щадила его чувства. Но когда он подарил ей две красные гвоздики, почему-то сочтя это романтичным, ведь в стихах его собственного сочинения упоминалось именно две гвоздики (символизируя пару влюбленных сердец), Мари рассвирепела так, что высказала ему все и даже больше.

— Ты что, как неживая?! — Подруга толкнула ее локтем. — Рассказывай! Куда уехала? Как мужа зовут? Кто он? Выглядит замурчательно... — Оглядев Шеймаса, она прикусила губу. — А это его дружок? Свободен? — Она повела бровями, указывая на Вейца.

Мари настолько отвыкла от сплетен и подруг, живущих этими сплетнями и однодневными отношениями, что решила спровадить ее. Все равно они больше никогда не увидятся. Да и дружеского в их общении было не так уж много — зависть, хвастовство, злорадство. Симпатия пробуждалась только под выпивку и танцы.

— Это Шеймас, а это Вейц! — представила их Мари. — Они мои мужья!

Подруга хохотнула и сделала еще глоток. Заметив твердую непоколебимость в лице Мари, она стерла улыбку и покосилась на кольца.

— Да ладно?! Машка, не шути так. У меня аж дух перехватило.

Шеймас наполнил бокалы шампанским и коньяком. Вейц присоединился к столу.

— Почему она не уходит? — спросил он, взглянув на замершую блондинку.

— Пытается поверить в услышанное, — улыбнулась Мари, беря шампанское. — Я сказала, что вы мои мужья.

Они стукнулись бокалами и выпили. Шеймас раскурил сигару.

— Боюсь представить, в какую страну ты свалила, — наконец промолвила подруга. — Вы живете втроем? И спите? — последний вопрос она глухо прошептала, прильнув к Мари. — Парни, конечно, загляденье. Но двое! Машка, ты всегда добивалась больше остальных!

Мари осушила бокал и взяла коктейль. Слова подружки она приняла за лицемерный комплимент. Не успела Мари разделаться с коктейлем, как ди-джей завел уникальный танцевальный трек «Гранда».

— О, это же наша любимая! — завизжала блондинка и, подскочив, взяла Мари за руку. — Идем потанцуем! Мы просто обязаны зажечь! Это судьба!

— Трейсовские аглы, — выругался Шеймас, — что ей надо? Описалась от радости?

— Она просто зовет меня потанцевать, — улыбнулась Мари.

Смешанные напитки слегка ударили ей в голову. Тело расслабилось, перед глазами помутнело, в животе запорхали бабочки. Поцеловав Шеймаса, Мари встала и поплыла за подругой. Проходя мимо Вейца, она поцеловала и его. Рукой проведя по его груди, она двинулась вниз по лестнице. Пританцовывая, Мари спустилась в зал и вместе с подругой влилась в танцующую толпу. Чувствуя на себе взгляды Шеймаса и Вейца, она полностью растворилась во власти музыки, маня их своими гибкими движениями, струящимися по оголенным плечам волосами, покусываемыми губами, легким взмахом ресниц.

Танцуя, Мари не заметила, как ее подруга успела отлучиться и сообщить новость тем, с кем пришла, в том числе названному Витьке Дрозду. Он возник перед Мари меньше, чем через минуту.

— Машка!

Она подняла лицо и даже в пьяном помутнении увидела, насколько отвратителен этот парень. Каблуки делали Мари выше него, отчего Витька напоминал пузатого коротышку с пухлыми щечками.

— Ты же говорила, что не собираешься замуж! — Он возмущался так, будто она бросила его беременным. — Как ты могла? Выходит, ты смеялась надо мной!

— У тебя что, свет клином на мне сошелся? — Мари скрестила руки на груди. — Найди себе кого-нибудь!

— Да. Я найду! — ответил он с уверенностью Джеймса Бонда. — Не такую шлюху, как ты!

Дрозд развернулся, чтобы уйти, но столкнулся с появившимся Шеймасом.

— Что он сказал? — рыком спросил тот, сверля Витьку прожигающим взглядом.

Мари хорошо помнила, как однажды Шеймас поколотил тех двоих, что оскорбили ее, и не решалась ответить. Ее медлительность оказалась красноречивее слов. Шеймас сжал кулак и замахнулся. Дрозд вдруг уменьшился в росте. Мари знала, какой он трус. Шеймас тоже это заметил, поэтому расправил кулак и завалил Дрозда пощечиной. Тот захныкал, как девочка, а все вокруг засмеялись. Мари обратила внимание на подругу в желтом. Та стояла в стороне в окружении своих приятельниц и была краснее двух памятных гвоздик. От зависти хотела подставить Мари, да ничего не вышло.

Мари шагнула к Шеймасу и продолжила танцевать перед ним, не обращая внимания, как из клуба уносит ноги обиженный Витька Дрозд. Ощувив на талии ладони приблизившегося со спины Вейца, она почувствовала себя еще уверенней и стала буквально извиваться между мужьями. Запрокидывая руки то за голову Шеймаса, то за шею Вейца, она вовлекала их в танец, заставляла их сердца неистово биться, а тела пылать. Их заводило то, как она играла прикосновениями, прерывистым дыханием и легкими поцелуями. Вейц нежно покусывал мочку ее уха, а Шеймас губами скользил по ее шее. Их руки беспрерывно блуждали по изгибам ее тела, и Мари стала жаждать брачной ночи не меньше Шеймаса.

Натанцевавшись так, что от переутомления загудели ноги, Мари кое-как перевела дыхание и позвала мужей обратно на балкон. Проходя мимо столика, где сидели заклятые подруги с лицами краше злой королевы из детской страшилки про Белоснежку, она молча улыбнулась уголком губ, победно смакуя свой шах и мат.

Вбежав вверх по ступенькам, Мари сразу видела сидящего на их диване лысого парня с татуировкой на черепе. Весь в пафосно-черном и дурацкими дешевыми перстнями на пальцах.

— Мне сказали, вы меня ищите. Я Егор Ирокез. А вы?

— Трейсовские аглы, — ответила Мари, немного протрезвев и изумившись тому, как это прозвучало: одновременно их настоящее гражданство, ругательство вселенского масштаба и кодовая фраза. — Нам известно, что у вас есть для нас информация на Нэима.

— Что это за шут? — спросил Шеймас.

— Наш информатор.

Шеймас снова сжал кулак, но Мари схватила его за запястье и остановила. Убедившись, что он спокоен, она села на диван.

— Вас интересуют накопители? — Егор дотянулся до бутылки, налил себе коньяка и выпил.

— Он не один? — уточнила Мари.

— Компромат на все грязные делишки Нэима. Их последний хранитель недавно скопытился. Аглы обыскали его дом, рабочий кабинет, весь офис. Заглянули даже к ближайшим родственникам. Накопителей нигде нет.

— Так вот почему Нэим не может их достать. Он не может их найти.

— Что вы обсуждаете?! — начал терять терпение Шеймас.

— Тссс... погоди! — отмахнулась Мари и опять посмотрела на информатора. — Кто он?

— Имя — Жданов Георгий Валентинович.

— Как, простите? — Мари совсем протрезвела.

— Ты глухая, что ли? Этот старикан слег с сердцем в начале лета, а недавно преставился. И вот что я скажу тебе, писечка... Накопители у человека, которому он больше всего доверял. А судя по моим данным, доверял он только своей секретарше. Как бы смешно это ни звучало, она исчезла незадолго до его зажмуривания. Яйцами чую, все это связано.

Переварив услышанное, Мари предельно деликатно спросила:

— Что-то еще?

— Нет. Бóльшим помочь не могу. Стону и Блинку салют! — Егор встал и, закинув в рот оливку, неспешным шагом направился к лестнице.

Шеймас и Вейц подсели к Мари.

— Ну?! — Шеймас положил ладонь на ее колено.

Она вперила отрешенный взгляд в бокалы на столе и произнесла:

— Накопители хранил мой бывший босс. Недавно он умер, и этот тип утверждает, что он успел передать накопители своей секретарше.

— И где она? — спросил Вейц.

— Его секретарем была я...

Глава 35. Медовый месяц

Вызов такси, приезд домой, обыск квартиры мужьями — абсолютно все казалось чем-то нереальным. Шеймас и Вейц не давили на Мари, но легче от этого не становилось. Сейчас только от нее зависело их будущее и будущее всего Трейса. Десять лет Орден несправедливо осуждал невиновных, рушил семьи и судьбы. Только потому что Нэим ловко подтасовывал материалы дел и манипулировал судами, искусно применяя нелепые законы. Десять лет беспредела! Тысячи загубленных душ ради прикрытия задницы одного ничтожества!

— Может, твой шеф делал тебе какие-то необычные подарки? — спросил Вейц, перебирая книги в шкафу.

Мари слышала его голос будто через глухую стену.

— Обычно он дарил цветы, конфеты или конверт с деньгами, — пробормотала она, бродя по квартире как призрак. — А что, если аглы уже побывали здесь?

— Они вверх дном перевернули бы твою квартиру, — сказал Шеймас, разбирая системный блок компьютера и потроша его содержимое. — По всей видимости, у этих тупиц не хватило мозгов обратить внимание на кадровый штат вашей фирмы. А у Нэйма нет возможности лично сюда явиться.

Вейц нашел блокнот и ручку и сел на диван. Начертив квадрат на чистой странице, в центре он изобразил небольшой круг, а рядом с ним еще один маленький круг и овал. Наверху, у самого края, Вейц нарисовал прямоугольник и заштриховал его рябью. Когда он принялся интенсивно закрашивать сам квадрат, Мари медленно подошла к нему и спросила:

— Зачем ты рисуешь дискету?

Он замер. Из кабинета высунулся Шеймас.

— Это накопитель, — ответил Вейц, подняв лицо. — Хотел тебе показать.

— Твою мать! — выругалась Мари, всплеснув руками. — Я думала, он выглядит как небольшой цилиндр! Слово накопитель у меня всегда ассоциировалось с радиацией и нательными дозиметрами! — Она метнулась в комнату. Вейц и Шеймас за ней. Открыв шкаф, Мари

села перед сейфом, разблокировала дверцу и стала лихорадочно вытаскивать все дискеты, что когда-то передал ей шеф. — Я никак не могла понять, почему нельзя скопировать информацию на более современные носители. Но расспрашивать об этом шефа мне было некогда. Я просто выполняла его просьбы.

Вейц присел на корточки, перебрал несколько пластиковых футляров и вздохнул:

— Это обычные дискеты.

— И это? — присевший рядом Шеймас взял в руки один из футляров. Повертев его, он ногтем подцепил край, выдвинул прямоугольную пластину, нажал на мини-диск в центре, и над накопителем появился голубоватый полупрозрачный экран.

— Вау! — ахнула Мари.

— Он смешал их, — догадался Вейц, — чтобы накопители не бросались в глаза. Они отличаются, если приглядеться. И на ощупь другие. Материал-то не из этого мира. — Он перебрал все футляры и обнаружил еще три накопителя. — Еще есть?

Мари заглянула в сейф, перерыла документы, вынула флешки и диски, но дискет больше не было.

— Нет.

— Значит, это все.

Вейц стал включать накопители один за другим. Они содержали, как видеоматериалы, так и аудиозаписи, а также зашифрованные данные, открыть которые могли только в Междумирье.

— Здесь! — вдруг сказал Шеймас, вглядываясь в мелькающие силуэты на волновом экране. — Нэим и Тальина тридцать лет назад.

Мари поднялась и на непослушных ногах приблизилась к Шеймасу. Тальина была моложе и гораздо красивее, чего нельзя было сказать о Нэиме. Слева от видеозаписи мелькали строчки с данными на заснятых лиц, со временем и местом разговора. Шеймас покрутил встроенное в футляр колесико, и экран зазвучал голосами.

— Я все сделал. Палалии больше нет.

— Кто-нибудь выжил? — Тальина спросила это так, словно поинтересовалась, что сегодня на ужин.

— Королева с новорожденной принцессой на руках успела активировать свою телепортационную капсулу. Я перенастроил ее курс в отдаленный мир с медленно развивающейся расой. Там она проведет

остаток своих дней или часов. Если для тебя это важно, я могу убить их.

— Их будут искать?

— Я все устрою так, что их не найдут.

— Тогда пусть живут. Не рискуй. Все равно на этом история мерзких палал окончена!

— Выключи, — попросила Мари, ощутив тошноту. — Не могу это слышать.

Выскочив из комнаты, она кинулась в ванную. Не снимая платья, Мари открыла холодную воду и залезла под душ, пытаясь смыть с себя несуществующую грязь. Успокаиваясь и сдерживая слезы, она простояла под струей воды, пока не замерзла. Перекрыв кран, она сняла с себя мокрое платье и укуталась в полотенце, потом села на бортик и еще долгое время молча сидела, дрожа и стуча зубами. Конечно, это не заветная мечта начать медовый месяц с подобной находки, но это самый дорогой подарок, который Мари могла получить.

Дверь открылась, на пороге появился усмехающийся Шеймас. В руках он держал тюбик с интимной смазкой и резиновый фаллос.

— Что это? — сквозь смех спросил он.

Мари уже и забыла об этом нелепом подарке подруг на ее последний день рождения. Она закинула его в ящик комода и вскоре забыла. Зато Шеймас уже все везде разнюхал.

Мари тоже засмеялась.

— Клянусь, я им никогда не пользовалась. — Она встала и, подойдя к Шеймасу, забрала у него находку. Повертев игрушку в руке, она бросила ее в ванную, а гель вернула мужу. Подтянувшись на носках, она шепнула ему на ухо: — А это тебе сейчас пригодится.

Шеймас звучно сглотнул.

— Ты уверена?

— У нас, как-никак, брачная ночь. Или нам что-то мешает провести ее тут и вернуться в Трейс чуть позже?

Глаза Шеймаса блеснули дьявольским огоньком.

— Если в радиусе пяти километров появятся аглы или их техника, ключ нашего свейха засигналит. Успеем убраться.

Мари отпустила полотенце, которое скользнуло по ее телу и упало у ее ног.

— Тогда чего мы ждем? — Она ноготком провела по щеке, шее и оголенной части груди Шеймаса и, обойдя его, двинулась в комнату.

Вейц как раз закончил прибирать все, что было раскидано, и просматривал данные накопителей, сидя на кровати. Мари гибкой походкой приблизилась к нему, забрала и отключила электронные носители, отложила их на прикроватную тумбочку и коленями уперлась в постель, раздвинув ноги. Склонившись, она языком провела по губам Вейца, и его руки нерешительно легли на ее бедра. От нахлынувшего возбуждения он тяжело задышал. Мари одарила его поцелуем, после чего губы Вейца изучающе прошлись по ее шее, зоне декольте и груди. Остановившись на сосках, Вейц стал посасывать и покусывать их, с силой сдавливая бедра Мари пальцами. Выгибаясь и постанывая, он чуть откинула голову и заметила замершего на пороге комнаты Шеймаса. Он держал в руке наполовину наполненный прихваченным из клуба коньяком стакан и, медленно потягивая его, зачарованно наблюдал за происходящим.

Пуговица за пуговицей расстегнув рубашку Вейца, Мари стянула ее с плеч и повалила его на кровать. Сев верхом, она взялась за его тело. Нежно водя по его коже влажным языком, Мари наслаждалась тем, как он покрывается мурашками, задерживает дыхание и сильнее впивается в ее бедра. Спускаясь все ниже, она добралась до его брюк и, встав на колени на полу, быстро разобралась с ремнем и ширинкой. Осторожно вытащив его готовый к бою член, Мари заглотила его, вынудив Вейца простонать сквозь зубы. Скользя по нему языком, полизывая яички и головку, она довела Вейца до того, что он запустил пальцы в ее волосы и стал двигаться ей навстречу. Награждая его заслуженными ласками, Мари не заметила, как позади нее пристроился Шеймас, пока не почувствовала жар его языка в своих складочках. Чувственно вылизав ее, он на мгновение остановился, чтобы раздеться, а потом вошел в ее щелку, готовую принять его.

Застонав, Мари более яростно продолжила лизать и сосать член Вейца, который содрогался так, будто его вот-вот парализует. Шеймас входил в нее сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, ускоряясь и сипло дыша. А потом она почувствовала прохладный гель и палец Шеймаса, массирующий ее упругий анус. Не противясь, а лишь выгибаясь навстречу, она ощутила, как муж стал параллельно вводить палец, при этом не замедляя ритма. Мари никогда раньше не практиковала ничего подобного, была наслышана о том, как болезнен анальный секс, и что важно иметь надежного партнера, который не

навредит, а доставит то самое сокровенное наслаждение. Теперь, доверившись своим мужьям, Мари осмелилась рискнуть. Поэтому когда Шеймас вышел из ее вагины и медленно и аккуратно перешел в другую дырочку, она не остановила его.

Задвигавшись в набранный им такт, Мари кончила раньше, чем предполагала и выпустила член Вейца. Шеймас подхватил ее под руки, поднял с пола и дал время отдышаться, страстно целуя ее в губы. Как только Мари согласно кивнула и улыбнулась, он усадил ее на Вейца. Мари ловко оседлала его, но не запрыгала в тот же миг, а дождалась, пока Шеймас с былой осторожностью снова войдет в ее анус.

Шепча Мари ласковые слова и признания в любви, мужа убеждали ее в своей надежности. Не ощущая ни капли страха или неловкости, Мари то опускалась, целуя Вейца, то поднималась, откидывая голову назад и целуя Шеймаса. Подстроившись друг по друга, они дали испытать ей опыт двойного проникновения, от которого она кричала им прямо в губы. И это был не крик боли, а крик удовольствия и просьба продолжать.

Они кончили одновременно, и это было нечто фантастическое. Мари не чувствовала себя обессиленной, будто ее разодрали изнутри или переехали на поезде. Она чувствовала себя словно заново рожденной и беспредельно счастливой. Ей даже спать не хотелось. Лежа между мужьями, она наслаждалась их ласками и поцелуями, а после отдыха вновь им отдалась. Это продолжалось снова и снова до самого утра и два следующих дня: в спальне, на диване в гостиной, на кухонном столе, в ванной. Шеймас предлагал даже балкон, но ни Мари, ни Вейц не поддержали его затею. Зачем пугать прохожих? В перерывах они ели то, что готовил Вейц, или заказывали пиццу и роллы, иногда спали час-другой, танцевали, играли в настольные игры, или Мари демонстрировала мужьям свои наряды, и всякий раз эта демонстрация заканчивалась ее стриптизом и жарким сексом.

Шеймас и Вейц всегда были с ней аккуратны и бережны и не переставали шептать ей, что она молодец, а еще благодарить и как можно чаще признаваться в своих чувствах. Она не была для них игрушкой для утех, они уважали и любили ее по-настоящему. И Мари перестала задумываться над тем, насколько нормально иметь двух мужей. Уж лучше двух, чем ни одного!

В последний день своего пребывания на Земле Мари упаковала все

документы и электронные носители, что были у нее на хранении, в пластиковый пакет и, вызвав курьера, передала их исполняющему обязанности директора ее фирмы.

Она достала из кладовой свой вместительный чемодан на колесиках и собрала в него любимые наряды, обувь и просто всякую мелочь, которую хотела бы иметь у себя, а также аккуратно сложила свадебное платье. Нельзя оставлять его здесь!

Вейц навел порядок на кухне, а Шеймас помог Мари убраться в других комнатах. Кое-что она также упаковала в коробки и вызвала курьера из благотворительного центра. Банк, когда отнимет эту квартиру, все конфискует, а некоторые вещи могут пригодиться бедным или тем, кто пережил бедствие. Когда в квартире не осталось ничего особо личного, все электрические приборы были отключены, а мусор вынесен, Мари оставила чемодан в прихожей и в последний раз прошла по своей квартире. Задергивая портьеры и закрывая двери, она не испытывала тоски или печали. Впереди Мари ждала более счастливая жизнь. Но здесь, на Земле, этот кусочек нескольких десятков метров седьмого этажа типичной многоэтажки, был самым дорогим.

— Зайчонок, надо поторопиться, — окликнул ее Шеймас, держа на ладони запищавший ключ от свейха. — Аглы нагрянули.

— Долго они, — усмехнулся Вейц, беря коробку с книгами, которые Мари тоже решила прихватить с собой.

Шеймас отдал ему ключ.

— Иди заводи.

Вейц ушел, а Шеймас подождал Мари.

— Хорошо, что я в майке и шортах, — улыбнулась она, торопливо обуваясь. — Вдруг придется убежать.

— Не придется. — Шеймас взял чемодан и вышел из квартиры.

Мари заперла замок, по привычке убрала ключи в электрощиток и вызвала лифт. Когда они с Шеймасом поднялись на крышу, Вейц уже активировал не только свейх, но и электромагнитный метатель, встроенный в поддон машины. Вдалеке показался стремительно летящий им навстречу свейх. Вейц приподнял машину над крышей и крикнул:

— Быстрее!

Шеймас закинул чемодан на заднее сиденье и посадил Мари, чтобы она запрыгнула. Времени оставалось все меньше, и Вейцу

пришлось подняться еще выше и развернуться. Он первым успел выпустить во вражеский свейх электромагнитный заряд, и тот завис в воздухе. Вейц снова приземлился и, как только Шеймас занял сиденье, закрыл все двери. Воспользовавшись преимуществом временной дезориентации противника, Вейц направил свейх в противоположную сторону и, разогнавшись до нужной скорости, включил телепортацию. Свейх объяло непроницаемым облаком. Все облегченно выдохнули.

— Ну ты даешь, — Шеймас хлопнул его по плечу.

— Я сам не ожидал, — рассеянно ответил Вейц и обернулся. — Ты как, милая?

Мари, довольная смелостью своих мужей, смогла лишь улыбнуться. Даже такое необычное свадебное путешествие и сумасшедший медовый месяц она считала самым прекрасным периодом в своей жизни.

Облако рассеялось. Перед ним предстали поля Трейса и замок под горой Палалия.

— Вот мы и дома! — Шеймас с улыбкой огляделся, и Мари поняла, что он любит Трейс.

Они приземлились во дворе родного замка. Шеймас вытащил из свейха коробку и чемодан и передал их подошедшим служанкам. Те выразили свою радость по случаю возвращения хозяев и пообещали, что сейчас же приготовят обед.

Мари, спустившись, первым делом посмотрела на зацветающий сад и купающихся в бассейне детей. А Вейц по-прежнему сидел за приборной панелью.

— Вейц? — обратился к нему Шеймас. — Ты в норме?

— Они узнали, что мы были там. Скоро узнают, что накопители у нас.

Мари подошла к мужьям и нахмурилась.

— Их надо доставить в Орден, прежде чем аглы доберутся до нас.

— Ладно, — кивнул Шеймас и вытащил из внутреннего кармана пиджака пакет с накопителями. — Передай их Совету.

— Ты доверяешь мне? — удивился Вейц.

— А не должен?

— Вейц, не глупи, — вмешалась Мари. — Почему мы не должны доверять тебе? Давай я поеду с тобой?

— Нет, опасно. Кто-то должен остаться здесь. Со злости Нэйм

может отправить план-налет на замок. Нельзя рисковать невинными людьми. И этот кто-то — не кто другой, как хозяин замка. А у меня сложены доверительные отношения со зроу. Значит, мне проще передать накопители в Междумирье. Но если они устроят погоню, я не хочу рисковать тобой, Мариэль. — Вейц вскрыл пакет, вытащил из него накопитель, подтверждающий вину Нэима и Тальины в уничтожении Палалии, и протянул его Шеймасу. — Это наша гарантия на случай, если нас предадут.

Конечно, Мари услышала в этой реплике и гарантию того, что Вейцу можно доверять. Она понимала, ему потребуется немало времени, чтобы простить самого себя, поэтому не стала давить.

— Подожди, — сказал Шеймас и отошел к крыльцу. Сняв цветочный вазон с подставки, он выудил из нее бластер и вернулся к Вейцу. — Стреляй на поражение. И уходи, если будет плохо. Доберешься до города, дай знать. Если к вечеру ты не вернешься, я отправлюсь за тобой.

— Договорились, — Вейц пожал ему руку.

Мари подошла к свейху, поднялась на ступеньку и, поцеловав Вейца, обняла его.

— Я буду ждать тебя, — прошептала она.

— Я вернусь, обещаю, — сказал он, отпуская ее и закрывая свейх.

Напоследок кивнув ей и Шеймасу, он взмыл над землей, разогнался и исчез.

— В этот раз у него преимущество, — проговорил Шеймас, глядя туда, где только что растворилась точка свейха. — Мозг, оружие, возможность телепортации и мы. Он вернется.

— Да, — согласилась Мари, улыбнувшись. — Он вернется.

Шеймас обнял ее одной рукой за талию и повел в замок. В холле к ним кинулась взволнованная Гилья, сбежавшая по ступенькам.

— Господин... Госпожа...

— Да, Гилья, мы вернулись, — улыбнулась Мари. — Все хорошо. Скоро все изменится.

— Я должна вам кое-что сказать, — растерянно добавила та.

— Потом, Гилья. Все потом. Мы очень устали, — ответил Шеймас, ведя Мари в гостиную. — Пусть нам принесут что-нибудь холодное.

Открыв дверь, он прижал Мари к себе и, впившись в его рот настойчивым поцелуем, захлопнул дверь ногой до того, как Гилья

успела их догнать.

— Ненасытный, — рассмеялась Мари, отвечая на поцелуй.

Шеймас оставил ее губы и спустился ниже, целуя шею. Мари запрокинула голову и, приоткрыв глаза, увидела стоявшего у камина короткостриженого блондина. Он медленно обернулся, отчего у Мари ноги вросли в пол. Шеймас заметил, что она напряглась и, перестав ласкать ее, заглянул в ее лицо. Проследив за остекленевшим взглядом Мари, он обернулся и крепче прижал ее к себе. Мари тоже прильнула к нему вплотную, исподлобья косясь на незваного гостя. Глаза того налились свинцом, а челюсти заиграли желваками. Минуту они молча смотрели друг на друга, после чего Шеймас небрежно сказал:

— Привет, Лу!

Глава 36. Незванный гость

Луисцар не спешил приветствовать ни брата, ни бывшую возлюбленную. Окинув Шеймаса и Мари презренным взглядом, как последних предателей во Вселенной, он сунул руки в карманы своих темных брюк, и качнулся с пятки на носок. Глядя на него, Мари не могла поверить, что недавно теряла из-за него голову. Да, Луисцар был хорош собой (хоть короткая стрижка ему и не подошла), на нем идеально сидел понравившийся Мари костюм, суровое лицо выражало уверенность, вот только она отлично помнила, что за всем этим прячется маменькин сынок и трус. Меньше всего ей хотелось разговаривать с ним, но о том, чтобы оставить его наедине с Шеймасом она и мысли не допускала.

— Что тебе нужно? — прямо спросила Мари, стараясь держать тон ровным и холодным. Слишком много чести будет Луису, чтобы из-за него она выводила себя на эмоции.

— К тебе вернулся, — не менее холодно ответил Луисцар. — Да смотрю, ты тут времени даром не теряла.

— Как ты смеешь? — Мари криво улыбнулась. — Едва меня сослали в Трейс, как ты объявил о своей помолвке с Лейсандрой.

— Но я расторг ее!

— Жаль, вы были идеальной парой. К счастью, мы с Шеймасом наш союз не расторгли, а узаконили. Так что можешь поздравить нас и проваливать.

— Ты клялась мне в любви, — напомнил Луисцар.

— Ты тоже много в чем мне клялся.

— Я пожертвовал всем ради тебя. Поссорился с мамой, оставил Опретаун и трон. Вынудил Орден сослать меня в Трейс. Только чтобы быть с тобой. А ты так легко предала наше запечатление.

— Нет, Луисцар. Я его не предавала, а оборвала связь со своей стороны. — Мари крепче прижалась к Шеймасу, давая ему понять, что не собирается прощать Луисцара.

— Луисцар? Больше не сокращаешь?

— А мы с тобой чужие друг другу для фамильярностей.

— Ты не могла оборвать запечатление. Это невозможно. Я его

чувствую!

— Это твои проблемы. Посоветуйся с мамой, она у тебя женщина предприимчивая, — фыркнула Мари. — Если ты все сказал, будь любезен, уходи. У нас с Шеймасом медовый месяц.

Луисцар хмыкнул и опять стиснул зубы. Недолго постояв в безмолвии, он обратился к Шеймасу:

— А ты? Так-то со своим младшим братом?

Мари замутило. Мысленно она начала молиться, чтобы Шеймас не размяк. Она знала, как дорога ему родная кровь.

— Ты мне не брат, Лу, — удивительно спокойно ответил Шеймас. — Ты просто родственник. У меня другой брат.

— Случайно, не тот гибрид из города? Кажется, Вейц? Наслышан, что вы друзья.

— Мы больше, чем друзья. Тебе не понять.

— Ты оклеветал мою мать, Шеймас! — Луисцар совсем не по-претски повысил голос. — Смешал наше имя с грязью! Опорочил память отца! И после этого смотришь на меня, как на врага?!

— Да-а-а, — сочувствующе протянула Мари, — скоро ты будешь сильно удивлен.

— Я уже ничему не удивляюсь. Я доверял вам. Шел против матери, доказывая вашу невиновность. Но кровь мятежников палал делает вас теми, кого я не хочу видеть.

— Тогда зачем ты приперся? — спросил Шеймас. Мари кое-как сдержалась, чтобы не хихикнуть.

— Это и мой дом. В Ордене мне сказали, что наш отец приобрел здесь замок незадолго до своей смерти. Было нетрудно его найти.

— Вынужден тебя разочаровать, замок продан. У него другой владелец. Я прикажу прислуге выдать тебе заслуженную половину от стоимости продажи. Рыбка, не помнишь, за сколько я продал замок? — Шеймас с хитрой улыбкой посмотрел на Мари.

— За пятьдесят кредитов, — ответила она.

— Тебе выдадут аж тридцать, — сказал Шеймас Луисцару, отчего Мари снова чуть не рассмеялась. Он получит те самые деньги, за которые она продала Тамани его же украшения. Чуднее мести не придумаешь.

— Ты продал замок за пятьдесят кредитов?! — поразился Луисцар.

— Да, в то время он и этого не стоил. А все, что перед тобой

сейчас, — заслуга нового хозяина. Вернее, хозяйки.

Луисцар перевел недоуменный взгляд на Мари.

— Догадываюсь, кто новая владелица.

— Приятно познакомиться, — улыбнулась Мари. — И я буду в меру гостеприимной. Так как ты родственник моего супруга, я разрешаю тебе сегодня переночевать здесь. А завтра, будь добр, уезжай. В городе тебя поселят в пансионе Вейца.

— Я был там, — прошипел Луисцар. — Мне сказали, Вейц в свадебном путешествии. Удивительно, что он вообще женился. Представляю, что там за жена.

Мари и Шеймас с трудом подавили смех.

— Его замещает администратор, — добавила Мари. — Обратишься к нему, тебе выдадут комнату. Рекомендую, номер сорок два. Потрясающий дизайн, все удобства на месте и пользуется спросом среди влюбленных парочек из других миров.

Шеймас хрюкнул, и Мари толкнула его в бок. Луисцар посерел на глазах, догадавшись, что они издеваются над ним. Глубоко вздохнув, он снова качнулся и умерил пыл:

— Мы же можем что-то решить. Сбылись мои самые страшные опасения: вы запечатлелись. А как же я, Мари? Я не могу забыть тебя. Я... я так сожалею, Мари, — его голос медленно переходил на скулеж. — Я будто был одурманен. Когда нашу с Лейс помолвку сорвали аглы, я не поверил, что они посланы вами. Подключил кое-какие связи и выяснил, что Лейс мне изменяет. Я не знаю, кто ее любовник. Но тогда я понял, что в тебе потерял сокровище. Мы же не чужие друг другу люди. Должен быть выход. Я прошу хоть малейший шанс. Я готов остаться здесь, в Трейсе. Я привыкну к этой жизни, к местным обычаям. Я буду работать. Я докажу вам, что я не пропащий человек.

— И что ты предлагаешь? — Мари удивленно вскинула бровь. — Жить втроем? Ты спятил? Это ненормально! За кого ты меня принимаешь? Если ты еще хоть слово скажешь, я передумаю, и ночевать будешь за воротами!

В гостиную постучались. Шеймас отпустил Мари и открыл дверь. В комнату вошла Гилья с подносом в руках.

— Простите, вы не дали мне возможности предупредить вас, — забормотала она.

— Все нормально, Гилья. Прикажи разместить Луисцара в комнате для гостей, — попросила ее Мари. — Сегодня он переночует в замке. А к утру организуй машину до поселка. Там он сядет на аэробус и отчалит в город. — Она грозно взглянула на Луисцара.

— Хорошо, — кивнула служанка, поставила поднос с холодным чаем на столик и обратилась к гостю: — Идемте. Провожу вас в вашу комнату.

— Мари, — он с мольбой посмотрел на нее.

— Мы закончили, Лу, — ответил за нее Шеймас. — Ступай!

Помедлив, он все же послушался и вышел вслед за Гильей. Шеймас запер дверь и перевел взгляд на Мари. Она прошла до дивана и устало села.

— Чувства вернулись? — поинтересовался Шеймас, двинувшись к Мари.

— Смеешься? — улыбнулась она. — Я даже ненависти к нему не испытываю. Скорее это жалость. Особенно от осознания, что завтра ему придется многое узнать, а потом жить с тем, как на протяжении десяти долгих лет он несправедливо обвинял тебя в предательстве. А что чувствуешь ты?

— То же самое, — Шеймас сел рядом с Мари и обнял ее за плечи. — И больше не хочется иметь с ним ничего общего. Смотрю на него, а вижу Тальину. Я часто представлял себе, какой она будет — наша встреча после долгой разлуки. В моем воображении все было краше. Без моего влияния Лу превратился в зеркало своей матери. Спасибо, что позволила ему остаться. Пусть переспит с мыслью о своем поражении, а потом начинает искать новые цели.

Мари облизнула губы и сменила тему:

— Так на чем мы остановились?

— Я собирался заняться бешеным сексом, — откровенно признался Шеймас.

— Что тебя останавливает?

— Больше ничего, — он набросился на Мари и, повалив ее на диван, припал к ее губам с поцелуем.

Вопреки тому, что появление Луисцара подпортило им настроение, Шеймас и Мари сумели погрузиться в сладостный час любви и забыться. Потом выпив чаю и отдохнув, они занялись домашними делами. Вейц дал знать о себе через пару часов. Все было в порядке. Он

сообщил, что задержится в городе до получения ответа из Междумирья. Мари хоть и волновалась за него, старалась отвлекаться на домашние хлопоты. Она прошлась по саду, где позанималась цветочными клумбами, приподняла усики вьюнов, отошедших от шпалер, осмотрела фруктовые деревья и кусты на наличие вредителей и заболеваний. Периодически ей на глаза попадался Шеймас. Он проверял систему полива, прочищал шланги и распылители, поругался на рабочих, которые за три дня ни разу не почистили фонтан, а потом утащился в свой гараж, откуда стали доноситься звуки молотка и сверла.

Вечерело. Мари и Шеймас были в своей комнате, когда служанка доложила, что вернулся Вейц. Они вышли на балкон этажа и увидели идущего к изогнутой лестнице Вейца. Луиссар в это время стоял у нижней ступени. При приближении гибрида, он сделал шаг в сторону и смерил его ледяным взглядом. Вейц нахмурился и, быстро вбежав вверх по ступенькам, остановился около Шеймаса и Мари.

— Это тот, о ком я думаю? — тихо спросил он, покосившись вниз.

— Он самый, — ответил Шеймас, и все заметили, как лицо Луиссара озадачилось происходящими для него непонятками.

— Как все прошло? — поинтересовалась Мари.

— Сейчас расскажу.

Они ушли в комнату, где Вейц от жажды осушил два стакана. Сев на кровать, он облегченно выдохнул и улыбнулся:

— Накопители в Междумирье.

Мари подпрыгнула на месте и, радостно взвизгнув, захлопала в ладоши. Шеймас тоже расцвел счастливой улыбкой.

— Это было нелегко и очень напряженно, — продолжил Вейц вполголоса. — Я боялся, что меня кинут зроу. Они боялись, что их кинут в Ордене. Но все обошлось. Компромат на Нэима расшифрован, подтвержден и рассмотрен. Час назад его взяли под стражу и лишили всех прав. Утром об этом будут писать во всех газетах.

— Наконец-то у Ордена жопа подгорела, — усмехнулся Шеймас.

— Вы не представляете, сколько у Нэима подельников из высшего света разных миров. Все немедленно арестованы. В Междумирье творится хаос. Вызвали все службы и подкрепление. В Трейс направили конвои из миротворцев. С завтрашнего дня наша жизнь круто изменится. Ордену придется пересмотреть тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч дел. Это будет массовая реабилитация.

— А Тальина? — спросила Мари.

— Ее арестуют, когда мы передадим им последний накопитель. Пока оснований для взятия ее под стражу не хватает. Это колоссальный прорыв в истории. Сегодня мы изменили не один мир, а целую Вселенную. Последние десять лет после обвинения Саймуса Орден творил произвол, осуждая невиновных за пустяки, но упуская из вида настоящих преступников. Теперь чтобы добиться утраченного доверия, Совету придется постараться.

— Они не вернут доверие, — произнес Шеймас. — Большинству аглов будет насрать на оправдание, вот увидите. Меньшинство вернется домой. Особенно те, у кого там остались семьи. Одиночки останутся здесь, в доказательство того, что они не игрушки Ордена.

— А мы? — спросил Вейц. — Вместе?

— Здесь наш дом, — улыбнулась Мари и, подойдя к Вейцу, села к нему на колени. — Пусть хоть насильно возвращают нас на места, нам недолго найти повод для очередного обвинения. Ты не их собственность, Вейц. Без боя мы тебя не отдадим.

— Она права, — добавил Шеймас.

В комнату постучалась и заглянула служанка. Она сообщила, что ужин подан.

— Пригласите Луисцара за наш стол, — распорядился Шеймас. — Мы сейчас спустимся.

Мари надела босоножки и легкий белый сарафан длиной выше колена, с тонкими бретельками. Взбила распущенные волосы и чуть-чуть надушилась цветочной парфюмерной водой. Мужья дождались, пока она соберется, и они спустились в столовую все вместе. Шеймас вошел первым. Мари и Вейц следом. Луисцар уже сидел за столом и обомлел, увидев, как Мари и Вейц держатся за руки, а потом, усевшись рядом, целуются. Шеймас взял бутылку в центре стола и, проходя мимо Мари, тоже поцеловал ее. Сев во главе стола, он разлил вино по бокалам. Служанки разнесли их, после чего Шеймас взглянул на Луисцара и спросил:

— Ты не заболел? Бледный какой-то. Выпей. Кровь к лицу вернется.

— Вы что, втроем? — едва слышно пролепетал он.

— А что тебя смущает? — беззаботно спросила Мари и, насадив на вилку кусочек спаржевой фасоли, протянула ее Вейцу. — Наше

счастье? Или любовь?

— Ты же говорила, это ненормально! — возмутился Луиссар. Еще один «беременный» брошенка! Стоило Мари выйти замуж, как повсплывали ее бывшие обиженки.

— Луиссар, не будь занудой! Ты тоже много чего говоришь и обещаешь. Например, просишь близких доверять тебе, а потом вонзаешь нож в спину. Все возвращается бумерангом и вдвойне. Не знаю, как можно сердиться на справедливое отражение собственного посылы.

— Ты ешь, — кивнул ему Шеймас и пригубил вино. — У нас готовят вкусно.

— Спасибо. Я не голоден. — Луиссар встал из-за стола и стремительно покинул столовую.

— Не жестко вы с ним? — спросил Вейц, жуя.

— Как заслужил, — ответила Мари, подавая ему кусочек томата. — Не думай о нем. Скоро он вернется в свой Опретаун, и надеюсь, больше мы его не увидим.

— А почему у него стрижка?

— Для меня постарался, — засмеялась Мари. — Однажды я сказала ему, что с длинными волосами у меня не самые приятные ассоциации. Идиот, думал, я растаю. Путь к моему сердцу навеки занят двумя лучшими мужчинами во Вселенной. И вряд ли они подвинутся для третьего.

— Ни за что! — ответил Шеймас.

— Никогда! — добавил Вейц.

Мари поцеловала его и принялась ужинать, ликующая, жизнерадостная и удовлетворенная. Она больше не боялась завтрашнего дня и с уверенностью смотрела в будущее.

Глава 37. Личный выбор каждого

Утро Мари началось не с кофе, а с нервного заявления Шеймаса, что Вейц исчез, а вместе с ним Луиссар и, что немаловажно, накопитель! Едва разлепив глаза, Мари натянула халат и помчалась за мужем. Они расспрашивали просыпающихся постояльцев замка и прислугу, заглядывали в комнаты, но ни Вейца, ни Луиссара нигде не было. Их обнаружили спустя час. В садовой беседке. Шеймас босиком, в одном трико, взлохмаченная Мари и недоуменный Вейц.

— Решили, я вас обманул? — спросил он, сидя рядом с Луиссаром. Тот с ужасом в глазах знакомился с видео, доказывающее вину Тальины и Нэима.

Мари закатила глаза и, одной рукой схватившись за голову, раздраженно выпалила:

— Вообще-то мы решили, что этот украл накопитель, а тебя взял в заложники или, того хуже, пришил!

— Спасибо за доверие, — буркнул Луиссар.

— Пожалуйста. Ты его заслужил, — бросил ему Шеймас.

— Не говорите ерунды, — улыбнулся Вейц и выпустил когти на правой руке. — Как он может взять меня в заложники? — Его зрачки стали вертикальными.

Мари выдохнула и, не устояв, улыбнулась.

— Ну и мерзость, — прокомментировал Луиссар способности Вейца и отодвинулся от него.

— Мерзость — это то, что ты сейчас смотришь, — ответил Шеймас и забрал у него накопитель. Отключив его, он убрал его в карман. — Ну как, мамочка все еще святая?

Луиссар молча отвернулся. Его непроницаемый взгляд устремился вдаль. Характер чистокровного опрета не позволял ему показывать эмоции. Так что срыва, подобного вчерашнему, от него не дождались.

— Ладно, — нехотя выдавила Мари. — Можешь ненадолго задержаться у нас, подумать. Только не смей выкидывать сюрпризы, если не хочешь отправиться за ягодками в лес кавров!

Сказав это, она развернулась и ушла в замок. Вскоре вернулись и мужья. Приведя себя в порядок, они спустились к завтраку. Луиссар к

столу не присоединился: по-прежнему сидел в беседке и мирился со страшной истиной о любимой маме. Не успели они позавтракать, как Гилья доложила о странном визитере. Мари с мужьями вышла на улицу. У ворот был приземлен новехонький свейх, около него стояла троица вооруженных крокодилообразных громил, охраняющих члена Совета Ордена. Мари узнала его. Он был в составе судейской комиссии, сославшей ее в Трейс. В руках он держал несколько конвертов. Подал их одному из телохранителей, он потупил взгляд себе под ноги. Конверты поднесли к Мари. Она молча приняла их и прочитала имена и номерные знаки осужденных. Их было четыре.

— Орден принял решение начать с вас, — прочистив горло, сказал чиновник. — Слушание будет общее и состоится сегодня. В конвертах телепортационные капсулы с зарядом на одно перемещение. Ваше присутствие на суде — не только залог вашего вероятного оправдания, но и возможность пролить свет на многие вещи в отношении других осужденных.

— Остальными когда займетесь? — прямо спросила Мари, не желая любезничать.

— Все в процессе. Сначала надо разобраться с истинными изменниками и губителями Палалии. Нам известно, что у вас еще один накопитель, подтверждающий причастность императрицы Опретауна к той страшной трагедии.

К ним медленно подошел потерянный Луиссар. Шеймас, глядя на брата, не спешил передавать улику против его матери Ордену. Он не ждал его согласия, а скорее давал ему еще одну минуту на осознание неизбежного. Наконец шагнув вперед, он вынул накопитель из кармана и подал его визитеру.

— Мы явимся на слушание! — сказал он. — Лично я хочу посмотреть на ваши рожи, когда вы будете просить прощение. Такое зрелище нельзя пропустить.

— Саймус, держи язык за зубами, — усмехнулся Вейц. — А то суровый Совет повесит на тебя еще какой-нибудь нелепый ярлык.

Гость вернулся в свейх и приказал громилам возвращаться в Междумирье. Когда они взлетели и телепортировались вон из Трейса, Мари подала один конверт Вейцу и два Шеймасу. Она не хотела лично вручать уведомление Луиссару, поэтому это сделал его брат. Вскрыв конверты, они обнаружили повестки и обещанные телепортационные

капсулы.

— Одно слушание на шестерых? — изумился Вейц, увидев в дополнение к ним имена Стона и Блина. — Теперь нас будут пачками оправдывать.

Мари поймала на себе заинтересованный взгляд Луисцара и догадалась, что он все еще теплит надежду. Ведь теперь ее слова об их запечатлении будут рассмотрены иначе. Так и не взглянув на него, она молча вернулась в замок. Уйдя на кухню, где хлопотали женщины, Мари приготовила себе сок и, заняв диванчик в гостиной, решила почитать книжку.

— Я не помешаю? — спросил заглянувший в комнату Вейц.

Мари закрыла и отложила книгу и улыбнулась ему. Вейц вошел, сел рядом с Мари и взял ее за руку.

— Где Шеймас? — спросила она.

— Не волнуйся, не с Луисцаром. Ушел в гараж.

Мари пальцами провела по браслету на запястье Вейца и поинтересовалась:

— Как ты себя чувствуешь?

— Отлично. Гилья говорит, через пару дней браслет можно будет снять. — Вейц грустно посмотрел на щеку Мари, где едва виднелись маленькие бледные полосы от затянувшихся царапин.

— Это тоже скоро пройдет, — ответила она, поняв, о чем он подумал. — Вейц, почему ты решил показать Луису данные с накопителя?

— Ночью, когда ты уснула, Шеймас рассказал мне, что Луисцар до сих пор считает его предателем. Я понимаю, ты хотела бы, чтобы он узнал правду о своей матери иначе. На суде или из газеты. Но это жестоко.

— Он тоже обошелся с нами жестоко. Тебя считает хуже больной крысы из канализации.

— Но мы-то не он. Если мы будем поступать так же, чем мы будем лучше? Я дал ему время и возможность все переосмыслить, смириться и не наделать больших ошибок. Он и так все потерял.

Мари стало стыдно. Вейц умел прощать и отпускать, а ей только следовало этому научиться.

— Ты такой хороший, — произнесла она, чувствуя, как сжимается ее сердце. — Они захотят тебя вернуть.

— Мне уже предложили членство в Совете нашей области. Оно импонирует мне больше, чем восстановление в рядах миротворцев под прикрытием. Кстати, вчера зроу спрашивали, когда ты вступишь в Совет. Я ответил, что ты примешь решение после медового месяца.

— Надеюсь, он закончится не скоро, — хихикнула Мари.

Вейц засмеялся и перевел взгляд на книгу.

— Что читаешь?

— Оу... Это «Человек-амфибия», — Мари снова взяла ее в руки. — Фантастика. С детства люблю эту книжку.

— А мне считаешь?

— Фух, это будет нелегко. Мне придется переводить каждое предложение.

— Разве мы куда-то торопимся? — улыбнулся Вейц и лег рядом с Мари. — Давай...

— Ну ладно, — согласилась она и открыла первую страницу.

Они лежали на диване, читали и обсуждали роман, пока Гилья не сообщила, что пора собираться на слушание. Мари не стала прихорашиваться для Совета: надела строгий брючный костюм и собрала волосы в «ракушку» на затылке. Вейц, как обычно, был в рубашке и брюках, а Шеймас не удосужился даже умыться.

— Ты весь в масле, — сделал ему замечание Луиссар, когда они собрались в тронном зале для телепортации в Междумирье.

— И что? — Шеймас озадаченно приподнял одну бровь. — В прошлый раз я предстал перед Советом в императорском камзоле и идиотском золотом ободке. Меня осудили и сослали в Трейс. Не думаю, что в этот раз меня спасут латексные штанишки для сексуальных ролевых игр, — он намекнул на брюки Луиссара.

Мари улыбнулась, заметив, как обозлился Луиссар.

— Готовы? — спросил Вейц. — Тогда пора!

Они активировали телепортационные капсулы и спустя считанные мгновенья оказались перед дверями зала заседаний. Здесь их уже ждали Стон и Блин. Увидев Луиссара, они не кинулись кланяться, а обиженно надулись. Император, которому они служили верой и правдой, палец о палец не ударил, чтобы избавить их от несправедливой участи. Естественно, флиомы были рассержены.

— Привет, ребята! — поприветствовала их Мари.

— Привет, Мариэль! — ответил за них обоих Стон. — Господин

Шеймас, Вейц! Быстро вы вернулись из свадебного путешествия.

— Да, решили, что головы на плечах нам еще пригодятся, — усмехнулся Шеймас.

Крокодилообразные конвоиры осмотрели их одного за другим и сопроводили в зал. Трибуны были переполнены. Казалось, тут собрались все шишки Междумирья. Но в этот раз Мари несколько не волновалась. Ей лишь хотелось, чтобы слушание закончилось как можно скорее. Когда подсудимые заняли свои ромбы, члены судейской комиссии умолкли и дали слово председателю.

— Спасибо, что пошли нам навстречу.

— Охренеть, — фыркнул Шеймас, но поймав на себе взгляд Мари и Вейца, замолчал. Они понимали, что ему будет сложно держать рот на замке из-за десяти лет пережитого беспросветного кошмара, однако его ворчания не повернут время вспять. — Хорошо, я буду молчать! — громче сказал он.

— Мы больше двенадцати часов пересматривали ваши обвинительные приговоры и протоколы предыдущих слушаний, — продолжил председатель. — На основании новых данных, которые получены нами в результате рискованной операции Шеймаса из Опретауна, Мариэль из Палалии и Вейца из Междумирья, мы приняли единогласное решение оправдать вас без дополнительных заседаний. Флиомам Стону и Блину назначена не только реабилитация, но и восстановление их высшего допуска в разведывательном подразделении Опретауна и награждение почетными орденами за верную и отважную службу во благо всех рас во Вселенной. Луисцар из Опретауна так же восстанавливается в должности императора своей расы и имеет право жениться на Мариэль из Палалии, с которой их запечатлела сама Вселенная.

— Эй-эй-эй! — теперь вмешалась Мари. — А наши желания кто-нибудь будет учитывать?

— Но вы ведь хотели этого.

— Перехотела! — заявила она, прежде чем Луисцар расцвел победной улыбкой. — Вы так просто все за всех решили. Думаете, после несчастий, выпавших на нашу долю, мы польстимся вашими оправдательными приговорами? Запоздало оправдательными, осмелюсь заметить. Может, вы поинтересуетесь личным выбором каждого из нас?

Совет зажуужал роем. Им потребовалось не меньше пяти минут,

чтобы удовлетворить просьбу подсудимой.

— Хорошо, — кивнул председатель. — Начнем с первого дела. Шеймас из Опретауна. Старший наследник покойного императора...

— Да можно без прелюдий, — перебил его Шеймас.

Тот поджал губы. Шеймас оказался прав, смотреть на то, как Орден теперь терпит их выходки, — высшее наслаждение. Мари едва удерживалась от аплодисментов.

— Ваше заявление о вине нашего бывшего коллеги Нэима и императрицы Опретауна Тальины в варварском уничтожении Палалии получило неоспоримое доказательство. Виновники этого преступления взяты под стражу и ожидают приговора суда. Также арестована Лейсандра из Опретауна, подозреваемая в пособничестве и покровительстве преступников. Ваша просьба удовлетворена. С вас сняты все обвинения. И из зала суда вы отправитесь домой, в Опретаун.

— Мой дом в Трейсе! — твердо сказал Шеймас.

— Трейс — это тюрьма. Мы не содержим там невиновных.

Эта реплика вызвала залиvistый смех сначала у Стона и Блина, потом у Шеймаса, Мари и Вейца. Только Луисцар стоял истуканом. Судейская комиссия терпеливо выждала, пока все успокоятся, и председатель продолжил:

— Понимаем, десять лет — срок долгий. Вы обосновались там, привыкли. Но ваш оправдательный приговор не может быть обжалован. Вы отправляетесь в Опретаун!

— Нет, не отправляюсь! — заявил Шеймас. — Вы знаете, кто такие кавры?

— Смертоносные звери, не поддающиеся одомашниванию. Да, знаем. Они живут в лесах Трейса.

— Я их вожак! Хотите сохранить Трейс, верните меня им!

Заявление Шеймаса вызвало очередные бурные обсуждения, затянувшиеся на добрую четверть часа. Мари уже зазевалась, когда председатель сделал объявление:

— Мы удовлетворим вашу просьбу частично. Вы отправитесь в Трейс на правах свободного гражданина Опретауна и будете ответственным за поведение кавров.

— Согласен! — ответил Шеймас.

— Переходим к повторному рассмотрению второго дела. Вейц. Гибрид, миротворец Междумирья, агент под прикрытием. Вы

утверждали, что наш коллега Нэим причастен к ряду несанкционированных агрессивных действий в Трейсе. Получив доказательства его злоупотребления должностными полномочиями, мы снимаем с вас все обвинения и восстанавливаем вас в должности миротворца Междумирья. Также мы получили ходатайство из областного Совета Трейса о вашем направлении на службу в область зроу. У вас хорошие рекомендации и доверительные отношения с тамошним руководством. Такие миротворцы нам нужны. Вы согласны отправиться в Трейс на правах свободного служащего Междумирья?

— Согласен! — ответил Вейц.

— Переходим к повторному рассмотрению третьего дела. Мариэль из Палалии, хранительница памяти расы палал, запечатленная с Луиссаром из Опретауна. Вы были осуждены за верность своему запечатлению. В связи с произошедшими событиями мы вынуждены признать нашу ошибку. Пытаясь предотвратить рождение полукровок палал и опретов, мы вмешались в действие Вселенной. Приносим свои глубочайшие извинения. Вы оправданы и имеете полное право воссоединиться с Луиссаром из Опретауна.

— Я не хочу, — призналась Мари.

— Простите?

— Я отказываюсь от этого запечатления!

— Согласно новому уставу, отказ от запечатления — измена против рас Вселенной.

— Вот и отлично! Я изменница! Отправьте меня в Трейс!

Опять шушуканья. Еще полчаса утомительного ожидания. Наконец покрывшийся испариной председатель зачитал приговор:

— Подсудимая Мариэль из Палалии, хранительница памяти расы палал, запечатленная с Луиссаром из Опретауна, обвиняется в измене против рас Вселенной. Приговор — пожизненная ссылка в Трейс.

— Я могу идти прямо сейчас? — Мари указала на дверь.

В помещение вошли двое приставов. Взяв Мари под руки, ее повели в телепортационный зал. Проходя мимо Вейца, она улыбнулась ему и подмигнула. А когда проходила мимо Шеймаса, он одними лишь губами сказал:

— Мы скоро вернемся.

Мари кивнула и, в последний раз обернувшись, взглянула на Луиссара. Его глаза потускнели. На лице отпечаталась тень

болезненного поражения. Провожая Мари взглядом, он понимал, что больше никогда ее не увидит. Понимал, что ему теперь придется жить с точившими его чувствами. Понимал, что это его пожизненное наказание: любить безответно.

Мари вывели из зала.

— Ты что, дура? — спросил у нее один из приставов. — Тысячи аглов мечтают об оправдании, а ты обратно в Трейс?

— Коробочку-то дадите? — поинтересовалась Мари, не желая обсуждать с ними свой личный выбор.

Ей вручили коробку. Мари молча вошла на подъемник канала и облегченно выдохнула. Меньше чем через минуту ее перенесло в телепортационную зону Трейса, где на смене снова были ее знакомые.

— Палал? — обалдел Эксул.

— Соскучились? — улыбнулась Мари, отдавая им коробку.

— Ты сумасшедшая!

Ей подали сенсор, отсканировали генный знак и выдали новый жетон. Мари проверила наличие на нем данных о мужьях и улыбнулась еще шире.

— Жизнь прекрасна, парни! Не подбросите до замка?

Конечно, друзья ей не отказали. Проезжая по полевой дороге и наблюдая за тем, как зеленеют поля Трейса, Мари беззаботно улыбаясь. Она знала, что в этот раз ее обвинение действительно пожизненное. Она осужденная и заключенная. Изменница. Преступница. Но еще никогда в жизни Мари не чувствовала себя более свободной.

Вернувшись в замок, она обо всем рассказала Гилье, и они долго смеялись, попивая чай с ягодным пирогом.

Шеймас и Вейц возвратились ближе к ночи. Уставшие, но довольные. Они сообщили, что Стон и Блин выбили себе должности в Междумирье, а Луисцар вернулся на трон, который теперь остался без императрицы, и неизвестно, займет ее место хоть кто-то, пока будет править нынешний император, запечатленный с той, которая ему не принадлежит.

Глава 38. Расплата

Постепенно жизнь налаживалась. Орден пересматривал одно дело за другим. Кого-то оправдывали, других возвращали в Трейс, а третьи сами искали причину, чтобы вернуться.

Нэима, Тальину и Лейсандру осудили спустя две недели. Что делать с ними, решал Совет области зроу, куда их направили. Решения принимались под чутким контролем Вейца и Мари.

Нэим получил семнадцать лет ссылки с последующей смертной казнью. Совет отправил его на полевые работы в кандалах. Тальина получила пожизненную ссылку. Ее отправили в тюрьму, где она проведет остаток своей жизни в одиночной камере без права общения. Лейсандра получила четыре года ссылки. Ее направили на работу в качестве недостающей горничной в панисоне Вейца, где она так любила развлекаться с Нэимом.

На следующий день после ссылки Тальины Мари навестила ее. Тюрьма, где содержались злостные преступники, находилась далеко от населенных пунктов и была окружена глубоким рвом. Держа в руках рулончиком свернутые бумаги, которые Мари планировала использовать лишь в крайнем случае, она поцеловала Вейца, оставшегося в коридоре, и сказала:

— Я быстро.

— Может, мне пойти с тобой? — заволновался он.

— Нет, это лишнее.

Тюремщик отворил тяжелую металлическую дверь, и Мари вошла в тесную, сырую, темную камеру, пропахшую плесенью и мочой. В камере было одно узкое окошко под потолком, деревянная скамейка, застеленная двумя старыми шерстяными одеялами, и ведро для справления нужды. Тальина — лохматая, в мешковатом платье-балахоне и босиком, — подняла на Мари зареванное лицо с покрасневшими глазами и вспухшим носом.

— Позлорадствовать пришла? — рявкнула она.

— Узнать, как вы тут, — ответила Мари, не приближаясь.

— Чудесно!

— Могло быть хуже. Благодарите Шеймаса. Это он попросил

отправить вас в тюрьму, а не на непосильный труд в поле на трейсовском пекле. Тот самый Шеймас, которого вы ненавидите.

Шеймас стал главной причиной визита Мари. Ей хотелось, чтобы Тальина знала, что тот самый мальчик, которого она презирала с самого его рождения, замолвил за нее словечко. Хотела увидеть раскаяние в ее глазах. То самое раскаяние, способное смягчить ее наказание. Несмотря на пережитое горе, Мари была готова позволить Тальине хотя бы ее редкие встречи с сыном. А так как зрору к ней прислушивались, они запросто пошли бы навстречу.

— Вы уничтожили нашу расу, а мы не испытываем к вам ничего, кроме жалости. Закончить жизнь в одиночестве в грязной камере, где вас ни разу не навестит даже родной сын... Врагу не пожелаешь.

— Главное — он не женился на тебе!

— Да, вы своего добились. Поздравляю! Теперь ваш сын тоже обречен на одиночество и пожизненные муки совести. Вы потрясающая мать!

Тальина скривилась и отвернулась.

— Я последняя, кого вы увидите в своей жизни, за исключением тюремщиков, — добавила Мари. — Может, вы желаете что-то сказать?

— Будь ты проклята!

Мари поняла, что сердце этой падшей женщины черно до предела. В нем не осталось ничего светлого. Мари не ждала от Тальины прощения в уничтожении Палалии, но надеялась хотя бы на ее сожаление о том, как несправедлива она была к Шеймасу. Но ждать было бесполезно.

— Что ж, тогда не буду вам докучать. — Мари швырнула ей бумаги. — Вы всегда считали, что власть в ваших руках. Это подтверждение того, что вы были лишь пешкой в чужой игре.

— Что это? — Тальина с отвращением покосилась на рассыпавшиеся листы у своих ног.

— Отчет с регистраторов телепортационных капсул Нэима и Лейсандры. Наслаждайтесь.

Мари постучала в дверь, и тюремщик отворил ее.

— Ну как все прошло? — кинулся к ней Вейц.

— Она не раскаялась, — ответила Мари.

— Ты дала ей шанс. Она сама его упустила.

— Я только что убила ее, Вейц. Мысль о том, что она была

посмешищем в глазах тех, кому она доверяла, сведет ее с ума.

Едва Мари это сказала, как из камеры донесся протяжный вопль боли.

— Лишь бы ты не сошла с ума, — он поцеловал ее в лоб и, взяв за руку, повел вон из злосчастной тюрьмы.

На следующий день Мари в сопровождении Шеймаса прибыла на поле, где в кандалах трудился Нэим. На нем было такое же мешковатое платье-балахон, как у Тальины, ноги босые и голова побрита наголо. Мари попросила Шеймаса подождать ее на дороге, слезла с мотоцикла и, поцеловав мужа, поправила сумку за спиной. Вейц изначально был против идеи навестить Нэима. Он давно простил его и призывал к этому Мари. Ей удалось убедить мужа, что это будет их единственная и последняя встреча. Мари не собиралась тратить свою жизнь на Нэима. Но не могла отпустить его, не увидев еще раз. Ей хотелось посмотреть в глаза своему врагу, воочию увидеть, что он наказан за все свои злодеяния.

Приветствуя других рабочих, обрабатывающих тянущиеся стебли, Мари подошла к Нэиму на предельно безопасное расстояние. Он был на цепи, словно на поводке, а эта цепь присоединялась к тросу, протянутому через все поле. Его полные губы потрескались и покрылись корочкой. Поры лица забились полевой пылью. Под ногтями скопилась грязь. Перестав работать мотыгой, он выпрямился и исподлобья посмотрел на Мари.

— Что тебе надо? — процедил он сквозь зубы.

— Поверьте, не соскучилась. Пришла узнать, как вы тут.

— Замечательно! Зря я раньше избегал судимости.

— Перед нами стоял нелегкий выбор: отправить вас на поле или рубить лес. А там кавры. Они хоть и не едят гниль, но мало ли что им в голову взбредет. Сжалившись над вами, мы выбрали первое. Рада, что вас все устраивает. Я очень переживала.

— Надо было убить тебя в младенчестве, — прошипел Нэим.

— Надо было. Но вы этого не сделали, и я вам сердечно благодарна. Кстати, я вам тут обед принесла. Говорят, кормят вас неважно. — Мари вытащила из сумки судок и открыла крышку.

— Что это за смердящая дрянь?! — поморщился Нэим.

— Бычий член в собственном соку. Фирменное блюдо.

— Ешь сама. Я лучше буду есть землю.

Мари прикрыла судок и поставила его на землю.

— Сейчас вы это есть не будете. Но пройдет день, два, три, и вы проголодаетесь. К тому времени эта чашка будет кишеть червями, а другого вам не дадут. И вы будете жрать их, причмокивая и рыдая. Только представьте, как вы тут повеселитесь за эти семнадцать лет. Прощайте, Нэим. Счастливо оставаться.

Мари шагнула назад, развернулась и оставила Нэйма думать над ее словами. Подойдя к мотоциклу, она села позади Шеймаса.

— Ему понравился шедевр моей кулинарии? — усмехнулся он, заводя мотоцикл.

— Когда-нибудь он начнет просить добавки, — засмеялась Мари и, обняв мужа, положила голову ему на спину. — Они получили по заслугам. Теперь я спокойна.

— Больше нет желания навещать их?

— Нет. Отныне им нет места в моей жизни.

В этот же вечер она прибыла в пансион Вейца, где планировала провести романтическую ночь с мужьями. Уточнив у администратора, заменили ли кровать в номере сорок два, Мари распорядилась, чтобы туда отправили новенькую горничную.

В комнате все было в точности так, как когда здесь встречались Нэим и Лейсандра. Только другая кровать. Мари провела ладонью по шелковому покрывалу и села. В дверь робко постучались.

— Входи, убогая! — ответила Мари.

В номер неуверенно вошла Лейсандра, в таком же мешковатом платье, как у Тальины и Нэйма. Зло глядя на Мари, она заламывала пальцы и ждала приказа.

— Как тебе кровать?

— Нормальная, — буркнула она.

— Сегодня я буду на ней шалить. Ты же в курсе, что я замужем?

— Да. За Шеймасом и господином Вейцом.

— Как коварна жизнь, да, Лейс? Ты хотела научить меня заниматься горячим сексом, провести курс развитой опретки по поиску эрогенных зон на мужском теле. А на деле вышло, что у меня — неопытной лохушки — два мужа, а у тебя ни жениха, ни мужа, ни любовника.

— Чего желаете, госпожа? — кое-как вымолвила Лейсандра, стараясь не нарушать правила пребывания в Трейсе.

— Сначала я хотела, чтобы ты постояла над нами с опахалом, пока мы будем заниматься любовью. В целях экономии электроэнергии. Но потом мне стало так противно от мысли, что ты, — Мари передернула плечами, — будешь присутствовать в моей интимной жизни, пусть даже в качестве зрителя, что я передумала. Задерни шторы, включи кондиционер, наполни ванну с пеной и принеси вино и фрукты.

Пока Лейсандра молча выполняла распоряжения, Мари примеряла перед зеркалом белье, размышляя, какое бы выбрать. В конце концов, она решила, что белье ей совсем не нужно, и полностью разделась. Накинув на голое тело шелковый халатик, Мари приказала Лейсандре зажечь свечи. Пока та ходила по комнате, не пропуская ни одного фитиля, пришли Шеймас и Вейц.

— А вот и мои шалунишки, — заулыбалась Мари, встречая их объятиями и жаркими поцелуями.

Соскучившиеся по ней за день мужа были готовы искушать ее. Наслаждаясь их поцелуями и ласками, Мари медленно вела их к постели и косилась на Лейсандру, всеми силами сдерживающую свое любопытство.

— Ты долго еще? — спросила у нее Мари, когда мужа повалили ее на кровать и принялись снимать с себя рубашки.

— Я закончила, госпожа, — промямлила Лейсандра и поплелась к выходу.

— Эй, Лейс, — окликнул ее Шеймас, и она ненадолго замерла. — Чудное платьице. Тебе идет.

Захныкав, она выскочила из комнаты и захлопнула дверь.

— Что? — развел руками Шеймас, встретившись с хмурыми взглядами Мари и Вейца. — Это был комплимент.

Мари засмеялась и, потянув Шеймаса на себя, поцеловала его.

— Как же я вас люблю, — шептала она, вновь и вновь отдаваясь мужьям. — Больше жизни.

Глава 39. Вселенная

Мари обрела заслуженный покой. Впереди было много работы, но Орден не препятствовал процветанию Трейса. Уже началось строительство горного санатория. Флиомы разработали план открытия завода по производству собственной техники, и Шеймас получил предложение стать главным инженером. В поселке строили винодельню Тамани. А Вейц начал превращать свой пансион в отель.

Мари нечасто покидала стены замка. Она выезжала в город, если ее вызывали зрору или сопровождала Вейца по его просьбе. Иногда она объезжала поля с Шеймасом или ездила с ним в лес. Она училась отпускать обиды, чтобы они не выедали ее, не отнимали ни единого мгновенья ее жизни. Она любила всем сердцем и была любима в ответ.

Однажды проснувшись раньше мужей, Мари оделась и вышла в сад. Взяв ножницы, она занялась обрезкой разрастающихся кустов. Радуюсь новому дню и улыбаясь первым солнечным лучам, мягко пригревающим ее кожу, она не заметила, как к ней подошла Гилья. В руках служанка держала поднос с двумя стаканами холодного сока.

— Не составите мне компанию, госпожа? — спросила она.

— Конечно, Гилья, — улыбнулась Мари.

Отложив ножницы, она ополоснула руки в небольшой бочке и вошла в куполообразную беседку. Сев напротив Гильи, Мари сделала глоток.

— М-м-м... Вкусно.

Гилья молча смотрела на нее, будто не решаясь начать разговор.

— Тебя что-то мучает? — поинтересовалась Мари.

— Прости меня, Мариэль, — вдруг произнесла та. — Я не знала, что будет так.

Мари слегка смутило, что Гилья обратилась к ней на «ты», и не понимала, о чем она говорит. А у той тем временем заслезились глаза.

— Мне пришла пора уйти. Я могла сделать это, не попрощавшись. Но мне очень хочется поговорить с тобой. Объясниться.

Мари напряглась. От нехорошего предчувствия ей даже дышать стало трудно.

— Покажись! — требовательно попросила она.

Гилья встала и, глубоко вздохнув, вмиг преобразилась. Перед Мари стояла высокая, стройная девушка с сияющими золотом волосами, в белоснежном платье в пол. Ее светлая кожа светилась в лучах солнца, а в ярко-синих глазах все еще стояли слезинки.

— Я та, кого ты ненавидишь, — произнесла она певчим голосом с далеким звоном сотен колокольчиков. — Я Вселенная.

Мари сделала еще глоток и сказала:

— Тогда могла бы прихватить что-нибудь покрепче сока.

— У тебя есть основания злиться на меня. Но я знаю тебя, ты хочешь поговорить.

— Садись, — Мари кивнула на скамейку. — Говори.

— Я любила палал. Они были одной из моих любимых рас. Я верила в их будущее, видя их безграничный потенциал. А потом появилась она. Тальина. Ее ненависть пугала меня. Я чувствовала ее злобу. С ней нужно было что-то решать.

— А ты не могла просто столкнуть ее со скалы? — проворчала Мари.

— Это негуманно. Создатели так не поступают. К тому же она одна из восьми хранителей памяти расы опретов. Я нашла выход в вашем с Луиссаром запечатлении.

— Называй вещи своими именами. Ты нашла не выход, а тупик. Потому что сделала только хуже.

— Да. Ненависть Тальины увеличилась. И произошло большое горе. На протяжении двадцати лет я предпринимала разные попытки разоблачить их.

— Заметно. Сидела в сторонке, горевала и наблюдала. Если это называется попытками, то я помазанница!

— Я не имею права вмешиваться в судьбы. Хватает того, что иногда я нарушаю их запечатлениями во спасение. Я подталкивала к этому императора Опретауна. Но он не решился лишить сыновей матери и мачехи в лице Тальины. Осмелился признаться Шеймасу, когда умирал. Я воодушевилась. Напрасно решила, что теперь все прояснится. А у Шеймаса не получилось. Снова провал.

— Ты говорила, что он напоминает тебе сына, — уточнила Мари.

— Так и есть. Мужчины палал. Каждый из них — мой сын, — ответила Вселенная. — Шеймас — единственный оставшийся в живых, пусть даже полукровка. Я чувствовала его боль и не могла ее терпеть.

Тогда я спасла его и, приняв образ смертной, представилась Гильей. Зная, что доказательства вины Нэима важны не только ему, но и Вейцу, я свела их. И как только они подружились, я взялась за тебя. Свела тебя с человеком, который хранил накопители Нэима. Все шло в параллель. Шеймас и Вейц искали накопители, а они были у тебя. Ты же хотела посмотреть их, изучить! Много раз!

— Да, меня смущала информация на дискетах в двадцать первом веке. Но времени не было заниматься этим.

— А если бы ты взялась за них, то обнаружила бы, что среди дискет есть накопители. Если бы ты активировала хоть один из них, память расы к тебе сразу бы вернулась, и Орден засек бы тебя.

— Все вышло иначе. С Земли меня вытащила не ты, а Стон и Блин. Мы столько раз подвергались смертельной опасности...

— Тогда почему вы остались живы? — риторически спросила Вселенная, тем самым дав неозвученный ответ на этот вопрос.

Мари глотнула еще сока.

— Потому что Шеймас стреляет, а Вейца вылечил браслет. Тоже мне Вселенная, не могла вылечить!

— Гибрид — это не мое творение, а ваше. Я не знаю, как они устроены. Я не лгала. Но как ты думаешь, кто помог Вейцу продержаться? Кто питал его силами?

— Тебе лечиться надо, — фыркнула Мари. — Совсем крыша поехала.

Вселенная легко рассмеялась — так воздушно, беззаботно, будто прочитала веселый анекдот.

— Ты оказалась сильнее меня, Мариэль. Ты победила чары запечатления. Я горжусь тобой! Не зря я верила в палал.

— А Шеймас? Он запечатлен?

— Такой же настырный, как ты. Тоже победил. Искренне любил тебя.

— Ему, безусловно, ты о себе не скажешь! — усмехнулась Мари.

— Ты расскажешь, когда я уйду. Мариэль, я виновата перед тобой. Перед всей твоей расой. Ты вправе просить у меня все, что пожелаешь.

— Серьезно?

Вселенная утвердительно кивнула, и Мари задумалась. Покрутив пальцами наполовину опустошенный стакан, она заявила:

— Пообещай, что больше никогда никого не будешь запечатлять!

— Просишь за других? — На глазах Вселенной снова заблестели слезы. — Ты неисправима. Я обещаю. Больше никаких запечатлений, Мариэль.

Та засмеялась и перевела взгляда на сад.

— А ведь ты намекала. Между нами было столько задушевных разговоров. Я прислушивалась к тебе. Чувствовала что-то материнское. Это ты помогла мне разобраться в себе. Без тебя я могла упустить свое счастье. Ну почему ты такая? Я тебя люблю и ненавижу!

— Мне пора, Мариэль, — улыбнулась она, поднимаясь. — Шеймас и Вейц проснулись и идут сюда.

— Мы когда-нибудь увидимся?

— Я всегда рядом. Только позови.

— Всенепременно!

Вселенная стала медленно исчезать, становясь прозрачной.

— И Мариэль! Скажи Вейцу о ребенке!

— О каком ребенке? — удивилась та.

— Что меня особенно забавляет в тебе, так это то, что ты до сих пор не научилась отслеживать свой менструальный цикл! Будь счастлива, Мариэль! Это дитя унаследует память твоей расы...

Вселенная исчезла, и Мари уставилась в одну точку. Инстинктивно положив руку на свой живот, она выдохнула:

— Да ну нафиг!

До ее слуха донеслись голоса вышедших на улицу мужей.

— Говорю тебе, нормальная вода! — утверждал Шеймас.

— Она остыла за ночь, — спорил Вейц.

— Сейчас теплые ночи! — Шеймас помахал Мари и свернул в сторону бассейна.

Она натянуто улыбнулась ему и проследила за подошедшим к ней Вейцом. Он вошел в беседку и, наклонившись к Мари, поцеловал ее.

— Доброе утро, милая! Не спится?

— Угу, — промычала она, не убирая руку с живота.

— Чем занималась?

— Подстригала кусты, пила сок, разговаривала со Вселенной, узнала, что беременна.

— А это чей сок? — Вейц взял второй стакан и отхлебнул глоток. Вдруг замерев, он вернул стакан на стол и вытаращился на Мари. — Что ты сказала?

— У меня задержка. Причем давно, — вспомнила она.

Секунду Вейц не шевелился, а потом бросился к Мари и, подхватив ее на руки, закружил в вихре. Она засмеялась, обвивая его шею руками.

— Это точно?! — не веря, переспросил он, поставив ее на ноги.

— Думаю, да, — улыбнулась Мари, глядя, как искрятся его глаза.

— Саймус! — Вейц взял Мари за руку и повел к бассейну, где уже купался Шеймас.

— Не холодная она! — оповестил тот, вынырнув из воды. — Можете прыгать ко мне!

— У нас будет ребенок! — сказал Вейц.

От шока Шеймас едва не ушел на дно. Барахтаясь, он подплыл к поручням и, встав на ступеньку, тряхнул головой.

— А это как-то отразится на интимной стороне нашего брака? — поинтересовался он о самом главном для себя.

Мари хихикнула и двумя пальцами показала:

— Если только вот на столечко.

— Тогда все отлично! — улыбнулся он и снова прыгнул в бассейн, обрызгав Мари и Вейца.

Ахнув, Мари развела руки и задержала дыхание.

— Она холодная! — завопила она.

— Так накажите меня! — усмехнулся Шеймас, медленно проплывая мимо. — Кто смелый?

Мари и Вейц переглянулись. Не раздеваясь, они лишь разулись и дружно прыгнули в бассейн. Пока они выплывали на поверхность, Шеймас выбрался из воды и, собрав свои вещи, зашагал к замку.

— Ну держись, Саймус! — пригрозил ему Вейц, а Мари рассмеялась и, улегшись на спину, посмотрела в чистое, бездонное и безмятежное небо, в котором ей улыбалась сама Вселенная.

«Я прощаю тебя», — мысленно ответила ей Мари.

Эпилог

5 лет спустя

Сезон дождей выдался теплым, но ночи были прохладными. В камине тихонько потрескивали объятые жаром дрова. Из динамика приглушенно лилась плавная, убаюкивающая мелодия. Огоньки горящих свечей танцевали, создавая на стенах немое театральное представление теней. В ярко-голубых глазах Магоула — сына Мари и Вейца — искрилась бьющая толчками жизнь. Он был точной копией отца, за исключением волос, доставшихся ему от мамы.

— И что было дальше? — замороженно спросил он, с изумлением слушая сказку и даже затаивая дыхание на особо волнительных моментах.

Шеймас, сидя перед ним на ворсистом ковре, расстеленном у камина, глянул на Мари и Вейца. Те сидели на диване и умилялись таланту Шеймаса выразительно рассказывать сказки. Рядом с диваном стояла люлька, в которой Вейц тихонько покачивал мирно посапывающую Меланию — годовалую дочку Мари и Шеймаса.

— Потом, — продолжил Шеймас, взяв в руки выструганную из дерева игрушечную фигурку кавра, — вожак стаи напал на Полукровку.

— Ах! — глазки Магоула округлились. Он снова затаил дыхание.

— Но не успел непобедимый и свирепый кавр сделать прыжок, как из ниоткуда появился Гибрид, друг Полукровки! — Шеймас взял еще одну фигурку и сымитировал нападение. — Его словно послала сама Вселенная. Вдвоем Полукровка и Гибрид одолели вожака стаи, и с тех пор кавры стали их верными друзьями.

— А принцесса? — заинтересованно спросил Магоул. — Там была принцесса?

Шеймас опять взглянул на Мари и улыбнулся уголком губ.

— Да, позже в этой истории появится самая настоящая принцесса — красивая, сильная и смелая. Но об этом я расскажу тебе в следующий раз. Потому что пора спать. — Шеймас дотянулся до мальчика и чмокнул его в лобик.

— Ну, папа, — запросил тот. — Пожалуйста, еще немножечко.

Поднявшись с дивана, Мари дошла до камина и подняла сына на

руки.

— Не капризничай, — улыбнулась она. — Ты же мужчина. Прояви терпение. Папа устал после работы. Уже поздно. А завтра ты узнаешь продолжение истории.

— А я узнаю завтра продолжение истории палал? — спросил он, ручками обвив шею Мари. — Сегодня я видел, как на их планете расцветали необычные цветы. В честь этого цветения палал устраивали народные гуляния. Они пели, танцевали, играли. Было так весело!

— Да, сыночек, — Мари погладила его по спинке, — когда-нибудь ты узнаешь всю историю палал. Всему свое время. — Мари уложила его в кроватку и, накрыв одеялом, поцеловала в щечку. — Спокойной ночи, мой герой.

Мари получила от Вселенной жизнь, о которой не могла даже мечтать. У нее было два замечательных любящих мужа, подрастающий сын, красавица дочь, собственный замок, друзья и всеобщее уважение. Она отпустила все обиды и стала абсолютно равнодушна к врагам.

Вскоре после рождения Магоула она написала прошение о разрешении Тальины на встречи хотя бы с родным сыном. Зроу отговаривали ее, но она настаивала. Материнство оказало на нее сильное влияние. Орден одобрил прошение, и Луисцару было позволено раз в месяц навещать мать.

Два года назад сильно заболел Нэим, и в качестве работника он уже не рассматривался. За то, что он опорочил честь своей расы, зроу хотели бросить его умирать на поле. Но снова вмешалась Мари. Она настояла на том, чтобы Нэйима отправили в тюрьму, где теперь он дожидался окончания своей ссылки и смертной казни.

А полгода назад Трейс облетела новость, что император Опретауна Луисцар женился на своей давней подруге сердца Лейсандре. Как им удалось это провернуть, ведь Лейсандра имела за плечами судимость, Мари было неинтересно. Она вообще восприняла эту новость легче, чем рост цен на луковичные цветы.

Она научилась выбрасывать из жизни ненужное и посвящать себя только тем, кто этого достоин — мужьям, детям и друзьям.

Когда Магоул уснул, Мари села на диван между Шеймасом и Вейцом и заострила замороженный взгляд на пляшущих в камине языках. Шеймас, одной рукой поправляя балдахин над люлькой, а другой обняв Мари, произнес:

— Жизнь удивительно прекрасна.

Вейц, взяв Мари за руку и поднеся ее к губам, мягко поцеловал ее пальчики, и тихо засмеялся:

— А мы давно говорили, что пора бросать курить.

Мари хихикнула и, посмотрев сначала на Вейца, а потом на Шеймаса, сказала:

— Мальчики, только пообещайте не кричать. Детей разбудите. — Заметив на себе их заинтригованные взгляды, она набрала в грудь побольше воздуха и призналась: — Я беременна!

Конец.